

Владимир Фролкин

НЕБО ВЫБРАЛО НАС

Москва

2018

Фролкин В.А.

Небо выбрало нас

– Москва, 2018 – 266 с.

Особую признательность за помощь в работе над книгой автор выражает: Алексееву Валерию Валентиновичу, Романову Владимиру Николаевичу

В книге использованы фотографии, рисунки: В. Романова, В. Фролкина из архива автора книги.

ISBN

Книга «Небо выбрало нас» представляет интерес для изучения опыта обучения и воспитания курсантов авиационных лётных училищ 60-70-х годов прошлого века.

Она предназначена для читателей, интересующихся участием советских войск в боевых действиях в Афганистане в 1987-1988 г.г. Пригодится для исследования тех лет описание внутренних процессов жизни воинских частей, находящихся в изолированных гарнизонах, расположенных в разных местах страны, живущей по древним законам. Для слушателей военных ВУЗов, действующих военных лётчиков во многом остается актуальной методика боевого применения боевых и транспортно-десантных вертолётов в горной и пустынной местности днём и ночью.

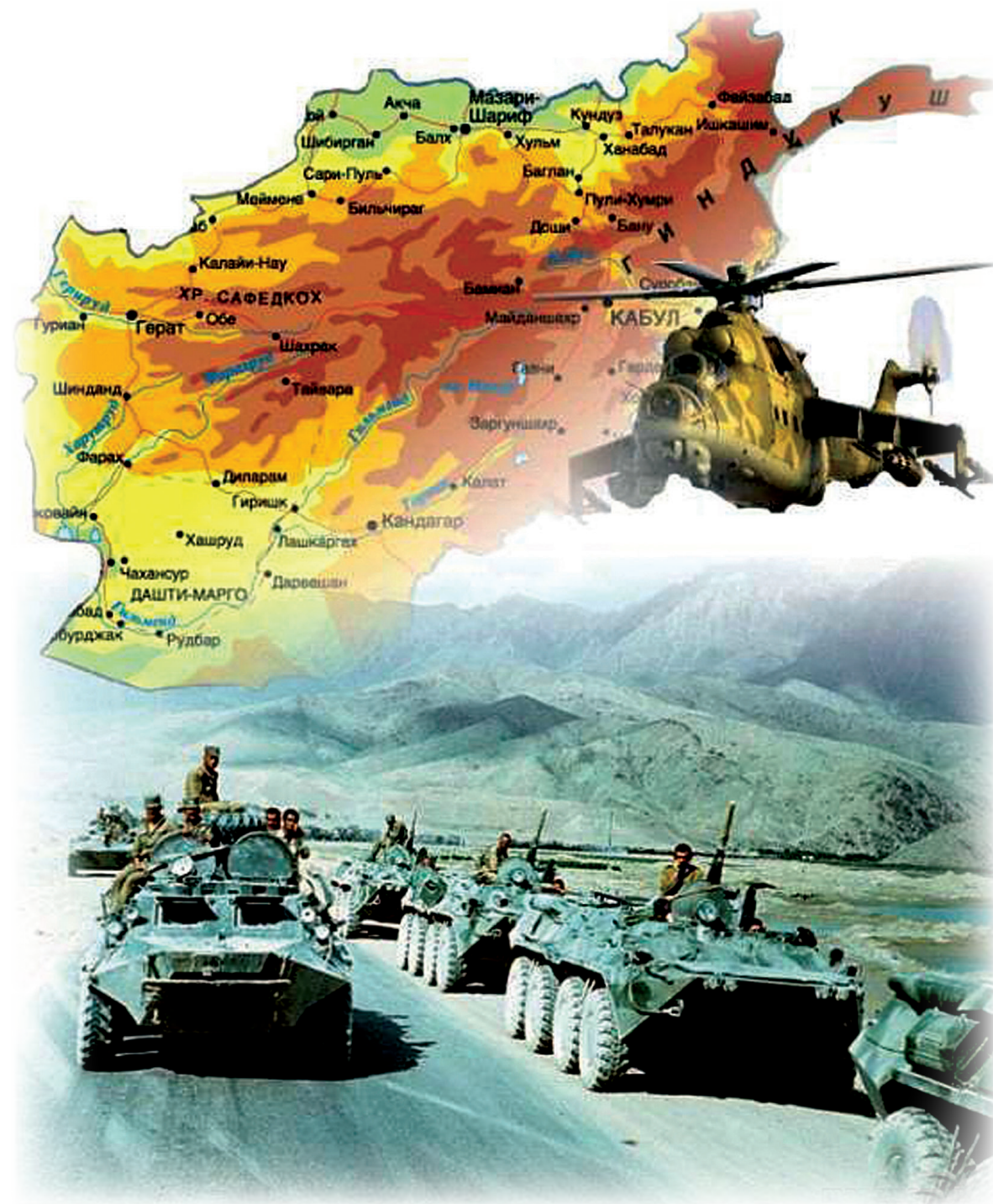
Участники боевых действий могут найти знакомых среди персонажей книги, вспомнят свои молодые, опаленные войной, годы. Для членов клубов патриотического воспитания интересна героика поступков советских воинов-интернационалистов.

Замечания и предложения просьба присылать по адресу:
frolkin.50@mail.ru

УДК
ББК

- © Фролкин В.А. Москва, 2018 г.
- © Алексеев В.В. электронный макет книги 2018 г.
- © Алексеев В.В. дизайн, вёрстка книги 2018 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ

**Полковник Фролкин Владимир Александрович,
заслуженный военный лётчик Российской
Федерации, лётчик-снайпер, участник боевых
действий в Афганистане**

**ФРОЛКИН
Владимир
Александрович**

родился 2 сентября 1950 г. в Горьковской (Нижегородской) области в семье сельских учителей.

Учёба в начальной школе в своем селе, а уже с пятого класса в соседнее село за пять километров в среднюю школу. Закалка отличная: утром 5 км в школу и после занятий 5 км обратно. В сухую погоду на велосипеде, зимой частенько на лыжах, а весной и осенью в распутицу только пешком по грязи или по раскисшему снегу.

Благодаря старшей сестре рано научился читать. В 5 лет уже был активным читателем сельской библиотеки, а в начальной школе неизменным победителем литературных викторин. В селе дети рано приучаются к физическому труду, помогая родителям управляться с домашним хозяйством. Копать огород, убирать картофель, следить за живностью, пилить и колоть дрова, носить воду из колодца, расположенного за 400–500 м от дома – это минимальный набор задач. Помогали и колхозу: посадка саженцев в колхозном саду, прополка различных культур, та же уборка картофеля, сбор и вывоз на поля золы.

В те годы патриотическое воспитание в нашей стране было организовано прекрасно. Художественные фильмы, литература прославляли подвиги российских и советских воинов. Большинство мальчишек мечтали быть военными, не исключение и Владимир. Отец, Александр Михайлович всю войну прошёл рядовым в автобатальоне, воевал на Ленинградском фронте, в том числе на дороге жизни. Старший брат отца, Иван Михайлович был танкистом, воевал на Курской дуге командиром танковой роты. По материнской линии, старший брат матери Терюков Алексей Григорьевич, младший лейтенант воевал с начала войны и в марте 1942 г. погиб под Великими Луками. Старший брат, Лев Александрович, более 20 лет летал в морской авиации Северного флота.

В 1967 году после успешного окончания средней школы, Владимир поступает в Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков, будучи еще только 16 летним, принимает военную присягу на верность Родине.

Учёба в военном училище в те годы очень сложна и специфична. Более 4-х лет жизнь в казарме со всеми особенностями срочной службы: караулы, вну-

тренние наряды, хозяйственные работы и учёба с изучением от общеобразовательных дисциплин до специальных авиационных.

На втором курсе начинаются полёты на полевых аэродромах в Куйбышевской (Самарской) области, где с мая по сентябрь +30 градусов в тени обычная температура. Закалка не для слабых.

В конце октября 1971 года состоялся второй выпуск по высшему профилю в Сызранском ВВАУЛ. Лётчик-инженер лейтенант Фролкин В.А. сам выбрал местом службы и поехал служить на Дальний Восток в Амурскую область с молодой женой, на которой женился за три дня до выпуска из училища.

В Амурской области прослужил 8 лет в должностях от лётчика-штурмана до заместителя командира эскадрильи по политической части. Становление молодых пилотов было быстрым, т.к. потребность в вертолётчиках была очень высокой. Расширялись старые и формировались новые вертолётные части, которые требовали кадров. Через 3–4 года после училища большинство становились лётчиками 1-го – 2-го класса, командирами звеньев, заместителями командиров эскадрилий, а некоторые уже и командирами.

Летали много, уже учили летать других, часто бывали в командировках.

Владимир увлекался парашютным спортом, совершил 250 прыжков с парашютом, в том числе ночью, на воду, на индивидуальную и групповую акробатику.

После Дальнего Востока 5 лет службы в Центральной группе войск в Чехословакии, 1 год в Белоруссии, 3 года на Украине. Все новые места службы осваивались вместе с семьёй – женой, сыном и дочерью.

В 1987 г. подполковник Фролкин В.А. был направлен в Афганистан под Кандагар. Участвовал в боевых действиях, совершил 300 боевых вылетов на боевом вертолёте. За особое мужество, проявленное при участии в боевых действиях, награждён орденами Боевого красного знамени и Красной звезды.

В августе – сентябре 1988 года участвовал в выводе полка и частей обеспечения из Афганистана в Советский Союз на о. Сахалин. Лично был ведущим группы 30 вертолётов. Вывод был осуществлён без потерь личного состава и всех видов техники с высокой организованностью и дисциплиной.

На Сахалине при отсутствии жилья, служебных помещений и других необходимых условий жизнедеятельности осуществлялась боевая подготовка, уже через три месяца после передислокации полк приступил к полётам.

В 1989 г. Владимир Александрович был назначен для дальнейшего прохождения службы в г. Торжок в 344-й Центр боевого применения и переучивания лётного состава армейской авиации. Здесь он активно участвовал в подготовке молодого лётного состава, исследовательских полётах, занимался воспитанием и дисциплиной личного состава.

За успешное освоение новой авиационной техники и подготовку молодого лётного состава удостоен почётного звания «Заслуженный военный лётчик Российской Федерации».

Уволился из Вооружённых сил РФ в 2001 г. с должности заместителя начальника 344 ЦБП и ПЛС АА по воспитатель-

ной работе в звании полковника. После увольнения возглавил Торжокский комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов, работая на этой должности, за короткий срок стал одним из лучших специалистов в области. Организовал

Два полковника: сын Игорь Владимирович и Владимир Александрович и их начальник Фролкина Галина Михайловна

обустройство и защиту от разрушения редкого для Тверской области явления – водопада Тверецкий. С 2005 по 2016 г. успешно работал руководителем агентства страховой компании.

В 1993 г. избран депутатом Собрании представителей населения города Торжка, является одним из учредителей Торжокского районного отделе-

ния Общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана». В 2005 г. избран депутатом Торжокской городской Думы. В 2011 – 2013 гг. являлся членом Совета общественности при городском ОВД, а с 2013 по 2016 г.г. членом Совета общественности при Администрации города Торжка и членом президиума

Совета. Периодически публикует статьи на патриотические темы в местных газетах. Участвует в патриотических мероприятиях в учебных заведениях и общественных организациях.

Сын Игорь тоже стал военным лётчиком, прошёл путь от лётчика-оператора до командира вертолётной части трижды участвовал в боевых действиях.

Полковник Арчegov В.М., генерал-майор Игнатов Е.И., полковник Фролкин В.А. и внучка Катя 9 мая 2015 г.

КОМИССАР

Фролкин Владимир Александрович, полковник, советский и российский офицер-политработник, Заслуженный военный лётчик Российской Федерации, лётчик-снайпер, орденносец, человек насыщенной и содержательной судьбы. Свои воспоминания «Удав или (Над Гиндукушем и Регистаном)» посвящает комиссарам-вертолётчикам не случайно.

Владимир Александрович Фролкин – комиссар.

Автор относится к поколению боевых лётчиков-политработников, которое, будучи ещё совсем юным, успело принять из рук живых комиссаров, политруков и политбойцов Великой Отечественной войны «Прометеев огонь». И по зову сердца понесло Огонь жизни сквозь годы и трудности достойно. Понесло лишь с одной целью: утверждать в войсках Правду, Совесть и Справедливость. И, прежде всего, личным примером.

Гордость вызывает то, что на самых крутых поворотах своей судьбы и исторических изломах в судьбе нашей Родины лётчик-политработник В.А. Фролкин не уронил Честь и Достоинство русского, советского офицера. Крест защитника Отечества несёт по жизни гордо и уверенно.

Не секрет: каждому поколению защитников нашей Родины время посылает свои трудности, диктует свои жестокости, бросает свои вызовы. Солдату остаётся одно – уметь держать удары боя, времени, судьбы. Владимиру Александровичу суждено было пройти испытания огнём войны в Афганистане. Выпавшие на его долю

удары жизни он выдержал достойно и подтвердил – только сильные духом люди способны преодолевать преграды и трудности.

Право посвящать свои воспоминания вертолётчикам-комиссарам он заслужил и отстоял, защитил и выстрадал. Правда, совесть, и справедливость пронизывают всю книгу-исповедь Фролкина В.А.

Книга написана языком доступным, живым и образным. Читать её интересно. Она увлекает, поскольку не только достоверно воспроизводит события на войне, но и передаёт дух боевой обстановки, дух времени. Язык неприукрашенной правды позволяет автору освещать события объективно, не отступать от истины. На войне как на войне.

Глубокого уважения достойно то, что В.А. Фролкин не превратился в прислужника своих боевых товарищей, соратников и командиров; не стал воспевателем вышестоящих начальников и руководителей. Каждый из них, независимо от чина и ранга, получил в повествовании своё – что заслужил. Такая позиция человека вообще важна по жизни, на войне – крайне необходима. Ничто не укрепляет так силу духа и не сплачивает воинский коллектив в боевой об-

становке, как – правда, совесть и справедливость.

Автору удаётся, не выделяя в книге партийно-политическую работу отдельным разделом, убедительно подтвердить пронизывающую жизнь-утверждающую энергию этого оружия особого рода в боевых условиях.

Налаженный быт и походный уют в местах размещения личного состава; забота о сохранении сил и здоровья военнослужащих; оперативный обмен лётчиков боевым опытом; смекалка, смелость и храбрость в бою; укрепление лётной и воинской дисциплины; своевременно оформленные награжденные документы; весёлые байки, баня и концерт художественной самодеятельности в момент затишья; и то, что советские военнослужащие до конца пребывания в Афганистане оставались людьми – всё это было следствием напряжённой партийно-политической работы. Её активно и без усталости проводили командиры и политработники, партийные и комсомольские организации, широкий круг актива воинских подразделений и частей.

Много ли в жизни, в том числе и на войне, зависит от одного человека? Много, если он на своём месте.

Опыт работы начальника политического отдела отдельного вертолётного полка подполковника В.А. Фролкина подтверждает, лётчик-политработник может много сделать, если его личный и должностной авторитеты не вступают в противоречие. Если стиль его работы отличаются: глубокая идейная убежденность и принципиальность; воля, инициатива и собранность; личный пример во всём; боевое мастерство и мужество лётчика; близость к людям и забота о них; умение добрым словом проникнуть в душу сослуживца; сострадание и готовность прийти на помощь человеку в тяжёлую минуту.

Уверен, представленный печатный труд будет с интересом воспринят читателями. Вертолётчики – участники боевых действий в Афганистане и в многочисленных «горячих точках» вспомнят тяжкое, но героическое время. Молодые поколения офицеров и курсантов – лётчиков, познакомившись с книгой – исповедью, узнают, представят себе, как и что было и бывает на войне.

Воспоминания имеют большое значение в патриотическом воспитании молодёжи и, прежде всего, в формировании у молодых людей исторической памяти.

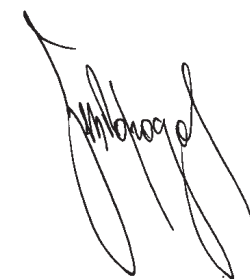
Только историческая память даёт человеку ответы на вопросы: Кто я? Зачем родился и живу? В чём смысл жизни? Что такое счастье?

Только историческая память формирует у молодых людей силу духа, силу мудрости и силу нравственности, которые помогают в жизни преодолеть трудности и стать счастливыми.

Лишь историческая память не даёт забыть, что без Родины нет у человека счастья!

Генерал-майор авиации,
военный лётчик 1-го класса,
кандидат исторических наук,
депутат Государственной
Думы Федерального Собрания
Российской Федерации первого,
второго, третьего, четвёртого
созывов

Н.М. Безбородов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удав – это я. Об этом с ехидцей в голосе мне сообщил оперуполномоченный военной контрразведки КГБ, прикомандированный к нашим авиационным частям Кандагарского гарнизона. Разговор наш состоялся перед его откомандированием из Афганистана, в те дни конца июля 1988 г., когда наши авиационные части уже начали перебазирование на территорию СССР.

Капитан-контрразведчик был под хмельком, непривычно для особиста разговорчивым. Ему хотелось продемонстрировать свое расположение ко мне, вместе с этим показать свою осведомленность в настроениях военнослужащих и их отношении к отцам-командирам. Особист говорил о моей справедливой требовательности к подчиненным, большом авторитете в гарнизоне, о необходимой на войне жесткости и строгости и при этом, вроде в шутку, назвал меня удавом, передав мнение другого человека. Мне очень не понравился этот оскорбительный разговор, о чем я и сказал капитану.

Не представляло большого труда вычислить того, кто пытается прилепить мне это прозвище. Молодой лётчик, с которым мы когда-то служили в одной эскадрилье в Центральной группе войск, однажды едва не совершил катастрофу, загнав вертолет в неуправляемый режим полета, называемый подхватом. Опытные лётчики знают, как пилотировать, чтобы не попадать в этот режим и как из него выводить вертолет, если это все-таки случилось. Этот неопытный лётчик не знал и не умел, а вывел вертолёт из неуправляемого полета чисто случайно.

Страшно даже не то, что он попал в неуправляемый режим полета, а его некрасивая попытка уйти от ответственности. Офицер – коммунист, будучи секретарем первичной партийной организации, не смущаясь, подставил других офицеров, втянув в свою ложь. Мне пришлось доказывать истину коллективу и этому самому лётчику. Коммунисты эскадрильи принципиально спросили с офицера не столько за воздушное хулиганство, сколько за нечестность. Лётчик не имеет права лгать своим товарищам. Прошло четыре года после того случая, военная судьба снова свела нас и, как оказалось, в душе у человека продолжала жить обида на меня.

Бог ему судья, жаль только, что он для себя тогда не сделал выводов.

Для тех людей, которые вели себя недостойно, я действительно был удавом и не стыжусь этого. Требовательность к самому себе, к своему поведению в быту, на службе, в полетах, особенно в боевых вылетах, дают руководителю-лётчику право требовать этого от подчиненных. Политработники, призывающие и требующие от военнослужащих дисциплины, добросовестности, мужества, обязаны все это проявлять и сами, а если говоришь, но не выполняешь, рождается негативное отношение военных людей к таким горе-политрукам.

В наше время в кинофильмах и художественной литературе стали частенько изображать политработников в негативном свете. Ругать замполитов особенно активно стали после распада СССР и КПСС. Этим грешат вполне достойные люди, иногда сами бывшие политработниками и те, кого партия наказывала за неблагоприятные поступки. Перед критиками нашего брата-замполита ставлю один и тот же вопрос: «Разве правильно ставить профессию и человеческие качества на одну доску?»

Мне обычно отвечают: «Ты другой, ты вообще лётчик, таких как ты политработников, было мало».

С этим никак не могу согласиться. Среди авиационных политработников было много исключительно порядочных и честных офицеров, которых с уважением называли комиссарами.

Здравомыслящим людям понятно, что человека определяет не его профессия, а его убеждения, поведение в быту, на службе и особенно на войне. Если руководитель обладает качеством справедливости, ему будут благодарны в конечном итоге все его подчиненные и сослуживцы.

Никого не защищаю и никого не хаю в своих воспоминаниях. Пишу правду и только правду. Описываю события такими, какими их лично видел и помню. Кто-то когда-то может быть прочтет мои воспоминания и увидит наше время таким, каким вижу его я, бывший начальник политического отдела отдельного вертолетного полка.

Небо выбрало нас

*Текст песни
«Небо выбрало нас».
Александр Домогаров:*

*Взмахнула душа крылами...
Настала пора летать.
Есть время разбрасывать камни
И время их собирать.
Дорога уводит в небо...
И труден наш путь во мгле.
Кто прав, тот уходит первым,
Оставив свой след на земле...
Кто прав тот уходит первым,
Оставив свой след на земле.*

Припев:

Припев:

*Небо выбрало нас...
Сделай шаг за звездой.
Отогрей этот мир.
Дай ему этот шанс.
Оторвись от земли.
Поднимись над собою.
Наше время пришло...
Наше время пришло.
Небо выбрало нас...*

*Оторвись от земли.
Поднимись над собою.
Наше время пришло...
Наше время пришло.
Небо выбрало нас...*

НЕБО ВЫБРАЛО НАС

*Небо выбрало нас...
Сделай шаг за звездой.
Отогрей этот мир.
Дай ему этот шанс.
Оторвись от земли.
Поднимись над собою.
Наше время пришло...
Наше время пришло.
Небо выбрало нас...*

*Мы любим, живём и верим,
В последний и первый раз.
Мы смотрим с тобою на время,
А время смотрит на нас.
Пусть кто-то сгорит до срока.
Умеешь летать – лети...
И в небо свою дорогу
Попробуй сегодня найти...
И в небо свою дорогу
Попробуй сегодня найти.*

КОГДА ЗАКОНЧАТСЯ ВОЙНЫ

Когда закончатся войны?

Впервые опубликовано в газете
«Новоторжский Вестник 8 мая 2003 г.)

Написать о войне – Великой Отечественной и других последующих меня заставили воспоминания об отце – фронтовике, ушедшем из жизни несколько лет тому назад. Он был простым солдатом и прошёл через всю войну в звании рядового. О войне говорил неохотно и очень редко. Гораздо охотнее, хотя и со слезами на глазах, отец вспоминал о встрече с однополчанами по Ленинградскому фронту на сорокалетию Победы.

Сейчас, когда отца не стало, очень жалею, что так мало узнал от него о фронтовых годах. Перед войной он закончил литературный факультет Горьковского педагогического института и начинал печататься в районной и областной газетах. От довоенного творчества следов не осталось. А вот часть стихов и газетных статей, напечатанных в армейской газете одной из армий Ленинградского фронта, сохранились. Отец писал о боевых буднях, о зверствах фашистов, о подвигах сослуживцев. Особенно впечатляюще стихотворение о ребёнке, раненом при артиллерийском обстреле Ленинграда и умирающем на руках у матери.

ЗА КРОВЬ ДЕТЕЙ

Из фронтового блокнота.
(По рассказу старшего сержанта
Сергея Егоренкова)

День декабря. Уж зимнею прохладой
Дышало небо Ленинграда
И по проспекту Октября
Я шел свободно не спеша
Декабрьским воздухом дыша.
Я сел в трамвай. И вот на Невский
Свой взор я жадно устремил
Потом в своем зеркальном блеске
Открылась мне красавица Нева,
Всегда прозрачна и светла.
Сойдя с трамвая, по панели
Я снова вышел на бульвар,
Вдруг свист, разрыв и рядом полетели
Со страшны треском грохоча,
Осколки стекла, кирпича,
Раздался стон. Затем поближе,
В груди дыханье затаив,
Я подошел туда и вижу,
Из дома женщина идет
И на руках дитя несёт.
Малютка жалобно стонала,
Едва губами шевеля,
А мать безудержно рыдала,
И слезы горькие текли
На рану маленькой руки.
Головка русая склонилась
К несчастной матери на грудь,
От боли резкой тельце билось,
Как будто капли от крови
Насквозь всю кожу обожгли.
Медпомощь скорая пришла
И мать с ребенком увезла.
И долго я в груди с волнением

И сам не зная, где ходил,
Как страшный сон или виденье,
Я в этот час переживал,
Душевно мучаясь, страдал.
И как от сна я вновь очнулся,
Но все кипела в жилах кровь,
Я снова на берег вернулся,
И величаяя Нева
Меня прохладой обдала
И в этот миг в сознание снова
Ребенка образ мне предстал,
И голос чей-то мне суровый,
Вперед к отмщенью призывал.
Он говорил: «Коль любишь ты
Свою жену, своих детей
Детоубийцу ты найди
Иди вперед, вцепись в лицо, убей
Испепели дотла, нисколько не жалея.

А. Фролкин

Рядовой солдат – красноармеец с высшим образованием много размышлял на фронте и многие годы спустя о беспощадной сущности войны, о поведении человека в боевой обстановке. Последней публикацией отца была статья в районной газете к 50 – летию Победы. Вспоминая о фронтовых годах, о тяжелейшем испытании, выпавшем на долю советского народа, он задавался вопросом: когда закончатся все войны, когда перестанут гибнуть здоровые молодые люди, оставляя вдов и сирот? В той же статье он писал, что после войне не сомневался в том, что детям и внукам фронтови-

Знамя Победы над Рейхстагом

Из воспоминаний Евгения Халдея: Флаги Победы
– Я ведь давно размышлял над тем, как поставить свою «точку» в затянувшейся войне: что может быть значительнее – Знамя Победы над поверженным врагом!..

ков уже не придётся никогда больше воевать, но вот сыну пришлось воевать в Афганистане, а внуку в Чечне. Почему?

Ответа не было. Нет и наверное не будет в обозримом будущем, хотя пишут немало об этом писатели и историки, бывшие военачальники и многие аналитики. Не претендую на глубокие исторические выводы, но продолжить тему, поднятую в своё время отцом, считаю обязанностью перед его памятью.

О Великой Отечественной, как и все, родившиеся после её окончания, знаю из общей истории, истории военного искусства, литературы, кино, от ветеранов. Самому же мне пришлось участвовать в боевых действиях в Афганистане, а через несколько лет после окончания афганской войны провожать сына в Чечню, а потом в Таджикистан.

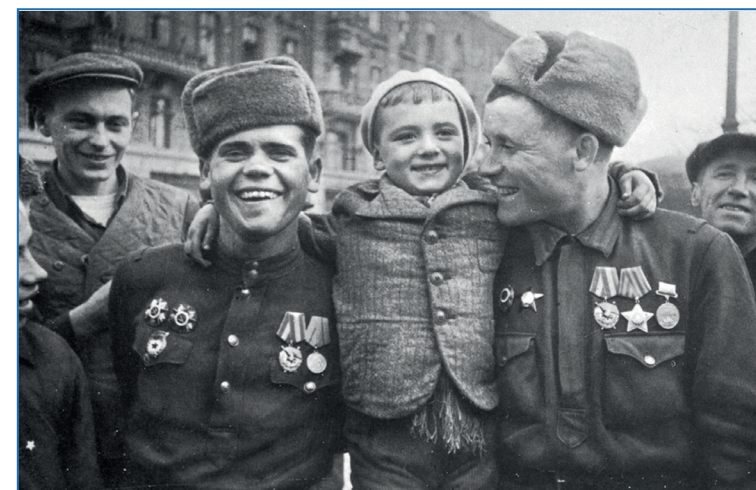
Содержание войны, независимо от исторического периода, целей, задач, технической оснащённости, воюющих сторон, остаётся неизменным – уничтожение человеком человека. Насилие, массовая гибель как военных, так и мирных людей, разрушенные населённые пункты, демографические проблемы поколений и масса других негативных последствий – так было во всех войнах, так будет и впредь, это факт и неизбежность.

Уроки войн забываются быстро, так уж видимо, человек устроен. И только всю оставшуюся жизнь несут в себе боль о погибших и рубцы на сердце матери и вдовы солдат, не вернувшихся с поля боя.

Многие политики, принимающие судьбоносные решения, наверное обладают самой короткой памятью об итогах войн, а скорее всего сознательно стирают их в своём сознании. Иначе чем объяснить тот факт, что в нашей стране, которая за всю историю своего существования прошла через многие опустошительные и кровопролитные войны, политики высочайшего ранга снова их начинают. Объяснить войну можно национальными интересами, можно сваливать вину на ошибочные решения прежнего руководства страны, много чем можно. Только чем же объяснить то, что за период жизни нашего послевоенного поколения была начата война в Афганистане и, ещё неоконченная была признана ошибочной? Спустя шесть лет началась Чеченская, и тоже осуждалась, как ошибочная. Можно с этим согласиться, так как известно, что в первой Чеченской войне, по решению политического руководства, были сданы все завоёванные вначале в ходе тяжёлых боёв позиции, а потом с территории всей респу-

блики выведены войска. Через несколько лет пришлось освободить от боевиков ценой многочисленных жертв те же самые чеченские города, аулы, дороги, горные перевалы.

Сколько ещё ошибочных решений о войне примут действующие и будущие политики, щедро оплачивая их кровью и страданиями собственного народа? Сколько времени понадобится нам, россиянам, для того чтобы выбирать во власть тех политиков, которые не делают преступных ошибок?

Победа!

Никак не поставишь рядом войну Великую Отечественную, Афганскую и Чеченские. У них совершенно разные цели, задачи и ситуация в мире и стране. Главное во всех войнах – люди, а жизнь человеческая одинаково бесценна. К сожалению, жизнь

солдатская, да и своих мирных жителей, в нашей стране не особенно ценилась большинством политиков и военачальников.

Подтверждением могут быть и операции в ходе Великой Отечественной, когда красноармейцы с трёхлинейкой шли против немецких танков, когда ставились задачи по завершению операций любой ценой к юбилейным датам. По Афганистану могу судить по многим примерам. Например, в канун Дня Победы в 1988 году вечером лётчиками афганских прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫХ ВОЙСК были обнаружены позиции реактивных установок, нацеленных на наш гарнизон. Командованию гарнизона было ясно, что с наступлением тёмного времени, а до него оставались считанные минуты, реактивные снаряды упадут на наши головы.

Боевые вертолёты могли уничтожить вражеские установки до наступления сумерек, но на просьбу командира вертолётного полка о разрешении поднять в воздух дежурную пару из штаба армии последовал отказ. Смысл отказа был примерно такой: «За

Фронтовики – ветераны села Большое Терюшево Нижегородской (Горьковской) области 1985 год. Отец во втором ряду слева первый

Отец Фролкин Александр Михайлович и мать Клавдия Григорьевна

то, что снаряды наде-
лают бед в гарнизоне,
с командования авиа-
ции спроса не будет, а
если собьют вертолёт в
воздухе, то голов снимут». Выкручиваться
пришлось командиру
вертолётного полка, и
он поднял в воздух де-
журную пару вертолёт-
тов для уничтожения
обнаруженной цели
под предлогом друго-
го неотложного зада-
ния.

Фотография Рейхстага

С жизнью нас, военных вер-
толётчиков, не очень считались
и некоторые общевойсковые
начальники, заставляя выпол-
нять очень опасные задания,
в которых не было серьезной и
оправданной необходимости.

Нельзя считать заботой о со-
хранении жизни уровень под-
готовки молодых солдат, кото-
рые в учебных подразделениях
занимались не столько боевой
учёбой, сколько бесчисленны-
ми хозяйственными работами,
а потом уже в действующей
армии, после некоторой допол-
нительной подготовки, должны
были идти в бой.

В 1989 г. части 40-й армии
были выведены из Афганиста-
на. Необъявленная война закон-
чилась, народ и военные люди

вздохнули с огромным облегче-
нием. Многие военачальники
– участники боевых действий
заняли ключевые посты в руко-
водстве Вооружённых Сил, что
внесло положительный импульс
в боевую подготовку войск. Но
только вначале, а через 2-3 года
бесценный опыт стал забываться.
В это время уже назревала
война в Чечне. Вооружённые
Силы в эти годы вместе с госу-
дарством претерпевали огром-
ные потрясения, что сказыва-
лось на них очень болезненно.
Новая техника перестала по-
ступать в войска. Топлива всех
видов не хватало на минималь-
ное поддержание боевой готов-
ности. Финансово не обеспечи-
вались даже потребности в де-
нежном содержании. В Чечне

большой разницы по сравнению с Афганистаном не произошло. Там уже воевал сын, едва окончив военное училище и имея только минимальный налёт для того, чтобы уметь держаться в воздухе.

Здесь можно провести некоторую параллель с Великой Отечественной: выжил в первых вылетах, значит полетаешь, а нет так война всё спишет. И ведь списывает до сих пор. Мне пришлось беседовать с лётчиками, только что вернувшимися из «второй» Чечни. По их оценкам, жизнь наших воинов и там не очень ценилась. Запомнились мне слова одного опытного лётчика: «Страшно было погибнуть не в бою, а от шальной пули пьяного контрактника в местах дислокации своих войск». Не хочу обидеть военнослужащих, проходящих службу по контракту, среди них много настоящих, толковых воинов, но уже давно не секрет, что на эту войну наскоро собирали военкоматы солдат и без какой-либо подготовки и отбора по морально-психологическим качествам и уровня военной подготовки направляли в воюющие части.

За 73 года, прошедших после Великой Отечественной, в стране произошло много и положительного и негативного, многое изменилось в сознании людей. Могу с уверенностью

сказать, что наши люди в условиях войны в большинстве своём остаются людьми высокой пробы. Российские солдаты и офицеры нашего времени несут в себе лучшие качества отцов и дедов, воевавших в 1941 – 1945 г.г. и достойны их славы и памяти. В условиях идеологического безвременья они являются настоящими патриотами своей Родины. Неприхотливость в бытовых условиях, умение приспособиваться к самым тяжёлым условиям, а главное неукоснительное соблюдение суворовской заповеди: «Сам погибай, а товарища выручай!».

Думаю, что на отцовский вопрос: когда мы перестанем тревожиться за судьбу детей и перестанем воевать, получим ответ тогда, когда образумятся правители стран всего мира. Это может произойти только когда правители и правительства будут нести полную ответственность за принятие решений, которые ведут к войне.

Американский писатель Эрнест Хэмингуэй в сентябре 1945 года писал: «...не надо думать, будто война, какой бы оправданной она ни была, может быть не преступной. Спросите об этом пехоту, спросите мёртвых». В этой же статье предисловие к антологии «Сокровище свободного мира» он писал:

«... позаботимся, чтоб наши враги не сумели снова затеять войну. Нам придётся перевоспитать их. Нам придётся самим выучиться жить в справедливости и в мире со всеми странами и народами на нашей земле. Для этого мы должны многому научиться и перевоспитать многих. Но в первую очередь перевоспитать самих себя».

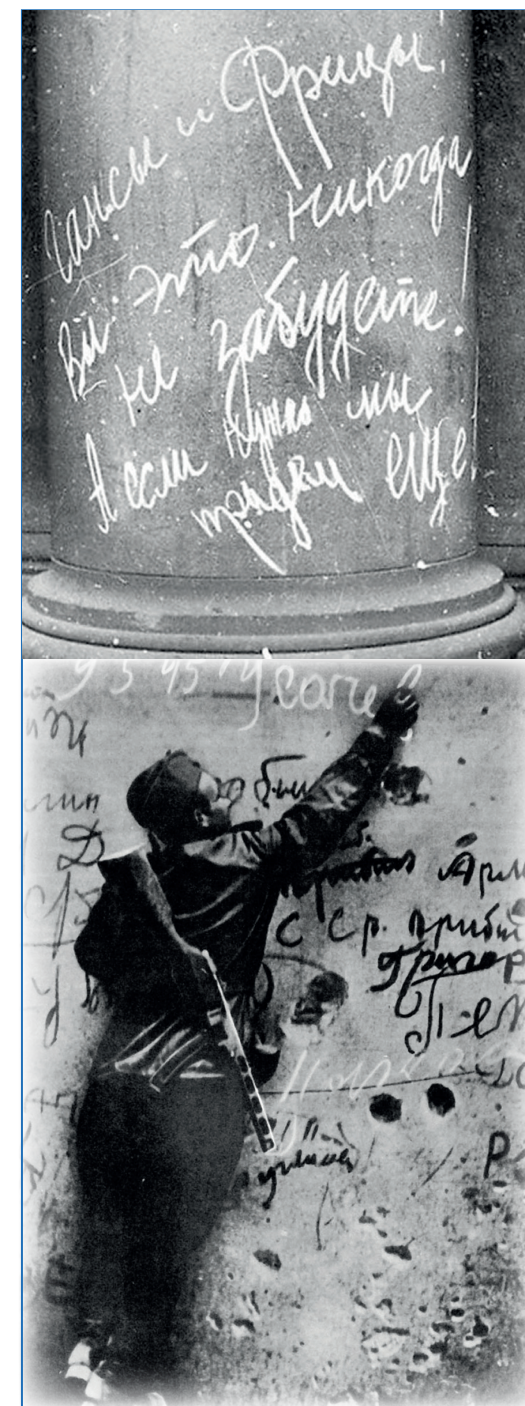
Глубокий смысл, безусловно, заключен в этих словах. Только вот нет уверенности, что руководители стран, начинающих войны, хорошо знают мировую литературу и изучают историю.

Зная о войне не понаслышке, тревожась за судьбу своих детей и внуков, хочу сказать, что глубоко ненавижу войну и, как большинство нормальных людей, мечтаю о том, чтобы никогда больше наша страна не воевала.

Мы дошли до Берлина

На колонне Рейхстага не стирается послание победителей:

«Гансы и Фрицы! Вы это никогда не забудете! А если нужно, мы придём ещё».

КУРСАНТСКИЕ ГОДЫ

ПЕСНЯ КУРСАНТОВ – СЫЗРАНЦЕВ

Слова П. Золоторенко,
музыка Ю. Честнова

Над Волгою чистое небо
Напоено светлою синью.
Мы в Сызранском высшем военном
Небесную прелесть постигли.
Нас радует каждая строчка
В учебнике лётной науки.
А в воздухе зреет наш почерк
И крепнут пилотские руки.

Припев:

Летят винтокрылые
В небе рассветном,
Бархатный рокот плывёт.
Над Волгой притихшею
Был мой заветный
Первый курсантский полет.

Мы песню в свой строй и в казарму
Ввели, приравняв её к хлебу,
И дружбу мужскую познали,
Чтоб легче осваивать небо.
А даль раскрывает секреты,
Берёт в голубые объятья.
Спасибо, Инструктор, за небо.
За мудрость твою. Воспитатель.

Припев:

Летят винтокрылые
В небе рассветном,
Бархатный рокот плывёт.
Над Волгой притихшею
Был мой заветный
Первый курсантский полёт.

Над Волгою чистое небо
Напоено утренней синью.
Мы в Сызранском высшем военном
Добыли орлиную силу.
Нас ждут гарнизоны Отчизны
С волнующей лётною новью.
Но милая с воздуха Сызрань
Останется первой любовью.

За 75 лет в Сызранском училище произведено 83 выпуска военных специалистов из них на:

- самолётах – 4;
- планерах – 18;
- вертолётах – 61 (по среднему профилю – 17, по высшему профилю – 44).

Подготовлено более 20 000 воздушных бойцов, из них более 14 000 – вертолётчиков.

На протяжении всей истории военного учебного заведения его выпускники всегда показывали себя профессионалами высокого уровня. Так было при выполнении специальных заданий по спасению людей и по перевозке грузов во время весенних паводков; обеспечении поиска и эвакуации космических объектов; ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и в огненном небе Афганистана, а также в контртеррористической операции на Северном Кавказе; спасение людей и их эвакуация в море с терпящих бедствие воздушных судов, кораблей, судов и подводных лодок, обеспечение подъёма АПЛ «Курск».

54 выпускника удостоен высокого звания Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда и Героя России, 59 стали генералами, 189 – удостоены почётных званий «Заслуженный военный лётчик».

139 выпускников окончили училище с Золотой медалью. Многие тысячи награждены орденами и медалями. Более 220 стали мастерами вертолётного спорта.

За последние годы произошли качественные положительные изменения в кадровом составе преподавателей. В настоящее время в училище служат и работают:

- 4 доктора наук;
- 48 кандидатов наук;
- 2 профессора;
- 20 доцентов;
- 15 преподавателей, награждённых знаком «Отличник высшей школы»;
- 4 заслуженных работника высшей школы;
- 7 почётных работников высшего профессионального образования.

После четырёхлетнего перерыва в 2013 году возобновили набор курсантов в училище в количестве 320 чел., а в 2014 г. – 374 чел.

19 мая 2014 года впервые начали обучать 29 курсантов на вертолётах «Ансат» на аэродроме «Сокол».

В последние четыре года поступают на вооружение новые образцы авиационной техники (вертолёты «Ансат» – 25 шт. и Ка-226 – 18 шт.), предназначенные для первоначального обучения курсантов.

АБИТУРА – ПОСТУПЛЕНИЕ В СЫЗРАНСКОЕ ЛЁТНОЕ УЧИЛИЩЕ

Курсант Фролкин В.А. 1970 год г. Сызрань

Жаркое лето 1967 года, город Сызрань. Сызранское ВВАУЛ. Сюда со всего необъятного СССР съехались мальчишки разных национальностей, мечтающие стать военными лётчиками. Училище готовило вертолётчиков, что несколько снижало его популярность по сравнению с другими авиационными вузами, все мальчишки мечтают быть истребителями и никак иначе. Тем не менее, желающих было более 2-х тысяч человек, а набрали всего 350.

Система заезда абитуриентов в училище была чётко выверена и отлажена многими годами. Сначала приезжали солдаты и матросы срочной службы, так как они поступали вне конкурса, им достаточно было пройти медицинскую комиссию и сдать вступительные экзамены без доек. Следом приезжали ребята, окончившие среднюю школу на один – два года ранее года поступления, и только потом выпускники 1967 г.

Солдаты и матросы составляли костяк большой «армии абитуриентов», они были старшими подразделениями, входили в администрацию войскового приёмника. Территория приёмника располагалась отдельно от самого училища. Довольно зна-

Курсанты 18 классного отделения, 1971 год г. Пугачёв

чительная территория, огороженная деревянным забором, где располагалась одна единственная деревянная казарма с плотно составленными двухъярусными кроватями, столовая и ряды армейских, выгоревших на солнце, палаток, в которых абитуриенты и размещались. Главным для большинства ребят было поступление в училище, а бытовые условия не имели значения.

Все проходили медицинскую комиссию, которая была очень серьёзной. При поступле-

нии в лётное училище для всех была установлена так называемая первая группа. По этой группе курсант допускался к учебным полётам на любом типе летательного аппарата. На этом этапе отсеивалось много абитуриентов, несмотря на то, что до этого все проходили районные, а затем областные медицинские комиссии. В училище, помимо общих проверок состояния здоровья, были ещё и специфические авиационные на горизонтальных качелях, на вращающемся кресле, в барокамере до высоты 5 тыс. м.

Курсант Владимир Фролкин

Те, кто не прошёл комиссию, уезжали, многие со слезами, а годные к полётам, готовились к вступительным экзаменам. Вместо убывших, приезжали другие ребята, и сразу вступали в отборочную круговерть. Подавляющее большинство искренне горело желанием поступить в военное лётное училище, очень мечтали надеть военную форму и курсантские погоны. Но были и другие, из числа солдат и матросов, которые приехали отдохнуть пару месяцев от суро-

вой солдатской лямки, которую в те годы надо было тянуть 3, а на флоте все 4 года. Надо сказать, что эти ребята в большинстве, заражались общим духом мечты о небе и уже не говорили о первоначальном замысле. Немало абитуриентов, не поступивших в училище по каким-либо небольшим дефектам здоровья, либо не набравшим необходимых баллов на экзаменах и не прошедших по конкурсу, приезжали на следующий год, а некоторые и на третий. Такое стремление к поступлению приёмная комиссия обычно учитывала.

Для успешно сдавших экзамены проводилось ещё одно испытание – **психологический отбор**. Это было очень интересное испытание, с использованием различных таблиц, в которых за определенный период времени нужно было выделить какие-то буквы, цифры или слова. Следующий этап проверки проводился на специальных приборах, на которых требовалось проделать определенные манипуляции, а в случае ошибок срабатывал звуковой сигнал, который заставлял волноваться и совершать ошибки. Психологический отбор не играл решающей роли для зачисления в училище, но при прочих равных условиях мог дать преимущество. По итогам экзаменов проводилась

мандатная комиссия, на которой положительно оценивались ещё и спортивные достижения, характеристики, в том числе комсомольские, и сообщалось о зачислении либо об отказе в зачислении в училище.

В те годы система поступления была очень честной. Медицинскую комиссию невозможно было купить за деньги, на экзаменах каждый из нас честно получал ровно то, что заслужил. Изредка с кем-то из ребят приезжали родители, стремящиеся помочь своим сыновьям при поступлении, обычно это были отцы – офицеры. Не думаю, что это играло большую роль для зачисления, но у нас простых абитуриентов это вызывало неодобрительное отношение к таким «сынкам».

Испытания закончились, 350 ребят готовы быть курсантами военного лётного училища. Из войскового приёмника нас перевели на территорию училища, где мы несколько дней ждали приказа о зачислении, а

На парашютных прыжках

Лётная группа

пока занимались знакомством с учебной базой, аэродромом, выполняли работы по приведению в порядок учебных классов, казармы. Объявлен приказ о зачислении. Радость неопишная. Телеграммы родителям и девочкам. Стрижка под ноль. У знаменитого училищного парикмахера на каждого из нас всего пара минут и команда: «Следующий!». Баня, а после бани, надеваем военную форму с курсантскими погонами, любимы сами собой и новыми друзьями. Простая повседневная форма курсантов тех времён состояла из гимнастерки со стоячим воротником, брюки галифе, шерстяная пилотка, кожаный ремень, шинель солдатского покроя, но из офицерского сукна. А вот парадная форма это просто красота. Шерстяной китель со стоячим твёрдым воротом, синие брюки галифе, хромовые сапоги, фуражка с голубым околышем. **Курсантские погоны – мечта многих тысяч пацанов:** голубое поле, золотой кант п-образной формы, чёрная кромка. В лётных училищах курсанты носили офицерские фуражки, т.е. с офицерской кокардой и крылышками, но это право приобреталось позже, а пока просто красная звезда. После похода в таком блестящем обличии в учи-

лищное фотоателье фотографии будущих пилотов в лётной фуражке летят во все концы СССР.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Курс молодого бойца в течение одного месяца. За это короткое время из мальчишек делали военных людей, ещё не профессионалов, но уже солдат. Нужно уметь быстро и аккуратно одеваться, правильно наматывать портянки, а это искусство, ходить строевым шагом, по-военному приветствовать старших, заправлять кровать, копать окопы, носить противогаз, стрелять из автомата.

Теоретические занятия были пока по общевоинским дисциплинам. На одном из первых занятий по защите от оружия

массового поражения преподаватель сказал удручающую фразу о том, что в современной термоядерной войне победителей не будет, так как все живое на земном шаре погибнет. Молодым людям, только что призванным с гражданки, было не понять этого, но все скромно предпочли не высовываться, кроме меня. Я наивно спросил у полковника, зачем нужна такая война. Ответ был эмоциональным, патриотическим и жёстким. Во время перерыва житейски опытный Саня Кузнецов в насмешливой форме порекомендовал мне больше не задавать таких вопросов, а то вылетчу из училища в места не столь отдаленные.

На курсе молодого бойца важнее всего было приобрести умение жить в большом коллективе, научиться подчиняться и вместе с тем не становиться оловянным солдатиком, так как из тебя должен вырасти военный лётчик, умеющий действовать самостоятельно в любой, в том числе экстремальной, обстановке. Военное авиационное училище это делало отменно. Обратим внимание, что именно лётное, так как сам дух, психологическая среда уже делали из нас лётчиков. Мы были чрезвычайно горды уже тем, что будем лётчиками, что носим голубые

погоны с эмблемой – крылышками. А авиационный флаг это солнечные лучи на фоне чистого голубого неба, с пропеллером и крыльями, радостный и солнечный.

Нами пока занимались офицеры разных нелётных специальностей, командиры взводов, начальник курса, преподаватели. Лётчиков-инструкторов мы видим только издали, и они для нас почти боги. Да что говорить про офицеров, когда мы с благоговением смотрим на курсантов старших курсов, они такие взрослые и серьёзные, загорелые и обветренные, на боку планшет, а в руках шлемофон с очками.

ПРИСЯГА

В день принятия военной присяги (18 августа) мы идём на первый в своей жизни День Воздушного флота СССР, который проводится на аэродроме. Вертолёт, парашютисты, лётчики в парадной форме, военный оркестр, флаги, цветы, нарядные женщины, дети военных лётчиков – радостный праздник на всю оставшуюся жизнь.

Для того, чтобы стать настоящим лётчиком нужно много учиться, трудиться, но при всем этом очень важно быть влюбленным в летательный аппарат, авиационные символы, термины, запах аэродрома, в лётное братство. Мы были разными по возрасту, воспитанию, национальности, но объединяла нас приверженность к авиационной романтике.

КУРСАНТСКАЯ ЖИЗНЬ

После курса молодого бойца и принятия присяги началась настоящая курсантская жизнь. Учёба продолжалась 4 года и 2 месяца. Высшее военное авиационное образование было уникальным и насыщенным знаниями. Курсанты с первых дней нахождения в училище считались

военнослужащими срочной службы и на них ложились все те нелегкие обязанности и тяготы, которые испытывали обыкновенные солдаты и матросы. Жёсткий распорядок дня, караульная и внутренняя служба, хозяйственные работы, уход за личным оружием и, конечно, строгая воинская дисциплина, которая поддерживалась строевыми офицерами, многие из которых были фронтовиками, т.е. участниками ВОВ.

Главным была учёба, и курсанты изучали все то, что положено было постигнуть студенту вуза: от математического анализа, научного коммунизма и марксистско-ленинской философии до азбуки Морзе, аэродинамики и динамики полета

вертолёта. На практических занятиях мы даже учились токарному и сварочному делу. Авиационные дисциплины требовали особого подхода. Их нужно знать хотя бы на «хорошо». Какой же из тебя лётчик, если аэродинамику, конструкцию и прочность летательного аппарата, метеорологию, вертолётостроение, авиационную технику знаешь только на «удовлетворительно».

Учиться надо было серьёзно и ответственно, а если чего-то не понимаешь, то просто зубри. Были, конечно, «махровые» троечники, но таких было немного. Большинство ребят понимали необходимость прочных знаний, да и просто интересно было изучать специфические дисциплины.

Требования к знанию основ **вертолётостроения** были очень высокими, нужно было хорошо считать в уме, на навигационных линейках и ветрочетах, работать с топографическими картами. Каждое занятие начиналось с летучки, по результатам которой каждому из нас ставились оценки. Преподаватели все были высококлассными штурманами, прошедшими войну и дело свое они знали отменно. Больше всего мы любили подполковника Субботина Михаила Ивановича, он был внешне строг, мог употребить крепкое выражение, но лекции читал просто виртуозно. В ходе чтения лекции преподаватель мог остановиться около любого из нас и дать вводную для счёта в уме, по результату ответов сразу ставилась оценка в журнал. Ответить на вопрос нужно правильно, но не менее важна твоя реакция на неожиданную вводную. Ответил правильно, но заволновался, запинаясь, экаешь-мекаешь, хорошего слова от преподавателя не услышишь, а вот матерком приласкать может. В ходе лекции рассказывались случаи из фронтовой, а иногда из личной жизни. Заснуть на его лекциях было невозможно. Эту дисциплину знать слабо было невозможно, самые ленивые и отстающие ос-

ваивали основы воздушной навигации очень прочно. Во всей последующей многолетней лётной работе такая отменная подготовка нам очень пригодилась.

Если получил текущий неуд по любой дисциплине или дисциплинарное взыскание за небрежно заправленную постель, то не будет увольнения в выходной, если получил неуд за экзамен или несколько суток гауптвахты за сто граммов выпитого в увольнении спиртного, то сокращался срок очередного отпуска. Это не было нарочитой строгостью со стороны командования училища или учебной эскадрильи – это было необходимым условием для воспитания внутренней самодисциплины будущего лётчика – офицера, которую он сам в будущем будет воспитывать у подчинённых.

Не все смогли выдержать такую нагрузку и уже с первого курса начались отчисления по неуспеваемости, состоянию здоровья, недисциплинированности. Курсант, отчисленный в первые два года учебы, должен был продолжить срочную службу в качестве солдата срочной службы, чаще всего в роте охраны в своём же училище. Всего за годы учебы из нашего курса было отчислено 14% курсантов.

У нашего общего любимого преподавателя Субботина был сын Юрий. Он учился на одном

курсе с нами, был уже женат и имел ребенка. На втором курсе его отчислили за постоянные самовольные отлучки и пьянки. Благодаря отцовскому авторитету, его направили дослуживать не в роту охраны, а на одну из кафедр лаборантом. Его мы не жалели, а вот отцу очень сочувствовали.

СПОРТ

Большое значение в нашей подготовке занимал спорт. Каждый день начинался с активной зарядки в составе подразделений. Пробегка строем, физические упражнения, накачка мышц. На занятиях по физической подготовке обязательно бег на длинные и короткие дистанции, летом плавание, зимой лыжи, гимнастические

упражнения на снарядах. Помимо перечисленных, в лётном училище обязательными были специфические упражнения на батуте, лопинге, колесе. При поступлении в училище физическая подготовка проверялась у нас на экзамене, но после поступления оказалось, что некоторые ребята не умеют плавать, кто-то на лыжах никогда не стоял. Преподавателей с кафедры физической подготовки это не волновало. Каждый обязан уметь плавать, на лыжах бегать, на лопинге крутиться – хоть на тройку. По вечерам, в редкие свободные минуты, ребята качали мышцы, занимались на снарядах. В результате такого подхода после первого курса все до одного курсанта научились все это делать, нам присваивались различные спортивные разряды. Приёмы самообороны мы, конечно, тоже изучили, но не навязчиво. Игровые виды спорта не очень культивировались, так как должна быть исключена вероятность травм.

ПРЫЖКИ С ПАРАШЮТОМ

Прежде чем учиться летать все должны научиться прыгать с парашютом. До начала полётов каждый

из нас должен был выполнить по три прыжка. Подготовка к прыжкам была серьёзной и довольно продолжительной. Сначала теоретическое обучение, затем укладка парашютов, занятия на тренажерах. Наступил день парашютных прыжков. Это происходило глубокой зимой, снега на аэродроме много, холодно. Мы обмундированы как полярники: меховые длиннополые куртки, меховые штаны, унты, перчатки или даже краги. О размерах одежды особого разговора не было, что попало – то и надевали, обмундировка такая только на один прыжок. Ребята совсем небольшого роста выглядели довольно комично, а с надетым сверху обмундирования парашютом становились тяжёлыми и неуклюжими. Многие из нас никогда в воздух раньше не поднимались, а в день прыжков первый в жизни подъём в воздух на самолёте Ан-2 и первый прыжок. В нашем классном отделении были два курсанта, которые имели за плечами несколько прыжков выполненных в аэроклубе, они держались особняком и немного снисходительно по отношению к нам – перворазникам. И так, мы в мехах и парашютах выстраиваемся по весу в колонну по одному, забираемся в замороженный самолёт, рассажива-

емся на металлических скамейках, расположенных вдоль бортов и ждем взлёта. Дребезжит и малость подпрыгивает трудяга Ан-2, разгоняясь по очищенной от снега бетонке, плавно отрывается и долго набирает высоту 850 м. Смотрим в блистеры, интересно первый раз в жизни посмотреть на матушку землю с высоты. Пейзаж скучноватый – кругом белизна и запорошенные снегом лесопосадки.

Высота набрана, инструктор открывает дверь, расположенную в задней части пассажирского салона, жестом руки приказывает всех подняться на ноги, долго смотрит в открытую дверь и наконец-то: **«Первый пошёл!»**. За дверью белая жуть и бездна, мыслей никаких, кроме одной – надо в эту белую бездну шагнуть. Кто-то из ребят у двери замешкался и даже попытался упереться руками в обрез двери. Как бы не так, инструктор не дремлет, почти дружеское крепкое объятие, обе руки курсанта попадают под железную хватку инструкторских рук, не менее дружественный толчок, и вот она бездна кругом, а ты в ней один-одинёшник. Подергивания от сползающего с купола чехла, сильный рывок открывшегося полностью парашюта, раскрутка от перекрученных лямок, и все, тиши-

на. Заученные на тренировках действия: осмотрелся кругом, осмотрел парашют, уселся удобнее в лямях, сдернул чехлы со строп и теперь можешь немного прочувствовать ситуацию. Чувство необыкновенного восторга, захватывает дух от простора и радостного ощущения свободы. Заснеженная земля приближается не слишком быстро, но и совсем не медленно, ближе к земле чувствуешь не только вертикальную, но оказывается ещё и поступательную скорость, надо готовиться к приземлению. На лямях разворачиваешься по ходу собственного полёта, ветер у земли довольно сильный, а поэтому и скорость приличная. Вот и земля, удар об нее родимую совсем не сильный, как будто со стола спрыгнул. Ура! Ура! Да рановато ещё радоваться, ветер моментально подхватывает купол и тащит парашютиста, т.е. тебя по снегу, падаешь и тянешь на себя нижние стропы, купол начинает гаснуть. Почти погас, забываешь на миг наставления инструкторов и отпускаешь стропы. Наказание от ветра следует незамедлительно – купол моментально полностью наполняется ветром, и снова мчишься на пузе, ой, извините, на запасном парашюте по снежной целине. Во второй раз стропы выбираешь полностью, под-

нимаешься на ноги и забегаешь с другой стороны купола, теперь порядок. Можно осмотреться, радостно крикнуть соседу: **«Отлично, еще бы разок!»**. Надо теперь собрать парашют в сумку, которая была с тобой под запасным парашютом, и тащиться на старт по довольно глубокому снегу. Всё хорошо, тащимся, а сверху сыплются ребята, которые выпрыгнули в другом подъёме самолёта. Иногда покрикивают сверху: **«Воздух!»**, это значит, что нужно отбежать в сторонку, чтобы не мешать приземлению. Ветерок, похоже, ещё окреп, ребятам ещё труднее обуздать парашют на земле. Помогаем товарищам гасить купола, но не всегда успеваем. Мимо нас мчится самый маленький ростом и щуплый Толик Антигин, который и так не справляется с огромным куполом, а тут ещё случайно выдернулось кольцо запасного и теперь он уже на двух парашютах мчится по сугробам. Мчался наш товарищ долго, до самой лесополосы пока парашюты не повисли на деревьях. Оттуда его доставили на лыжах ребята из состава ПДС училища. Вид у Толяна был весьма жалкий, огромное меховое обмундирование было оборвано, мотня штанов болталась ниже колен, все забито снегом. Инструктор с досадой

крякнул, но не сказал ни слова упрёка. Жалеть друг друга в подобных ситуациях мы не умели, но никто и не смеялся, а вот сочувствовали в душе конечно все.

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ 50 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

В феврале 1968 г. отмечалась 50 годовщина образования Советских Вооружённых Сил. К этой дате была учреждена юбилейная медаль «50 лет Вооружённых Сил СССР». Курсанты военных училищ входили в перечень лиц, награжденных этой медалью и поэтому нам в торжественной обстановке вручили награду, которую мы с гордостью и носим до сих пор.

Наши парадные кители начали украшаться и другими знаками отличий, а именно парашютными, спортивными и прочими.

В те годы военные парады проводились дважды весной (1 мая – День Международной солидарности трудящихся и 9 мая – День Победы) и один раз осенью (7 ноября – День Великой Октябрьской Социалистической Революции).

Наше училище должно было быть представлено на параде в г. Куйбышеве (г. Самара). Тренировки проводились после основных занятий во время самоподготовки в течение целого месяца, предшествующего параду. Руководил подготовкой сам начальник курса майор Паняев Михаил Максимович. Надо сказать, что это было изматывающе – нудное занятие, совершенно неинтересное и очень утомительное. Мы ходили парами, четвёрками, шеренгами и коробками, тем шеренгам, у которых результаты были лучше, представлялся дополнительный перекур. Линию в шеренге нужно было выдерживать как можно более ровно, а для этого были давно придуманы различные уловки. Одна из них состояла в том, что соседи в шеренге поддерживают друг друга локтями, расставляя их шире, это притом, что в руках каждого из

нас автомат, который мы держим обеими руками. Казалось бы, простое дело, идти рядом и поддерживать друг друга, но здесь-то как раз и требовалась определенная психологическая совместимость.

Мы оказались рядом с Борисом Воробьёвым, так как были одного роста. Место в шеренге курсанты выбирали не самостоятельно, а определялось оно офицерами после множественных перестановок как в шеренгах, так и в колоннах. Мы знали друг друга мало, так как были из разных учебных взводов (Эскадрилий) и «притирались» уже по ходу тренировок. Борис, холерик по темпераменту, почти на 1,5 года старше, да ещё из ближнего Подмосковья родом. Он нетерпеливо относился к

моим неизбежным ошибкам в строевой подготовке, не принимал замечаний, когда ошибался сам. Хорошо помню его задиристость, бурчанье, некоторую даже враждебность и свою ответную оборонительную реакцию. Кто бы мог тогда представить, что много лет спустя судьба сведёт нас снова, но уже в другой служебно-должностной «шеренге».

Перед парадом мы все тщательно готовили парадную форму: отутюжены брюки и кители, хромовые сапоги подбиты новыми подковками и надраены до зеркального блеска, а главное сверху получена команда прикрепить на фуражки офицерскую кокарду и крылышки. Ура! Издалека видно советских лётчиков, пусть ещё пока курсантов. Тогда тренировки сделали своё дело, мы хорошо подготовились и отлично прошли в Куйбышеве на параде. Хорошо помню аплодисменты многочисленных зрителей, когда мы шли уже не по центральной площади, а по прилегающей улице. Все мелочи остались в прошлом, а в настоящем гордость за нас самих себя и огромное удовлетворение от тёплого приёма населения. Мы получали благодарность от командования, а майор Паняев Михаил Максимович вполне заслуженно получал цен-

ный подарок. Офицерские фуражки носили курсанты всех военных лётных училищ. Где-то после первого полёта, а где-то, как у нас, одевали на первый парад. Носили мы такие фуражки до 3-го курса, а потом случился казус. Кто-то из курсантов младшего курса попался в Москве серьёзному патрулю, видимо «покачал права», ссылаясь на разрешение командования училища. Дальше пошло-поехало, в приказной форме было категорически запрещено курсантам носить офицерские фуражки.

В 1969–1970 гг. осуществлялся переход на новую форму одежды во всех ВС СССР. Форма новая существенно отличалась от старой, не стало стоячих воротников, синих брюк гали-

фе и хромовых сапог. Наш курс был последним, доносившим парадную форму старого образца до выпуска. Так вот, переходить на фуражки с простой звёздочкой нам не позволяла лётная гордость. Мы уже отучились три года, отлетали две программы 2-го и 3-го курсов, а тут вот простая фуражка. Наши две эскадрильи – 1-я и 2-я, после окончания лётной программы на Ми-1, из Безенчука вновь переместили в Сызрань для теоретического обучения на 1–1,5 месяца, а потом после отпуска мы должны были переместиться в г. Пугачёв, где должны были учиться на 4-м курсе и летать уже на Ми-4.

В Сызрани с нас строго требуют поменять кокарды на звёздочки и утром на построении быть одетыми как положено. Никто, конечно, и не подумал это сделать, а если у кого-то дисциплинированность брала верх, то чувство курсантской солидарности было выше. Ругается начальник штаба училища полковник **Киндеев Алексей Андреевич** – «Дед Киндей», строжится начальник курса подполковник Паняев Михаил Максимович, а курсантам молчать положено. Мы и молчим, никто из курсантов ничего не предпринимает, да и звёздочек лишних у нас как-будто и нет.

Второе утро в Сызрани нам поднесло ужасный сюрприз: все наши фуражки оказались без кокард. Ночью старшины и каптерщики (каптенармусы) их предательски содрали с наших гордых фуражек, на месте кокарды-краба не выцветшее пятно с дыркой посередине. Что делать, как идти на построение училища? А вот так и пойдём, как есть. Где мы утром звёзды возьмем? Огромный училищный плац, стройные шеренги курсантов сразу трёх курсов, все одеты, как положено, и только две Безенчукские эскадрильи в фуражках без звёздочек. Никто из командования не обращает на наш демарш никакого внимания, даже обидно. Проведены все процедуры училищного построения, дальше прохождение с песней. Каждое учебное подразделение поёт свою песню. Какую песню петь, решают сами курсанты. Очень распространены «Стальная эскадрилья», «Вьётся, вьётся знамя полковое», «Прощание славянки», а мы в фуражках без звёздочек хулиганим: «На речке, на речке, на том бережочке мыла Марусенька белые ножки...». Реакции начальства нет и на наше мелкое хулиганство. Ну, мы же будущие офицеры, много уже кандидатов в члены КПСС, остальные сплошь комсо-

мольцы. Ну конечно все пошли в магазин и купили звёздочки, тем более, что по новой форме звёздочка была уже в обрамлении золотистых листьев. Песню, про Марусю, в Сызрани больше не пели, перешли на другую: «Скакал казак через долину...». Запевалой в нашей эскадрилье был Володя Крысь, он знал множество песен и поэтому репертуар у нас был самый необычный.

В зимнее время курсанты всех курсов занимались теоретической учебой. Расписание занятий было насыщенным: лекции, семинары, зачёты, занятия на тренажерах. Несмотря на напряжённую учёбу и жёсткие требования к успеваемости, мы выполняли хозяйственные работы, такие как очистка территории от опавших листьев, снега, иногда разгрузка вагонов, уборка картофеля и даже заготовка сена для подсобного хозяйства. Периодически каждый из нас нес службу во внутреннем наряде, в лётной столовой, в гарнизонной комендатуре. Мы обязаны были нести службу и в карауле. Периодически курсантские подразделения подменяли роту охраны и в полной мере испытывали тяготы караульной службы. Причём подмены караула проводились в выходные дни. Охрана зна-

мени училища осуществлялась исключительно курсантами. Физическая нагрузка на караульного очень высока, так как состоит из циклов: 2 часа на посту, 2 часа бодрствования, 2 часа сна, итак сутки. Одно дело на простом посту, скажем на охране складов. Установлен маршрут, по которому часовой периодически совершает обход, может постоять некоторое время, затем снова подвигаться. Совсем другое дело часовой поста № 1 по охране Боевого Знамени, цикл 2-х часовой, как и на всех постах, но стоять положено неподвижно, хотя и по стойке «вольно», занимая стойку «смирно» только при прохождении мимо поста военнослужащих. Прошло более 45 лет после окончания СВВАУЛ, но и сейчас хорошо помню, как трудно было стоять у знамени, особенно ближе к утру.

ПЬЯНЫЙ ПОЕЗД

Однажды нашему классному отделению пришлось выполнять совершенно не свойственную курсантскому подразделению задачу. Дело было в начале зимы. Поздно вечером нас подняли по тревоге. Мы оделись, оружие не брали. Командир учебного взвода капитан Рымшин возглавил наше так называемое дежурное подразделение, и мы бегом отправились на железнодорожную станцию. На запасных путях стоял воинский эшелон с какой-то воинской частью, следовавший из Казахстана с целинных земель после окончания уборки уро-

жая куда-то к месту постоянной дислокации. В те годы армия оказывала большую помощь народному хозяйству при уборке урожая, в строительстве дорог, мостов, предприятий и т.д. Для отправки на целину формировались специальные команды. Они обеспечивались всеми видами довольствия, были совершенно автономны и должны были быть готовы к самостоятельной работе в любой точке целинных земель. Это были подразделения, укомплектованные специально оборудованными для перевозки зерна автомобилями. Водители и другие специалисты из числа военнослужащих срочной службы набирались из числа подлежащих увольнению в запас осенью текущего года. После завершения уборки урожая техника и личный состав возвращались железнодорожным транспортом в места постоянной дислокации. Эшелон состоял из грузовых платформ с пришвартованной техникой и общих вагонов с личным составом. Личный состав, поработав несколько месяцев на целине, совершенно отвык от воинской дисциплины и элементарного порядка. Обмундирование пришло в полную негодность. Кроме того, у дембелей водились немалые деньги как законно полученные, так и левые, которые любой водитель

всегда мог заработать. Где-то по пути к этому эшелону прицепили товарный вагон, загруженный деревянными бочками с вином. Сопровождал этот груз пожилой предприимчивый узбек, который за бесценок продавал это вино всем желающим. Пьяный эшелон остановился на железнодорожной станции Сызрани по каким-то техническим причинам. Дембеля гуляли с размахом: песни, дикие крики, пляски на железнодорожных путях. Никто не знал, чем всё это закончится, эшелон дальше не отправляли, так как пьяная толпа разбрелась по станции, а командиров найти железнодорожникам не удавалось. Наш капитан взял с собой 3–4-х ребят покрепче, из тех, кто послужил срочную, и пошли они по вагонам искать начальство. Мы остались на платформе ждать дальнейших указаний. Из одного из вагонов вышло несколько солдат одетых в смесь гражданской и военной одежды. Все целинники были лохматые, небритые, а главное сильно пьяны. Коренастый дембель с характерными чертами лица, скорее всего казах, с копной курчавых волос на голове, чисто выбритых на макушке в виде чайного блюдечка, был явным лидером. Увидев нас, он сразу стал проявлять недружелюбие и агрессию: «Во,

мужики, юнкеров пригнали нас усмирять! Ну, вы, голубые погоны, идите сюда. Поглядим, кто кого усмирит!». Никого усмирять нам не хотелось. Нас было всего 20 человек против целого эшелона крепких пьяных парней. Мы молчали и даже между собой не переговаривались, даже прекратили подпрыгивать и переминаться от холода. Командира нашего и ребят всё ещё не было. Вдруг из группы солдат, стоящих у вагона, раздалось:

– Мужики! Из Новосибирска есть кто?

– Я из Новосибирска – отозвался Володя Винников.

– А улица, какая?

– Московская, 99 – крикнул Володя.

– Земеля, иди сюда!

Вовка был не робкого десятка, быстрый как пружина, хороший боксер. Он не мог не пойти и на наши неодобрительные слова только махнул рукой. Он подошёл к дембелям, поздоровался за руку с земляками и исчез вместе с ними в открытых дверях вагона. Капитана и его небольшой команды все ещё не было, пропал и Винников. Появился наш товарищ минут через пятнадцать, он был конкретно пьян, а в руках тащил огромный термос с вином и несколько алюминиевых кружек. Термос мы опорожнили за несколько минут, каждому из

нас досталось не менее полулитра сладкого приятного вина. Термос вернули вполне теперь доброжелательным целинникам. Мы дружно похвалили Вовку и вино, закурили.

Из вагона выбрались наконец-то, пропавшие раньше курсанты и капитан Рымшин. По их рассказам все в поезде были пьяны. Все в вагоне источало запах вина, везде стояли ведра, тазы, термоса, чайники с вином. Начальник эшелона в майорском звании и другие офицеры или спали мертвецким сном, или были невменяемы. Нашему капитану как-то удалось выяснить, что личный состав команды немного погулял, но все уже находилось в вагонах. Информацию передали в железнодорожную комендатуру, и эшелон отправился своим путём, а мы, слегка пьяненькие, в казарму спать. На капитана мы не дышали, он и не заметил нашего «преступления», а сопровождавшим его курсантам осталось только сожалеть, что не попробовали вместе с нами доброго вина.

А У СОЛДАТА ВЫХОДНОЙ ИДЁТ СОЛДАТ ПО УЛИЦЕ

Воскресенье можно отдохнуть, поспать на 1 час больше, сходить в увольнение,

поиграть в настольные игры в ленинской комнате, письма написать, да мало ли чего можно сделать приятного и полезного. С выходными, правда, получалось не всегда. Зимой, в воскресенье командование училища периодически устраивало лыжный кросс. Это было массовое мероприятие с участием курсантов и преподавателей с почти 100% участием. Бегали по 10 км по пересеченной местности с четко организованным контролем за точками прохождения маршрута и соблюдением временных нормативов. Обстановка при проведении кроссов была приподнятая, весёлая и бодрящая, несмотря на мороз. Играла музыка, из огромных термосов разливали горячий чай, победителям вручали грамоты. За два зимних спортивных сезона даже ребята из южных республик, которые снега в жизни не видели, стали лыжниками.

В городе Сызрани работал неплохой драматический театр. Между командованием училища и руководством театра существовала договоренность о регулярных посещениях театра курсантами и офицерами. В обусловленный выходной день курсанты в парадной форме строем шли через город, исполняя строевые песни. Город знал – сегодня в училище театраль-

ный день. Первые ряды занимали офицеры с семьями – жёнами и детьми, а дальше располагались по подразделениям курсанты. Неизменно, самое почётное место занимал начальник училища генерал-майор авиации Кисель Ф.Г. с женой и дочерью. Федор Герасимович был всегда в парадно-выходной форме. В театральные дни увольнение не разрешалось, но мы не огорчались, т.к. поход в театр был довольно интересным. Почти всегда на следующий день на училищном построении следовал строгий «разбор полётов».

На глаза требовательному генералу неизменно попадался какой-то разгильдяй из нашего числа. Чаще всего это были нарушители формы одежды, а иногда и потихоньку махнувшие лишков спиртного. Самым памятным был случай с Сергеем Тойбисом, который умудрился из брюк галифе сделать что-то невероятное. Брюки были ушиты снизу как лосины у гусар, а ближе к поясу с боков сильно топорщились как уши. В понедельник несчастный, но никогда неунывающий Сергей был выведен из строя и нещадно отчитан лично генералом. Такой чести мало кто из курсантов удостоивался. На всю жизнь запомнились слова нашего уважаемого, интеллигентного и обыч-

но сдержанного в выражениях генерал-майора Киселя Федора Герасимовича о Серегиных галифе: «... задница с ушами».

Мы и сейчас напоминаем Сергею генеральское выражение, ставшее крылатым.

КУРСАНТ КУЛИБИН – НЕФЁДОВ

Вкурсантской среде было немало разнообразных талантов. Одним из самых ярких был Вадим Нефёдов. Он всегда что-то придумывал, изобретал, рукодельничал. Из простой бензопилы Вадим умудрялся сотворить различные, совершенно немислимые механизмы. Как-то зимой он приделал к бензо-

пиле самодельный пропеллер, соорудил ранец, с встроенной в него бензопилой и пропеллером, надевающийся на спину. Вадим встал на лыжи, теперь все это вместе, наверное, называлось аэросанями, и помчался по расчищенным от снега дорожкам училища. Дежурный по училищу попытался догнать изобретателя, но тщетно, скорость была всё-таки приличной. Изловлен и наказан Вадим был уже по окончании таких неравноценных гонок. Летом в Безенчуке Вадим ремонтировал кому-то из офицеров мотороллер. Как всякая творческая личность он был немного рассеян, а за рассеянность в армии, как известно, наказывают. Провинившемуся курсанту Нефёдову была в качестве наказания определена задача по скашиванию травы, проросшей через отверстия металлического покрытия ВПП. Разве это наказание для нашего Кулибина – Нефёдова. Через какое-то время по полосе на мотороллере гонял туда-сюда Вадим, а сзади мотороллера работала косилка, сооруженная из бензопилы. Все эти поделки померкли на фоне летательного аппарата, сооруженного и поднятого в воздух Нефёдовым. Знаменитый автожир можно увидеть на кадрах фильма о нашем выпуске 1971 г.

ХУДОЖНИК ВИКТОР ХОХРИН

Замечательный художник Виктор Хохрин находил время писать картины. Художники в армии ценились во все времена. Лозунги, плакаты, ленинские комнаты, учебные классы и много других объектов, где требовалось художественное мастерство. Творческие личности не могут творить в жестких рамках работы по приказу, шедевры рождаются только в свободном поиске. Такой шедевр и написал втихомолку наш товарищ, простой курсант и непростой художник Хохрин. Командир нашего учебного взвода капитан Рымшин был художав и немного сутул, он был заядлым рыбаком и очень любил свою маленькую собачонку, с которой подолгу гулял в свободное от службы время. Курсанты, народ наблюдательный и всезнающий, конечно про все эти слабости капитана знали. Однажды утром, в казарме около ротной канцелярии, где были рабочие места командиров взводов, появилась отличная копия картины В.Г. Перова «Рыболов». Все точно скопировано на картине маслом, но кто-то из ребят, присмотревшись, обнаружил, что

рыболов имеет лицо капитана Рымшина, а рядом с рыбаком собака знакомая. Через несколько минут у картины столпотворение и хохот курсантов. В казарме появляются офицеры, замечают наш необычный интерес и всматриваются в произведение искусства. Смеяться над строгим и педантичным Рымшиным товарищи офицеры по этическим соображениям не могли, но втихомолку улыбались, отвернувшись в сторону. Мы с нетерпением ждём реакции начальника курса, грозы разгильдяев, майора Паняева М.М., ещё больше ждём реакции самого капитана. К нашему глубокому сожалению никакой особой реакции со стороны офицеров не было, картина потихонечку исчезла, а Витю Хохрина даже не наказали. Мы поняли, что юмор и талант художника со стороны наших командиров получили правильную оценку.

«СЛУЖБА МЁДОМ НЕ КАЗАЛАСЬ!»

Водно из зимних воскресений рано утром нас подняли по тревоге. Делаем всё быстро: одеваемся, обуваясь, получаем в оружейной комнате автомат, подсумок с магазинами, противогаз и бегом на улицу

на построение. Отстающих нет, все курсанты уже давно достаточно натренированы действовать автоматически. В этот раз все было не так, как обычно: долго бежим строем, выбегаем за пределы училища и движемся в сторону аэродрома. С асфальтированной дороги сворачиваем на поле, далее уже не

бежим, а быстро идём по пашне присыпанной снегом. Идти трудно, все поле в глубоких бороздах и замерзших отвалах, то оступаешься в борозду, то спотыкаешься о мёрзлые глыбы. Сильный мороз ощущается только щеками и носом, а спина влажная от пота. Зимой мы носили комплект зимнего белья и теплые портянки. На ходу тепло, от колонны пар, слышны

иногда команды сержантов и взводных командиров. Поле закончилось, дальше наш училищный аэродром, куда мы и прибыли после марш-броска. На лётном поле ветерок и небольшой, 18 – 20 градусов, мороз. Объявлен перекур, негнуцими пальцами достаем сигареты, спички, курим. За короткое время перекура промерзаем, что называется до костей. В ювете дороги изображаем линию обороны. Сержанты раздают холостые патроны, командиры взводов командуют зарядить автоматы, а затем команда: «Огонь!». Стрелять мы любим, передергиваем затворы, нажимаем на спусковые крючки. Выстрелов нет, смазка застыла. Отстегиваем магазины, окончательно замёрзшими пальцами выщелкиваем патроны, сдаём их сержантам. Прыгаем на месте, толкаемся, размахиваем руками, ничего не помогает, мороз прожигает насквозь наши шинели и сковывает, делая как жечь, яловые сапоги.

Особенно тяжело приходится ребятам из южных регионов, которые не знают, что такое русские морозы. Мой закадычный друг Юсуп Абраимов вовсе не шевелится, съёжился, согнулся и застыл с автоматом на шее. Подхожу, пытаюсь теревить его, тереть руками через шинель.

Друг ругается и отбивается от меня автоматом, видимо ему совсем туго. Всё-таки шевелю его и заставляю прыгать на месте, забираю себе его заледеневший автомат.

Командование принимает решение заканчивать такую жёсткую тренировку. Поступает приказ построиться и бегом двигаться в училище. Так, то бегом, то ускоренным шагом приближаемся к воротам, устали, но на ходу стало теплее. От дыхания курсантских колонн пар поднимается в морозный воздух. Вдруг, неожиданно, училищный оркестр грянул наш родной авиационный марш: «Всё выше и выше и выше стремимый полёт наших птиц!» Веселее как-то сразу стало, настроение созвучно песне, тем более, что вот они наши тёплые обжитые краснокирпичные казармы. В казарме первым делом автоматы приводим в порядок и расставляем в пирамиды, затем себя, потом кровати, не заправленные по тревоге, и уже только потом – в столовую. В столовой горячий борщ с чесноком, все то, что ещё положено по сытной курсантской норме, а после обеда разрешается поспать, что все с удовольствием и делают. Кое-кто из ребят слегка что-либо отморожил, но серьёзных травм ни у кого не было.

Мы готовились стать военными лётчиками, но мы готовились стать и офицерами. Для настоящего понимания военной службы и нужны были такие тренировки подъёма по тревоге, нужно побыть часовым на посту, чтобы познать трудности караульной службы, повкалывать на хозяйственных работах, что бы «служба мёдом не казалась!».

ПОЛЁТЫ НА ВЕРТОЛЁТАХ

Через 20 месяцев теоретического обучения приступили к полётам на вертолётах: Ми-1А, Ми-1М, Ми-1Т. Две учебные эскадрильи оставались в Сызрани, а две передислоцировались в п. Безенчук. Курсанты поступали в полное распоря-

жение командования учебного вертолётного полка и учебных эскадрилий. За воинскую дисциплину, быт, досуг и лётное обучение отвечали наши лётчики-инструкторы. С ними мы знакомились уже по прибытии в учебный полк. После размещения на новом месте и решения бытовых проблем, мы приступили к наземной подготовке. Штудировались инструкции по эксплуатации вертолёта, методические пособия, курс учебно-лётной подготовки, конспекты по авиационной технике. Все эти документы нужно было знать на оценку не ниже «хорошо». У каждой лётной группы был так называемый **«Стартовый чемодан»**. Это действительно обычный чемодан, но начинка необычная. В нём находились макеты вертолётов, которые мы сами изготавливали, маленькие разноцветные флажки для изображения линий старта, миниатюрная копия стартового командного пункта – СКП, посадочный знак «Т» и другие миниатюрные копии стартового оборудования. Этот мини старт во время предлётной подготовки расставлялся на ровной площадке, имитируя аэродром с разбитым на нём стартом, и мы начинали летать по так называемой методике – **«Пеший по-лётному»**. Курсант своим

Упражнение «пеший по-лётному». Не пренебрегайте «мелочами». Может быть, главная особенность авиации в том и состоит, что мелочей здесь нет!

позывным запрашивал взлёты, посадки, выходы в пилотажную зону и вход в круг. Инструктор, исполнял роль руководителя полётов, давал команды, а курсанты выполняли все действия с моделью вертолёта. Много времени мы проводили на тренажах, непосредственно на вертолётах.

Вертолёт Ми-1 различных модификаций был первенцем в серийном производстве и очень удачным для обучения. На нём был надёжный и экономичный двигатель внутреннего сгорания, современное по тому времени навигационное и пилотажное оборудование. Некоторые были ещё с деревянно-перкалевыми лопастями ручного изготовления и механическими

триммерами снятия нагрузки с органов управления. В учебном варианте вертолёт имел двойное управление. Вертолётов было достаточно много, в каждой лётной группе был свой вертолёт, который обслуживался механиком-солдатом срочной службы.

Огромное поле грунтового аэродрома утыкано цветными флажками, линии старта, посадки, заправки и множественные квадраты для висения. В воздухе рой вертолётов, одни взлетают и летят по кругу, другие садятся, третьи рулят на заправку и множество вертолётов в квадратах. В первоначальном обучении много полётов выполнялось на висении. Отрыв от земли, висение 1–2 мин, посадка, снова отрыв, висение, посадка, итак до уверенного усвоения этих элементов. Следующий этап: развороты на висении на 90, 180, 360 градусов; затем перемещения по квадрату вперёд, назад, влево, вправо до полного усвоения. В кабине вертолёта было очень жарко, вентилятор и небольшая форточка не обеспечивали охлаждение воздуха кабины. Выход был простым, дверь кабины открывалась настежь и привязывалась контрольной проволокой к выхлопному патрубку двигателя.

Моему закадычному другу Вадиму Воронкову вывозная

программа давалась довольно легко, и поэтому он был допущен к самостоятельным полётам одним из первых в учебном звене. Первые два полёта выполнялись по кругу в полном одиночестве, а в последующем летали два курсанта – один в качестве лётчика, другой в качестве штурмана. Вот мы и полетели вдвоём по квадрату. Отрыв, висение, посадка. Один раз, другой, третий – всё получается хорошо, у пилота растёт чувство уверенности в себе быстро переходящее в самоуверенность. Отрываемся, пытаемся зависнуть на высоте 3–4 м, но «оперившийся» пилот не даёт правую ногу и вертолёт с ускорением начинает вращаться влево. Правая педаль уже на упоре, но позновато, вертолёт ноги не слушается и при этом ещё и перемещается из квадрата в сторону домов посёлка. Мне слышно по радио как руководитель полётов спокойным голосом призывает: «612 (позывной курсанта Воронкова) отдайте ручку управления от себя и перейдите на поступательный полёт с отходом от земли». Вадим мёртвой хваткой вцепился в ручку управления и рычаг «шаг – газа» и, похоже, не слышит ни РП ни меня. Или ветерок небольшой удачно поддул, или небольшое горизонтальное перемещение помогло

хвостовому винту, но вращение постепенно замедлилось и вовсе прекратилось. Мы висим совсем рядом с саманным домом посёлка Звезда, начинаем снижаться для приземления. Мне с заднего сиденья в открытую дверь хорошо видно, как под нами на веревке, привязанной к вбитому в землю колу, по кругу носится телёнок с высоко задранном хвостом и навозными лепешками отмечает свой круговой маршрут. Кричу по СПУ: «Вадим, на телка садимся, сместись вправо!». Смещаемся и приземляемся. Мы на земле. Молчим, отходим от стресса, а к нам мчится изо всех сил наша лётная группа во главе с инструктором лейтенантом Шевцовым. Мы очередно вылезает из вертолёта, вместо нас садятся инструктор с кем-то из ребят, полёты продолжают. Никаких особых разборок и порок не было, командир звена разобрал с нами действия в подобных случаях, добавил Воронкову количество вывозных полётов и всё пошло своим чередом.

В первой эскадрилье подобная ситуация закончилась гораздо хуже. Курсант Юрий Цой не смог справиться с непослушным вертолётом после того, как мало дал правой ноги и опрокинул его набок. Трагедии не произошло, ребята остались живы. Вертолёт в таких случаях обыч-

но восстановить бывает невозможно, да командование не особенно и стремится, так как от восстановленного летательного аппарата ничего хорошего при эксплуатации ждать не приходится. Курсант через некоторое время продолжил лётное обучение и вместе с нами окончил училище.

Заслуга в высоком качестве лётного обучения курсантов принадлежит лётчикам-инструкторам. Многие из них были молодыми лейтенантами, закончившими училище всего на один – два года раньше нас, другие – постарше уже были опытными, мудрыми асами лётного обучения. Исключительное большинство из них были очень хорошими лётчиками и воспитателями-наставниками. Они много служебного и личного времени отдавали подчинённым, буквально вкладывали в них свой опыт знания, и на всю жизнь оставались уважаемыми своими воспитанниками, многие из которых потом очень быстро опережали бывших учителей в служебном росте. В конце 60-х и в 70-х годах бурно развивалась военная авиация вообще и вертолётная в частности. Потребность в лётчиках значительно выросла, а инструкторов не хватало. Лучшие из выпускников оставались в

училище лётчиками-инструкторами, это было престижно для выпускников, но мы уже знали, насколько тяжёл их труд, а поэтому добровольцев было мало.

Особенно тяжело приходилось инструкторам при первоначальном обучении курсантов, которое происходило на аэродроме Звезда.

Там находился полевой лагерь, в котором в течение всего лета размещались в дощатых бараках офицеры и курсанты, а солдаты в палатках. Общий туалет на отшибе в степи, умывальник на улице, на этом все «удобства» и заканчивались. Условия более чем спартанские, даже душа и того не было. В баню ходили в посёлок один раз в неделю. В таких условиях, наравне с курсантами, находились и офицеры. Один день в середине недели и в воскресенье они проводили с семьями в Безенчуке, а остальное время в полевом лагере. Иногда, в выходные дни мы лётной группой во главе с инструктором выходили отдохнуть на речку, рыбачили, варили уху, потихоньку выпивали винца. Такие мероприятия сближали нас курсантов с офицерами – инструкторами, но никакого отрицательного влияния на дисциплину и субординацию не оказывали. Молодые инструкторы учились вместе с нами ве-

ликому искусству лётного обучения и воспитания. Не всегда и не всё, видимо, у них получалось в обучении, тогда подключались командиры звеньев. Командиры звеньев в училище – это настоящие асы лётного обучения, решительные, все умеющие, строгие, но справедливые. Не хочу их слишком идеализировать, но именно такими они были в наших глазах. Один из них – командир звена в нашей учебной эскадрильи подполковник **Сретен Ростивоевич**, был легендарной личностью. Фронтвик, лётчик с югославскими корнями, знаменит был тем, что участвовал в поиске, подъёме и транспортировке на внешней подвеске вертолёта Ми-4 капсулы спускаемого аппарата с собаками. Мощности вертолёта не хватало для подъёма и транспортировки капсулы, тогда Ростивоевич приземлился, слил на землю часть топлива, оставив необходимый минимум, и перевёз капсулу в назначенное место. К фронтовым наградам прибавился ещё один орден «Красной Звезды».

Командиром нашего учебного полка был полковник Бабешкин Иван Григорьевич. Он был высокого роста, требовательный и строгий, как и положено командиру полка, – фронтовику. Мы его очень уважали и по-

баивались, так как за серьёзные проступки он наказывал весьма жёстко. При проступке никакой гаупвахты не предусматривалось, т. к. её в гарнизоне просто и не было, а вот, скажем, целую неделю драить и белить общественный туалет, или копать окопы и траншеи вокруг аэродрома – это основное наказание. Вокруг аэродрома на Звезде окопов было много, т.к. пери-

одически кто-нибудь из курсантов двух учебных эскадрилий попадался на тех или иных нарушениях. Как-то под горячую руку полковника Бабешкина И.Г. попал Володя Крысь, наказание было определено, не отходя от места нарушения, выщипать всю траву в хоккейном корте до утра следующего дня. Одному сделать невозможно и за неделю, а поэтому вся лётная

группа – 7 человек в поте лица добровольно трудилась до поздней ночи. Командир полка на следующий день проверил, удивился, но дальше разбираться не стал, видимо понимая, что за проведение такого досуга, товарищи добрых слов Володке тоже не скажут.

Ближе к осени 1969 г. выявилось некоторое отставание от графика лётной подготовки курсантов 2-го курса, а 3-й курс шёл с опережением. Командование приняло решение о подкреплении наших эскадрилий инструкторами и вертолётами других эскадрилий нашего Безенчукского учебного полка. Интенсивность полётов была высокой, летали 4 смены в неделю, поэтому количество смен не увеличили, просто стали летать одновременно 2 эскадрильи с двойным количеством вертолётов. На лётном поле разбивалось 2 старта – левый и правый, между ними СКП и другие технические средства, необходимые для управления полётами. Руководить полётами при такой обстановке мог только командир полка Бабешкин И.Г. Рой вертолётов в воздухе, на земле тоже очередь желающих взлететь, зарулить, вырулить. Через непродолжительное время от начала полётов Иван Григорьевич уже не мог применять классические

подробные фразы, необходимые в соответствии с наставлениями и методиками. Например, при запросе посадки лётчик запрашивает: «601 посадку на посадку»; РП должен был говорить: «601, посадке разрешаю впервые посадочные ворота». На самом деле происходило примерно так: надо разрешить садиться куда-либо, короткая команда: «Садитесь», надо взлетать «Взлетайте». Всё работало как хорошо отлаженные часы. Каждый знал куда садиться, куда лететь, куда рулить. Наставники нам доверяли, а мы ещё мальчишки, понимали степень ответственности и проявляли максимальную ответственность и организованность. Конечно, это достигалось не так просто. К ответственности и лётной дисциплине нас приучали строго. Как-то я должен был лететь по маршруту с инструктором. При подготовке к таким полётам на специальном бланке оформлялся маршрутный лист, который должен был проверить штурман эскадрильи и поставить на нём подпись. Дело нехитрое, обычно мы его оформляли прямо на старте, штурман там всегда и находился. До моего полёта времени было еще достаточно, поэтому проблемы с полётными документами я не видел. Ко мне подходит инструктор, который

дополнительно был закреплён за нашей лётной группой и говорит: «Есть свободный вертолёт, полетели».

Запустили, вырулили, взлетели. Летим, всё хорошо идёт, инструктор доволен. **И вдруг запрос по радио: «Маршрутный лист утверждён?». Отвечаем честно, что нет. Команда лаконичная: «Возвращайтесь».** На земле не просто взбучка курсанту, а сложная разборка с нагоняем инструктору, командиру звена, а мне грешному трое суток ареста. От реальной отсидки на губе (гауптвахте) в счёт отпуска, меня спасло то, что как-то меня проверял в полёте сам командир эскадрильи, ему понравилась моя техника пилотирования, и он отменил арест, а может быть, со временем просто оттаял.

Вертолёты во время заправок мы обслуживали сами. За-

правляли их бензином, маслом, воздухом, осматривали. После полётов та же процедура и еще обязательная помывка двигателя. Мойка двигателя процедура варварская, набирается ведро бензина из топливной системы, и через шприц бензиновой струей обдаем ещё совсем горячий двигатель. Шипение, бензиновый пар, чистый двигатель – грубейшее нарушение всех мер безопасности, но никогда ничего, слава Богу, не случилось.

Аэродром на Звезде и был не совсем аэродромом, а просто – огромное поле, на котором каждый день стартовая команда в зависимости от направления ветра разбивала старт. Дежурным по старту обычно был кто-то из командиров звеньев, он и отвечал за порядок на старте. Частенько через наш полевой аэродром пытались проехать автомобили, то легковые, то грузовые. Это было реально опасно как для вертолётов, так и для автомобилей. Заблудившегося водителя останавливали, читали небольшую нотацию и отпускали с миром, однако не всегда. Почти в каждую смену через аэродром с большой скоростью носился какой-то грузовик, невзирая на взлетающие и приземляющиеся, висящие в квадратах вертолёты. Раз за разом он не останавливался и не

реагировал на команды дежурного по старту, а офицер получал за это нагоняй от командира полка. Самым решительным и энергичным из командиров звеньев был майор Каракотин Анатолий Яковлевич. Он часто назначался дежурным по старту, поэтому к нарушителям у него был свой счёт. Очередные полёты в разгаре, через поле мчится злополучный обнаглевший грузовик, ему ничего не страшно. Безнаказанность порождает наглость. Наш КЗ готов к встрече, он решительно идёт наперехват, останавливается на пути грузовика держа руки за спиной. Грузовик смело едет на майора, свернуть он всегда успеет, очевидно, забывая, что имеет дело с военными лётчиками, у которых решительность воспитывается с первого дня в военном училище. Между грузовиком и майором остается 10 – 15 м. Майор Каракотин А.Я. решительно выхватывает из-за спины стартовый пистолет и стреляет в лобовое стекло наглого грузовика, ракета рассыпается в огненную пыль. Визг тормозов, клубы пыли закрывают на некоторое время нарушителя. Всё кончено, пыль улеглась, майор подходит к ошалевшему от страха водителю и, очень коротко и выразительно объясняет тому суть лётных законов. Боль-

ше мы никогда не видели грузовик с несчастным водителем. Природный ум, буйная энергия, весёлость и гусарская лихость в поступках делали Анатолия Яковлевича в наших глазах почти героем.

Но этот случай не единственный, отложившийся в памяти курсантов наших учебных эскадрилий. Не менее злостными нарушителями были цыгане, которые ездили на своих лошадях, запряженных в бричку полную цыганок и цыганят, где угодно и когда угодно. Останавливает дежурный по старту пару повозок с цыганским людом, проводит разъяснительную работу. В это время к повозкам подходит курсант Володя Александров, чистокровный цыган. Он недолго разговаривает с соплеменниками и с понурым видом возвращается на старт. Мы окружаем Володю, интересуемся его разговором с проезжими цыганами. «Сказали, что раз военный лётчик, то не цыган» – махнул рукой и немного потупился Володя.

Осенью 1970 г. закончилась лётная практика на вертолётах Ми-1. Налёт был приличным. **В качестве лётчика не менее 100 часов, в качестве штурмана 50-70 часов. Научились мы летать строем, по приборам, по маршруту, ночью.**

Очень важным для обучения был фактор самостоятельности, самостоятельный налёт на данном типе вертолёта составлял порядка 60–70%. Мы тепло расстались с инструкторами, подарков никаких не делали, тогда это было не принято, но вина на прощанье выпили крепко и при этом никакого панибратства.

ОТПУСК

После этого разъехались в отпуск по всей необъятной Родине, которая называлась СССР. Длительность отпуска после окончания очередного курса составляла один месяц. Отпуск проводили по-разному, в соответствии с интересами, увлечениями, пристрастиями. Те, кто был родом из сельской местности, как правило, активно помогали родителям в хозяйственных делах, которых в деревне всегда множество, а вот общение со школьными друзьями было затруднительным, так как большинство из них училось или работало в городе, многие служили срочную службу в армии. Городские ребята имели гораздо больше возможностей для отдыха и контактов с гражданскими друзьями. Из отпусков некоторые ребята, постарше возрастом, возвращались, будучи уже женатыми.

ЧЕТВЁРТЫЙ КУРС г. ПУГАЧЁВ

После отпуска приезжаем уже на новое место в г. Пугачёв Саратовской области, там находился филиал нашего училища. Сложностей каких-либо в учёбе мы не испытывали, так как предметы были уже в большинстве специфические, непосредственно необходимые для нашей будущей профессии. За 3 года отсеялись те, кому летать не позволило здоровье, по неспособности к лётному обучению, а кое-кто по дисциплине. Для тех, кто дошёл до 4-го курса, уже не казалась тяжкой военной служба, все окрепли физически и морально. До желанной цели – выпуска из училища оставался всего один год. В г. Пугачёве вновь собрались вместе все четыре учебные эскадрильи. До этого, во время летной практики, по одной эскадрильи находилось в Сызрани и Кузнецке, две эскадрильи на Звезде и Безенчуке. Две последние находились подальше от основной базы училища, а поэтому воинская дисциплина в них была слабее, чем в двух первых. В курсантских подразделениях сложилось своеобразное разделение на безенчукских и местных. Безенчукские, подразболтанные

за несколько месяцев нахождения на полевых аэродромах, несколько свысока относились к подтянутым, во всяком случае внешне, местным. Это наше разделение не было каким-то кардинальным и агрессивным, скорее соревновательным и шутивым. Во время теоретического обучения за наше воспитание и воинскую дисциплину отвечали командиры взводов. В 1-м взводе командиром был капитан Могулев Иван Акимович, он был очень спокойным, мудрым таким, дядькой с большим юмором. В воспитательном процессе он никогда не применял грубых слов, не повышал голоса, он рассудительно разговаривал с нарушителем и внушал тому элементарные нормы поведения в воинском коллективе. Если не действовало, то рассказывал на построении о нарушителе в таком юмористическом свете и с такими словесными выражениями, что весь взвод хохотал над нарушителем, а потом ещё долго, только ленивый, не подкалывал такого разгильдяя. В нашем – 2-м взводе командиром был капитан Рымшин Пётр Степанович, он был настоящий строевой офицер, прекрасно знал требования уставов, был всегда образцом во внешнем виде и строевой подготовке. На стрельбище при

стрельбе из автомата он демонстрировал виртуозное мастерство по поражению целей. При воспитании нас, курсантов, он был очень требователен и справедлив. Курсанты 1-го взвода называли нас рымшанцами, а мы их моголевцами. За три года учёбы и службы мы научились обходить некоторые уставные положения, знали, за что нас не будут особо ругать, даже если мы нарушили по-мелочам. Командиры взводов тоже к нам привыкли, понимали, что мы четыре года в сапогах ходим и в казарме живём, и что уже почти лётчики.

По прибытию в филиал в г. Пугачёве курсанты надеялись на более спокойную жизнь, как – никак 4-й курс. Увы, 2-ю безенчукскую эскадрилью ожидал шок. Нашим строевым начальником был назначен капитан Давлет Николай Владимирович. Он был легендарной личностью т.к. в начале 50-х годов состоял в личной охране Лаврентия Павловича Берии, был требовательным и бескомпромиссным в вопросах воинской дисциплины и субординации. Капитан никогда не повышал голос, он давал распоряжения или команды как бы и не командирским голосом, но это звучало так, что не могло быть не выполнено или выполнено плохо. Воинскую дисциплину

он поддерживал таким образом, что никто и не вспоминал, что четвёртый год, а кто-то пятый и даже шестой проходит срочную службу. На второй – третий день нахождения в Пугачёве мы все были подтянуты, наглажены, начищены и подстрижены, безукоризненно выполняли команды и отлично ходили строем и орали строевые песни. В курилке можно было сидеть на плиточном полу, настолько он был чистым. То-то над нами издевались ребята их других эскадрилий, особенно дисциплинированные сызранские, им-то теперь вольготно жилось, не то, что нам, бедолагам. Деваться некуда, Давлет так Давлет, до весны доучимся, а там полёты и в воздухе уже другие командиры. Нам повезло, через 1,5 – 2 месяца капитан с повышением в должности уехал в Безенчук. Наша эскадрилья отметила это событие бурным восторгом и весельем, мы не спали до полуночи, орали, буйствовали и почему-то вынесли на улицу сержантов, прямо с кроватями. Впрочем, возражений с их стороны не было, они были рады, может быть, больше всех. Спустя десятилетия многое видится совсем иначе. Да, многие наши командиры, старшины подразделений, преподаватели были очень требовательны, и может быть жестковаты. Тогда,

в курсантской молодости, иногда было обидно за то, что плохую оценку поставили, хотя вроде бы что-то отвечал или писал. Старшина или командир взвода заставил вставку из погона вытаскать, спинку шинели распороть, стрижку короче сделать – мы на это тогда обижались.

Сейчас понимаешь, насколько важной в нашей профессии оказались дисциплинированность, собранность, прочные знания и навыки. Нам пришлось много летать, кому-то воевать, а кому-то ликвидировать последствия катастрофы ЧАЭС. Не всем удалось благополучно завершить лётную работу, выжили те, кто сумел впитать в себя, всё то, чему учили учителя и наставники.

ГОРОД ПУГАЧЁВ

Город Пугачёв небольшой по размерам и по численности населения, расположен на берегу реки Большой Иргиз. Основное население русские и татары. Жилые дома в основном одноэтажные. Предприятия города – элеватор, ликеро-водочный завод, небольшая валяльная фабрика, железнодорожная станция. Летом много солнечных дней, к концу июня

степь уже выгорает от жаркого солнца. Такие погодные условия дают возможность летать, летать и летать, что и нужно для интенсивного лётного обучения. В мае 1971 г. начались наши полёты на вертолётах Ми-4. Каждая учебная эскадрилья летала со своего полевого аэродрома. Так как кругом была ровная степь, проблем с полевыми аэродромами не было. Если во время полётов менялось направление ветра, то посадочное «Т» и все остальные знаки быстро перемещались, при этом полёты обычно не останавливались. Частенько бывало так, что взлетали в одном направлении, а садились в другом. Вертолёт Ми-4 был замечательным винтокрылым трудягой и в военной и в гражданской авиации. Он был неприхотлив к условиям эксплуатации, несложен в обслуживании, да ещё и спиртоносным. Смесь спирта с глицерином заправлялась в противообледенительную систему. На неформальном языке эта смесь называли **«Султыга»**, и применялась она потихоньку и как спиртной напиток.

Экипаж состоял из трёх человек – двух пилотов и бортового техника. Мы, курсанты, под присмотром бортового техника сами обслуживали летательный аппарат. Заправка бензином,

маслом, воздухом, помывка – эти все операции выполнялись нами ежедневно. Иногда от нашей неопытности при обслуживании случались казусы. Курсантский экипаж отлетал и зарулил на заправку, один из нас заправляет вертолёт бензином через заливную горловину, расположенную за главным редуктором, другой маслом через горловину маслобака, которая находится в верхней части двигателя перед остеклением пилотской кабины. Я заправляю маслом, закручиваю вручную пробку маслобака, закрываю на ДЗУС крышку лючка, протираю ветошью вокруг лючка и показываю новому экипажу большой палец. Все готово, можно запускать. Экипаж сержант Валера Беличенко и курсант Сергей Сидоренко, оба улыбаются, благодарят и начинают запуск двигателя, вырывают и взлетают на наших глазах. Старый экипаж, я и Коля Овчинников не спеша шагаем и подходим к СКП (Стартовый командный пункт), и с удивлением видим, что наш вертолёт заруливает на заправочную линию. Подбегаем, что-то случилось с вертолётом, стекла пилотской кабины забрызганы моторным маслом. Бортовой техник быстро выявил причину, под пробку масляного бака попала соединитель-

ная металлическая цепочка, герметичность нарушилась и на взлёте масло под давлением попало на стекла. Ругани никакой не было, после полётов командир эскадрильи разобрал со всеми инструкторами, техниками и курсантами этот случай, а инженер эскадрильи выдал рекомендации по закрыванию горловины. Через несколько лётных смен точно так же, для того же экипажа провожу заправку маслом, а Коля Овчинников бензином. Все сделано аккуратно, при закрытии пробки цепочка опускается в горловину, закрытую сетчатым фильтром, все протирается ветошью. Объясняю ребятам, что на этот раз все сделано хорошо, цепочка не попадет под пробку, счастливого полёта. Ребята улетают, мы идем отдыхать, подходим к СКП, а наш вертолёт с замасленными стёклами рулит на заправку. Что за проклятье, что снова случилось? На этот раз под пробку попал микроскопический кусочек контрольной проволоки, в результате масло снова выбило. Замечательными психологами были наши командиры, снова никакой ругани, просто разбор очередной ошибки. Перед закручиванием пробку необходимо снизу протирать ветошью, опускать цепочку и только потом закручивать пробку.

Учебная лётная программа была очень интересной и насыщенной разными видами полётов. Вертолётчик обязан уметь пилотировать вертолёт и сажать его на авторотации, т.е. с выключенным двигателем. Нам обязательно давались контрольные полёты с имитацией посадки на авторотации, а сами инструктора периодически выполняли посадки с реально выключенным двигателем. Мы были обязаны хорошо летать по приборам, каждый вертолёт имел специальные шторки для таких полётов. После уверенного овладения полётами по приборам, приступали к ночным полётам. Ночью каждая эскадрилья летала со своего аэродрома. В светлое время суток вертолёты с курсантами на борту поодиночке перелетали на ночной аэродром. С наступлением настоящей темноты начинались полёты. Нами выполнялись вывозные и контрольные полёты в пилотажную зону и по кругу до уровня подготовки к самостоятельным полётам. Самостоятельных полётов было мало, буквально несколько.

Если курсант, по каким-либо причинам, не летал ночью, он не считался готовым к выпуску из училища. Были примеры, когда ребята не смогли отлетать ноч-

ную программу и тогда, оставались учиться на 4-м курсе ещё на один год. Каждый раз после того как учебная эскадрилья выполняла план лётной смены, все дожидались рассвета и уже потом все опять перелетали на Пугачевский аэродром. В одну из смен, а именно 30 июня 1971 г. мы, закончив программу, ожидали у своего вертолёта перелёта домой. Чёрное августовское небо с яркими звёздами вдруг перечеркнул огромный огненный шар, тянущий за собой красивый огненный шлейф и кучу светящихся шаров поменьше. Это было красивое и гипнотирующе действующее на человека зрелище. Многие вертолёты были в воздухе, и тем, кто в них находился, было точно не по себе. Кто-то кричал, что это комета, кто-то, что болид, но никто достоверно не знал, что это на самом деле. При штатном плановом приземлении космических спускаемых аппаратов полёты заранее отменялись, поэтому не могло это быть и космическим аппаратом. Через какое-то время небо очистилось, наступило утро, полёты закончились перелётом на основной аэродром. После полётов мы отдыхали до обеда, спали в казарме. Время подъёма, дежурный по эскадрилье даёт команду подъём, а затем звенящим

от волнения голосом сообщает о гибели космонавтов при аварийном приземлении спускаемого аппарата. Выходит, ночью мы видели своими глазами эту ужасную трагедию, в которой погибли космонавты: Г. Добровольский, В. Пацаев, В. Волков.

Ночные полёты наш курс закончил вполне благополучно, все мы отлетали установленную КУАП (Курс учебно-лётной подготовки) лётную программу и были допущены к экзамену по лётной подготовке. Перед этим экзаменом мы еще немного летали, оттачивали технику пилотирования. Затем наступила пора экзаменов. Первым была проверка техники пилотирования по кругу и в зону. К этому экзамену допускался тот из курсантов, кто уже без всяких сомнений закончит училище. Был один из нас, по общему мнению, не достойный офицерского звания. Не стану называть его фамилию, т.к. прошло много лет, может быть, человек исправился и изменился в лучшую сторону. Но тогда, мы все, пожалуй, даже волновались, а вдруг его допустят к экзамену. Дело в том, что этот человек все годы учебы воровал все что можно. Те небольшие деньги, которые курсанты получали, шли на покупку самого необходимого: зубная паста, крем для сапог,

Встреча выпускников СВВАУЛ 1971 года на 25 летие. 1996 год г. Сызрань

мыло, материал на подворотнички, сигареты. Лишившись денег, курсант на целый месяц лишался необходимого житейского минимума. Этот ворюшка постоянно попадался с поличным, его били по ночам, когда не было рядом офицеров, он был лишен сержантского звания. Ничего не помогало. Только накануне государственного экзамена по технике пилотирования пришёл приказ об отчислении его из нашего училища. Этот факт все приняли с удовлетворением. Воровство в нашей среде не прощалось.

Следом за лётными, последовали государственные экзамены по теоретическим дисциплинам. Большинство курсантов сдавали экзамены на хорошо и отлично, удовлетворительные оценки были редкостью. По итогам экзаменов наш выпуск 1971 года был государственной комиссией признан отличным, а начальник училища генерал-майор авиации Ф. Г. Кисель представлен к награждению орденом Красной звезды.

«ГОЛУБОЙ КАРАНТИН»

Наступил период так называемого «Голубого карантина» – ожидания приказа МО СССР о присвоении нам воинского звания и назначения в воздушные армии. В военном ателье нам шили военную форму, мы регулярно ходили на примерку, любовались формой и золотыми погонами на парадных кителях. Одной из самых волнительных процедур было собеседование с представителями отдела кадров. Те, кто окончили училище с золотой медалью, имели право выбора военного округа или группы войск, отличники тоже распределялись в лучшие места. Все остальные имели право высказать своё пожелание, а кадровики имели на это свои взгляды. За четыре года в курсантских коллективах сложились психологически совместимые микрогруппы. Ребят объединяли многие, не всегда возможные к оценке, факторы. Нас, например, было трое: Абраимов Юсуп, Воронков Вадим и я. Как мы выбрали друг для друга на многие годы дружбы, не могу и сейчас в точности оценить. Волей случая, еще абитуриентами, попали в одну палатку, да так и сдружились

навсегда. После выпуска из училища мы хотели служить только вместе, с этим желанием мы все трое решительно пришли к представителю отдела кадров. Разговор был коротким, мы заявили офицеру о желании служить вместе. Он предупредил, что вместе троим, он может предложить только ДВО (Дальневосточный военный округ). Это нас совершенно не пугало, все трое согласились, а дальше все так и пошло по выбранному нами самими на этом этапе, пути.

«Голубой карантин» мы проводили по-разному, не было жесткой дисциплины, но не было и какой-то анархии. Служба в наряде и карауле, какие-то мелкие хозяйственные, работы все это нами вполне дисциплинированно исполнялось. Были и курьезы. Известны случаи, когда выпускник, будучи часовым у Боевого Знамени воинской части, поздно ночью мирно спал, прислонив автомат к стене и присев на ступени. Кадровики часто работали допоздна и, уходя из штаба, натыкались на, отдыхающего на посту, часового. Разбудив разгильдяя, офицер вкрадчивым голосом интересовался в каком округе запланирована дальнейшая служба. Если выпускник планировался в престижный военный округ

или группу войск за границей, то ему ласково сообщалось, что служить он будет в Забайкальском Военном округе.

Последний месяц курсантской жизни был месяцем свадеб. За годы учёбы многие из нас встречались с местными девушками на танцах, в парке, на пляже. Возникла дружба, у многих пар она переросла в любовь. Во время учёбы жениться просто некогда, ритм жизни очень напряженный, а вот во время «Голубого карантина» сам Бог велел. Невесты, к зависти подруг, шили платья, бегали по родне с приглашениями, плакали вместе с мамами, готовясь к расставанию. Женихи каждый свободный час проводили с невестами, а по возможности зарабатывали немного денег на костюм, рубашку и туфли. Заработки осуществлялись на разгрузках вагонов на ж.д. станции или погрузках на ликероводочном заводе. Свадьбы были весёлыми и шумными, гуляли от души с неприхотливым застольем, песнями и плясками. Не успели отгулять свадьбы, как пришла радостная весть, приказ МО СССР подписан.

ВЫПУСК ИЗ УЧИЛИЩА

Наступил торжественный и волнующий день выпуска из училища. Мы надели новенькую парадную форму, идеально сшитую в военном ателье. Построение для вручения дипломов, выступление начальника училища, прохождение торжественным маршем и, конечно, банкет – всё это пролетело, как во сне. На следующий день большинство офицеров – выпускников разъехались в отпуска, многие с молодыми жёнами. Как-то ещё не думалось, что с большинством ребят мы уже никогда не увидимся. Огромная страна содержала многочисленные вооружённые силы и пограничные войска, в авиационных частях которых растворился наш отличный выпуск 1971 г. Больше всего требовалось молодых лётчиков в Дальневосточный военный округ, 1 ОДКВА (Первая особая дальневосточная Краснознаменная Воздушная Армия), туда и направили нас 30 человек. После отпуска началась наша офицерская лётная служба.

**УДАВ
ИЛИ
(НАД ГИНДУКУШЕМ
И РЕГИСТАНОМ)**

ЧИРЧИК, 1038 ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ ЛЁТНОГО СОСТАВА АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ

Октябрь 1987 г. г. Чирчик Узбекской ССР, 1038 Центр подготовки лётного состава армейской авиации. Все лётчики в течение 1-го месяца здесь проходят подготовку непосредственно перед отправкой в Афганистан. Изучаются климатические особенности, обычаи и нравы населения, санитарно-эпидемиологическую, политическую и боевую обстановку. Большое внимание в теоретической подготовке уделяется особенностям полётов в горах и пустыне, технике пилотирования в условиях высоких температур наружного воздуха и разреженной атмосферы. Занятия хорошо продуманы и организованы, преподаватели умеют донести необходимые знания. При изучении дисциплин никакой шелухи, только то, что надо знать. Офицеры понимают необходимость специальных знаний и занимаются серьезно. Бытовые условия самые непрезентабельные, простая солдатская казарма с минимальным набором удобств. Военные вертолётчи-

ки во все времена не были избалованы хорошими условиями жизни, поэтому вопросов на эту тему никто не задавал. Стремление было одно, научиться быстрее всему тому, чему учат, и в установленное время перелететь в Афганистан. Деловая, спокойная обстановка в преддверии участия в войне – это показатель высокого профессионализма наших лётчиков. Других видеть не довелось.

Начальником Центра оказался одноклассник по Сызранскому ВВАУЛ, подполковник Борис Алексеевич Воробьёв. Встречает очень доброжелательно, без малейшего высокомерия или чванства. Интересуется моей службой, жизнью, семьей, но долго не разговаривает, вечно спешит.

1038 Центр подготовки структура серьезная, по численности личного состава, авиационной и специальной техники, количеству подчиненных частей сравним с авиационной дивизией.

В состав входят два полнокровных вертолётных полка и части обеспечения. Основное отличие от других авиационных соединений в том, что Центр, помимо задач собственной боевой подготовки и множественных учебно-боевых задач, в интересах Сухопутных Войск ТуркВО,

готовит переменный состав к полётам и боевым действиям в Афганистане. Сравнение с авиационной дивизией провожу потому, что командир дивизии должность генеральская, а в Центрах, именно вертолётных, только полковничья. В октябре 1987 г. Воробьёв Б.А. ходил в подполковниках, а его заместители и командиры полков были полковниками. Оказывается, звание долго не присваивали из-за автокатастрофы, в которой погиб один из заместителей и начальник службы. Вины водителя разбившегося автомобиля не было, но в те годы это не являлось смягчающим вину фактором. Погибли люди, неважно по чьей вине и в служебное или неслужебное время, однозначно виноватым считался командир.

В Чирчике встречаю ещё двоих одноклассников по военному училищу. **Начальником политического отдела – заместителем командира по политической части был Копчиков Владимир Фёдорович.** Удивительный по душевности, простоте, мужскому обаянию и глубокой порядочности человек. Он был душой воинского коллектива и любого праздничного мероприятия. Кроме этого, он был прекрасным лётчиком, питавшим глубокую любовь к небу и пролетавшим до последних дней своей жизни.

Командиром вертолётного полка в Чирчике был Геннадий Михайлович Иванов очень спокойный и уравновешенный полковник, настоящий вертолётный ас. Судя по всему, наши одноклассники между собой ладили.

Жизнь в гарнизоне кипит всю, строится хозяйственным способом Дом офицеров, другие капитальные объекты. Стройка, но при этом везде порядок. По всей территории установлены таблички с фамилиями ответственных за порядок офицеров.

Лётная подготовка переменного состава хорошо продумана и организована. Первый ознакомительный полет проходит и над горами, и над пустыней. Лётчиков, летавших раньше в равнинной местности, полёт впечатляет. Важна для нас техника пилотирования на больших высотах в условиях разреженной атмосферы. **Многого стоит тренировочная посадка на высокогорные площадки.** Элемент техники пилотирования, который больше нигде реально не демонстрировался, – это вывод из реального «подхвата». Удовольствия никакого, но научившись выводить вертолёт из «подхвата», останешься жив. Казалось бы, простое дело полёт по маршруту на предельно-малой высоте, но не в Чирчике.

Маршрут проходит по узкому извилистому ущелью с почти отвесными склонами. От экипажа требуется максимальная внимательность и сосредоточенность в течение всего полёта, так как горы очень близко слева и справа, а еще и сверху, потому что высота полёта предельно малая и горы как бы нависают над вертолётом. Непроизвольно снижаешь скорость полёта, чтобы вписаться в множественные изгибы ущелья, но штурман напоминает о том, что надо вовремя выйти на цель, т.е. скорость надо выдерживать без снижения. Полёт завершаешь с удовлетворением от того, что он, полёт, слава Богу, закончился.

Апогей чирчикской лётной программы – боевое применение на горном полигоне. Судя по всему, размещение и оборудование полигона не обошлось без творчества Бориса Алексеевича. Мишенное поле размещено на склоне горы, первый по полёту ряд мишеней ниже, а последний верхний, уже намного выше. Никаких деревянных щитов, мишени разнообразные, приближенные к будущим реальным целям. Здесь караван глиняных верблюдов с грузом на горбатых спинах, позиция ДШК и ЗГУ с, прильнувшими к прицелам, душманами, дальше живописная группа людей как

бы разбегается под огнём в разные стороны, легковые машины, и что-то ещё, чего в полёте не успеваешь разглядеть. На полигоне надо отработать днём и ночью: на предельно-малой высоте с кабрирования и с пикирования – на большой. Применяешь основные обычные виды вооружения, много промахов, так как рельеф и условия применения очень непривычны. Важно то, что получил понятие, как применять вооружение в горах с различных видов манёвров.

Теоретическая подготовка и лётное обучение, пройдённое в этих условиях, оказались очень полезными для реальной боевой работы в Афганистане. Верю в то, что такой высокий уровень подготовки помог сохранить немало жизней.

В трудное для страны время, судьба выбирает самых лучших. Борис Алексеевич Воробьёв, как начальник Чирчикского Центра, был судьбой избран, как лучший из нас.

Ни одного дня промедления после окончания подготовки не было. Ночью нас перевезли на военный аэродром под Ташкентом. Ранним утром проходим таможенный и пограничный контроль и загружаемся в воен-

ный Ил-76. Самолёт взлетает и берет курс на Кабул. Через 1,5 часа полёта из пилотской кабины выходит кто-то из членов экипажа и объявляет о том, что наш борт пересек государственную границу СССР и ДРА.

Впереди был Афганистан, была война и совсем другая жизнь.

ВСТРЕЧА С КАБУЛОМ

Афганистан, Кабул, 1 октября 1987 г.

Утро. Ил-76 приземлился на аэродроме Кабула. Стих гул двигателей, открылась рампа самолета, и в прохладе грузовой кабины хлынул горячий воздух. Выходим на перрон, щуримся от яркого солнца, тащим парашютные сумки с пожитками. Обстановка ошеломляет. Огромный аэродром. Вокруг высоченные горы с острыми заснеженными вершинами, отличная видимость приближает и делает четкими их контуры. Все кругом гудит и шумит: работает четко отлаженный гигантский механизм, управляемый какой-то единой жесткой волей. Взлетают и приземляются военно-транспортные самолеты: огромные красивые Ил-76, закопченные работяги Ан-12, скромные Ан-

26. Стремительно разгоняются и круто уходят в небо истребители МиГ-23, угрюмо и грозно выглядят штурмовики Су-25 с их многочисленными бомбами и ракетами под крыльями. Транспортно-десантные Ми-8 и боевые Ми-24 после короткого разбега деловито и быстро взлетают и немедленно отворачивают в сторону от взлетно-посадочного курса, немного набирают высоту и сразу начинают отстрел тепловых ловушек.

На огромной раскаленной солнцем сковородке аэродромного перрона своя жизнь. Никакой лишней суеты, все делается очень быстро и безостановочно. Военных и гражданских людей, прибывших нашим самолетом, быстро уводят от самолета прапорщички из команды комендатуры-распределителя. Прапорщички очень энергичны, собраны и деловиты. Загорелые лица и руки, выгоревшая до белизны полевая форма, на плече обязательно автомат. Перрон моментально освобождается от прибывших людей.

С пассажирами, убывающими в Союз, все сложнее. Их проверяют по спискам, досматривают вещи и по одному отправляют в огромное чрево самолета. Кажется, никто не обращает внимания на стоящие в сторонке грубые деревянные ящики со

скромными фанерными бирками с воинскими званиями, фамилиями, именами, отчествами и адресами. Все обходят эти ящики стороной, стараясь не замечать их, стыдясь в душе, что обходят. Молодые, здоровые люди прогоняют из своего сознания понимание того, что там внутри.

Все это сразу охватываешь взглядом и запоминаешь на всю жизнь.

Психологическое восприятие окружающего зависит от многих факторов: возраста, профессии, пола, предварительной и непосредственной подготовки перед отправкой в Афганистан. Мне было 37 лет, из них уже 20 лет в армии, т.е. вполне бывалый и закаленный психологически военный летчик. Мое восприятие окружающего было вполне реалистичным и не слишком эмоциональным, но и мне при переходе от мирной обстановки к военной требовалась некая психологическая адаптация. Много лет прошло с того дня, но и сегодня мне трудно оценить тот стресс, который получали от всего увиденного молодые солдаты, гражданские специалисты, особенно женщины.

Мне нужно лететь в Кандагар, расположенный далеко от Кабула, на самом юге Афгани-

стана. Нужно у кого-то спросить когда самолет и как на него попасть. Долго думать не пришлось. Кто-то сзади крепко обнимает меня сильными руками и сразу отпускает. Оборачиваюсь. Ба! Да это мой добрый товарищ по службе в Белоруссии, подполковник Зайцев Сергей Филиппович. Он был уже два года советником в Кабуле, через несколько дней собирался вернуться в Советский Союз. Сергей решительно пресек все мои попытки куда-либо ехать, кого-либо искать, а тем более лететь в Кандагар. Разъяснил сразу всю текущую обстановку. На следующий день в штабе 40 ОА состоится конференция по боевому применению авиации. Командиры частей и начальники политических отделов ночью прилетят в Кабул, следовательно, и мне нужно там быть. Это все завтра, а пока Сергей Филиппович везет меня к себе домой, обещая утром вовремя доставить в штаб армии. Своему бывшему комэске я доверяю, он очень обязательный и организованный военный. Живет с женой и маленьким сыном в советническом городке в Кабуле. Обычный многоквартирный трехэтажный дом с удобствами в виде воды, канализации и электричества. Около подъезда вооруженный автоматом аф-

ганский солдат неохотно несет службу по охране. Глядя на него, всем своим военным существом понимаешь, что никакого толку от такой охраны, случись что, не будет, но все-таки становится немного спокойнее.

Жена Сергея Филипповича встречает очень радушно, накрывает скромный, но достойный стол. Пьем спирт, вспоминаем мирную жизнь, эскадрилью, сослуживцев. Потом мне устраивают экскурсию на местный рынок. Это конечно не наш советский рынок, а что называется «Восточный базар». Чего только здесь нет. Больше всего европейца удивляют дрова, которые продают на развес, взвешивая безменом. Мне пока ничего не надо, но Зайцевы убеждают, что они через несколько дней будут в Союзе, передадут привет и подарки моей жене и детям. Убедили, закупили всякую мелочь, какую дома не купишь, и довольные вернулись домой. Мы еще долго сидели вдвоем. Сергей очень опытный летчик, много рассказал мне про Афган, про особенности полетов. Спать мы легли за полночь, но утром были в полном порядке, бодры и энергичны.

На служебном автомобиле Зайцева мы проехали в штаб 40 ОА через весь Кабул. Я с большим любопытством смотрел че-

рез окна автомобиля на большой восточный город, с кипящей ранним утром жизнью. Вдоль главной улицы города располагаются здания как древней, так и современной постройки, а на склонах гор, спускающихся к центру, прилепились, как ласточкины гнезда, многочисленные мелкие постройки. На улицах множество автомобилей, большей частью подержанных, перемещающихся внешне беспорядочно, но вполне безаварийно. На больших перекрестках полицейские регулировщики в белых фуражках с большой кокардой распределяют потоки автомобилей, непрерывно издавая трели свистком и показывая жезлом кому куда ехать. Наш автомобиль медленно пробирался к цели - штабу советских войск, расположенному на возвышенности неподалеку от дворца Амина. В политотделе ВВС я доложил о прибытии начальнику политотдела полковнику Саушину. Он довольно приветливо встретил меня и провел короткий инструктаж: «Вы политработник опытный, на месте сами во всем разберетесь».

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО БОЕВОМУ ПРИМЕНЕНИЮ

Конференция проходила в Доме офицеров на территории штаба 40 ОА. Перед началом мероприятия у входа в здание собрались офицеры, прибывшие из всех гарнизонов Афганистана, а также из некоторых частей, связанных со специальной подготовкой летчиков на территории СССР. Среди офицеров оказалось довольно много знакомых. Встретил я прежних сослуживцев: подполковника Николая Грачева – командира полка из Джелалабада, подполковника Сергея Косенкова – командира отдельной вертолетной эскадрильи, Александра Кабанцова – начальника политотдела истребительного полка. Обнимались, перебрасывались шутками, коротко обменивались информацией о сослуживцах. Рядом стояли два старых друга – мои однокурсники: Борис Воробьев и Владимир Белов. Белов командовал полком в Кундузе уже 5 месяцев, а Воробьев был вызван как начальник центра подготовки летного состава. В отличие от большинства офицеров, служивших в составе ограниченного контин-

гента и одетых в полевую форму нового образца, на Воробьеве была странная одежда, состоящая из полевой формы старого образца, но на ногах ботинки, а не сапоги. Новая полевая форма, прозванная военными «мабута», пока выдавалась только для военнослужащих 40 ОА., а ходить по 40 градусной жаре в сапогах было бы сумасшествием. Впрочем, на форму особого внимания никто не обращал.

Чуть в стороне от входа стояли несколько генералов, из которых выделялись пожилой сухощавый генерал армии, одетый строго по уставу в простую полевую идеально подогнанную и отутюженную форму и молодой черноволосый генерал-лейтенант. Он был одет в летный камуфлированный комбинезон с полевыми погонами и белоснежным подворотничком. Молния куртки была немного растегнута, в открытом треугольнике виднелась десантная тельняшка. Я спросил у одноклассников про генералов. Они мне разъяснили, что генерал армии Валентин Иванович Варенников – начальник группы управления МО СССР в Афганистане, а генерал-лейтенант Громов Борис Всеволодович является командующим 40 ОА.

Борис Воробьев познакомил меня с командиром 280 ОВП

подполковником Ильдусом Халитовым, с которым мы дальше по ходу конференции и других мероприятий держались вместе. Мой предшественник – начальник политического отдела полка Владимир Хачикянц был озабочен какими-то своими делами и со мной почти не общался.

Вместительный зал дома офицеров заполнен офицерами всех родов войск. На стенах и специальных штативах были развешаны схемы с изображенными на них вариантами боевого применения различных родов авиации. Главное внимание таблицам с результатами боевых действий фронтовой и армейской авиации, перечнем потерь летательных аппаратов. Проводил конференцию сам командующий армией генерал-лейтенант Борис Всеволодович Громов.

Авиация в боевых действиях несла очень большую нагрузку и имела огромное, иногда решающее, значение в достижении военного успеха. Вместе с тем, все рода авиации несли и большие потери. В докладе отмечалось, что многие потери являются совершенно необоснованными и неоправданными. Некоторые из них происходили из-за недисциплинированности летчиков, другие по причине слабой выучки, а еще из-за безумного риска

отдельных экипажей. Приводились примеры неоправданных потерь.

Вертолет Ми-24 выполнял разведывательный полет в районе какого-то вполне мирного населенного пункта. Как говорил командующий Б.Громов: «Крутится и постреливает для тренировки куда попало, покрутится и снова постреляет. Жителям кишлака надоело назойливое постреливание, притащили ПЗРК и сбили «охотничка». Хорошо, что летчики остались живы, спрятались где-то до следующего утра, когда их спасательный вертолет подобрал».

Другой случай, когда молодой командир транспортного самолета Ан-26 при заходе на посадку для быстрого снижения по крутой глиссаде включил реверс двигателей над приводной радиостанцией и упал на аэродром плашмя. Все члены экипажа и пассажиры погибли. Следующий, страшный и ничем не оправданный случай – это столкновение ночью на ВПП самолета Ан-12 с вертолетом Ми-24. Экипажи имели одинаковые позывные и каждый из них, полагая, что разрешение получил он, вырулили на ВПП, где и столкнулись в процессе разбега Ан-12 и Ми-24. Самолет сорвал, а все пассажиры и экипаж погибли. При потерях транспортных

самолетов и вертолетов кроме экипажей гибли еще и пассажиры.

На конференции до нас доводились новые способы боевого применения, особенности выполнения различных боевых задач. Командиры успешно воюющих авиационных частей выступали с обменом опытом, а те, чьи части несли потери, заслушивались. С докладом выступал и мой однокурсник по летному училищу полковник Владимир Александрович Белов. Он доложил о методике выполнении посадок и взлетов ночью для эвакуации раненных из районов боевых действий в горах с подсветкой САБАМИ, сброшенными с самолетов Су-25. Этим докладом заинтересовался генерал армии В.Варенников. Он задал вопрос: «А кто первый выполнял такие полеты?». Белов ответил, что он лично как командир полка их выполнял сам, а потом уже доверил некоторым подготовленным летчикам. Варенников порекомендовал командующему авиацией рассмотреть вопрос о представлении командира полка к званию Героя Советского Союза. Генерал-майор Дмитрий Романюк, откровенно клюющий носом, т.е. спящий в президиуме, встрепенулся: «Есть, товарищ генерал армии!». Через минуту-другую он снова

спал, сразу забыв о каком-то полковнике Белове.

Генерал-лейтенант Громов Борис Всеволодович воплощал в себе лучшие качества военачальника – командующего действующей Армией. Он был очень требовательным и строгим, грамотным и педантичным, глубоко компетентным, хорошо знающим военное дело и свою армию военачальником. Горе было тем командирам, которые проявляли халатность и личную недисциплинированность.

В Кабул мы прилетали только ночью, к утру собирались в штабе армии, следовательно, перед военными советами офицерам поспать не удавалось. В уютных креслах зала дома офицеров поклевать носом, т.е. подремать склонны были многие, но если кто-то, не дай бог, уснул на мероприятии, проводимом командующим, можно не сомневаться, будет замечен. Разговор с таким офицером был очень коротким, но таким содержательным, что спать больше не хотелось не только ему, но и всему залу. При всей строгости и жесткости, Борис Всеволодович никогда не позволял себе ни малейшей невыдержанности, грубости и хамства по отношению к подчиненным. Конференция была прекрасно подготовлена и опыт боевых действий, которым на

ней обменивались авиационные командиры, является бесценным. К сожалению, итоговых материалов я никогда потом не встречал, но, надеюсь, что они сохранены в военных архивах.

После конференции начальники родов войск проводили свои совещания с подчиненными. Нас, авиаторов, собрал командующий авиацией армии генерал-майор Д.Романюк. В отличие от Громова, он был матерщинником и изощренным грубияном в общении с подчиненными. Кто и где научил летчика-истребителя, генерала, коммуниста такому поведению, даже и знать не хочется. Мы еще вернемся к этой теме, т.к. впоследствии общение с ним всегда приносило недоумение и удивление. Совещание было непродолжительным, в моей памяти отложилось то, что моему новому командиру подполковнику Ильдусу Халитову было вынесено очередное, последнее предупреждение в связи с его плохим личным поведением. В чем состояло его плохое поведение, мне стало понятно самому в течение следующих суток.

КАНДАГАР

С наступлением темноты мы с командиром полка и полетели в Кандагар. Полет на транспортном Ан-26 был весьма неудобным и неприятным мероприятием. Высота около 7 тыс.м над землей, ниже нельзя – горы и душманы с ПЗРК и другими средствами ПВО. Самолет на этой высоте промерзает, на стенках грузовой кабины образуется иней, кислорода не хватает, сидеть приходится на парашюте, который постоянно ерзает по общему сиденью-скамейке и мешает ногам доставать до пола, стесняет дыхание. Парашютные лямки врезаются в плечи и другие места тела. Особенно неудобно женщинам, как бы они ни были одеты, парашют – слишком неудобная штука для гражданской женской одежды. Подавляющее большинство пассажиров никогда с парашютом не прыгали, так что случись что, сомневаюсь, что люди смогли бы воспользоваться им. Слава Богу, случаев таких за всю историю афганской войны не было, во всяком случае, я про это ничего не слышал.

Два с половиной часа такого неудобного полета, и наш

самолет приземляется в международном аэропорту Кандагара под названием «Ариана». Здесь внешне гораздо спокойнее, чем в Кабуле. Тоже взлетают и приземляются самолеты и вертолеты, но в меньшем количестве. Нет суеты, все идет спокойно и размеренно. Над аэродромом южная ночь, дневная жара спала, но воздух теплый и сухой. Небо черное с яркими звездами, на нем ни облачка, ни дымки. Освещение аэродромной зоны минимально, даже огни, обозначающие ВПП, включаются только на время взлета и посадки летательных аппаратов.

Нас встречают командиры частей обеспечения и командиры эскадрилий – так положено. Здороваемся. Командир полка выслушивает доклады, кивает головой. Затем коротко представляет меня. Командир 2-й эскадрильи – мой сослуживец по Бердичеву подполковник Андреев Виктор Терентьевич приглашает меня к себе. У него отдельная комната в модуле, он живет один. Ну, это лучше чем гостиница, да и повеселей в новом незнакомом для меня гарнизоне. Всё вполне мирно и спокойно вокруг, забываешь, что находишься на войне, но не надолго. Раздается обвальная грохот. Кажется, что сотрясается даже земля, воздух рвется

в клочья от залпов реактивной артиллерии «Град», через черный звездный небосвод несутся хвостатые кометы реактивных снарядов. Через несколько минут начинают работать тяжелые артиллерийские установки «Гиацинт». Офицеры посмеиваются: «Это Вас, Владимир Александрович, так встречают в Кандагаре».

Рассаживаемся по УАЗам и едем по бетонной дороге в жилой городок, расположенный совсем недалеко от аэродрома. Ночью видно немного, но в свете фар замечаю красивые двухэтажные одинаковые особняки, окруженные зеленью. Оказывается, в них живут советские, т.е. наши советники и офицеры ГРУ (Главное разведывательное управление ГШ ВС СССР). Подъезжаем к КПП. Небольшое невзрачное помещение, сооруженное из тары от боеприпасов (бомботара по-простонародному) и глины. Вокруг – защита из мешков с песком. Солдат в выгоревшей от солнца полевой форме, неуклюжем тяжеленном бронежилете и каске открывает шлагбаум и пропускает наши автомобили на территорию городка.

Прощаемся до утра с командиром полка и другими офицерами, а Виктор Терентьевич ведет меня в свою комнату и

помогает донести немногочисленные вещи. В модуле (щитовой деревянный длинный барак с одним общим коридором) 2-й вертолетной эскадрильи вижу много знакомых лиц. Эскадрилья прибыла в полном составе из Бердичевского, родного мне вертолетного полка. В просторной командирской комнате нас радушно встречают заместители и штурман эскадрильи. Накрыт роскошный по афганским меркам стол, главным блюдом которого является жареный картофель и разбавленный спирт. К огорчению бердичевских земляков, от выпивки я отказался категорически, но с удовольствием поужинал и поговорил с ними «за жизнь», передал приветы и письма от родных.

Утром в 4.00 в штабе полка проходит уточнение боевой задачи на день. Присутствуют заместители командира полка, командиры частей обеспечения, командиры эскадрилий, начальники служб. Командир заслушивает соответствующие доклады о боевой обстановке, погоде, готовности к выполнению задач и зачитывает боевой приказ на ведение боевых действий в течение текущего дня. В этот, для меня первый Кандагарский день, уточнение проводил первый заместитель подполковник Олег Валуев. Мы с ним

после уточнения задачи пошли на завтрак. По дороге к столовой он показал, где что находится на территории. Вкратце рассказали друг другу каждый про себя, перебрали общих знакомых. Валуев закончил Сызранское ВВАУЛ в 1970 г., потом ВВА им. Гагарина, прошел все должностные ступени от правого лётчика вертолета до первого заместителя командира отдельного вертолетного полка. Он воевал уже год и подлежал замене. Командует полком по существу он, т.к. недавно назначенный на эту должность Ильдус Халитов находится в глубоком запое.

Мы подошли к лётно-технической столовой, размещенной в металлическом ангаре. Несколько кондиционеров не справлялись с охлаждением огромного объема воздуха, поэтому в столовой было душно, а на кухне вообще как в бане. Питание оказалось далеко не идеальным, но вполне приличным. Посуда и приборы были выдержаны в хлорном растворе, запах хлора в столовой перебивал все остальные, но зато не было в последнее время инфекционных заболеваний. Персонал делал все возможное для обеспечения пищей летного и технического состава. В столовой во вторую смену питались и гражданские специалисты.

Чтобы не возвращаться к теме питания, сразу вспоминаю, что в хорошие времена на столе были блюда из натурального мяса, постоянно были свежие овощи. Картофель поставлялся либо сушеный, либо консервированный. Хлеб выпекался в пекарне 70 МСБр, расположенной неподалеку от нашего военного городка. Хлеб частенько бывал или плохо пропеченным, или из некачественной муки, закупленной продовольственной службой тыла ТуркВО. Поговаривали, что дрожжи в большом количестве уходили на брагу, которую в 70 МСБр продовольственники настаивали, а затем из неё выгоняли самогон. Бывало, что долго не поступало в гарнизон мясо, тогда все сидели на тушенке.

В столовой Олег Валуев познакомил меня с другими заместителями и начальниками служб полка. У начальника штаба и заместителей чувствовалась во всем поведении огромная усталость и ежедневное ожидание замены. Начальники работали, что называется на автопилоте. Выделялся из всех заместитель по ИАС подполковник Николай Головатюк, который был собран, энергичен и настроен на активную работу в боевой обстановке. Он был довольно сдержан в эмоциях,

немногословен и называл всё своими именами. Офицеры его службы были хорошо подготовлены, очень уважали начальника. Впоследствии пришлось убедиться, что в целом служба ИАС находилась в очень надежных руках, а в боевой обстановке это было очень важно.

Мой предшественник – Владимир Хачикьянц после конференции остался в Кабуле, несколько дней там находился, а потом с кем-то передал мне ключи от комнаты и улетел в Союз. Вот так у нас с ним состоялась передача дел и должности. После завтрака я собрал офицеров политотдела. Познакомился с ними и послушал чем каждый из них занимается. Сразу становилось понятно, что занимаются чем угодно, только не политработой. Ходят иногда в наряды, много спят и с удовольствием распределяют товары, поступающие в магазин военторга. Сообщил, что отныне они будут заниматься политработой, соответствующей боевой обстановке, каждый день предоставлять мне план работы на день, и каждый день отчитываться. Основу плана должны составлять мероприятия, проводимые в подразделениях и на отдельных объектах, на аэродромах, а также там, где размещаются отряды вертолетов 205

ОВЭ. Военоторговские дефицитные товары отныне будет распределять общественная комиссия, созданная из представителей частей и подразделений. Офицеры сникли, но подчинились, хотя и не сразу и не все. С первых минут и безоговорочно мы нашли общий язык только с заместителем майором Березкиным Владимиром Петровичем. Он меня во всем поддерживал и помогал, как мог.

На войне офицеры всегда на службе, поэтому на знакомства ушло немного времени. В первый же день я встретился с командирами частей обеспечения и их заместителями, а также командирами прикомандированных к полку подразделений, а именно, эскадрильи истребителей МиГ-23, эскадрильи штурмовиков Су-25 и вертолетного отряда из 205 ОВЭ. При первом знакомстве все они оставили вполне положительное впечатление. Впоследствии первоначальное положительное мнение о каждом из командиров подтвердилось.

Обойдя все служебные и жилые помещения, я получил соответствующие впечатления. Везде поддерживался порядок и чистота. Люди старались создать минимальный уют и обстановку, приближенную к домашней. Почти у каждой кровати на тум-

бочке стоят фотографии семьи, наивные детские рисунки. У входа в каждую комнату – обязательно чистый коврик, обувь в сторонке. Одежда развешена на вешалке, закрыта какой-нибудь занавеской. Гораздо хуже дела с порядком обстояли в женском общежитии. Вещи разбросаны, кровати небрежно или вообще не заправлены. Одежда и белье валяются беспорядочно или висят на спинках кроватей и стульев. Замечание молодым женщинам было мне делать как-то неудобно, поэтому зашел в 2-3 комнаты, поинтересовался проблемами и удалился восвояси.

Территория, на которой располагались авиационные части, примерно 500 м на 250 м. По всему периметру два ряда колючей проволоки, между которыми противопехотные и сигнальные мины. Один единственный въезд и выезд через КПП. На этой территории размещались штабы полка, обато, батальона связи, ПАРМ, десяток жилых модулей, летно-техническая и солдатская столовые, сборно-металлический клуб офицеров, дизельная станция, кислородная станция, большие палатки для солдат и сержантов срочной службы. Около модулей кусты эвкалипта или вечно зеленых, постоянно цветущих магнолий. Между штаб-

ными модулями полка и обато два небольших искусственных водоема с камышом. В них чистая вода поступает постоянно, т.к. быстро испаряется от палящего солнца. В воде мельтешат стайки мальков и солидно проплывают изумительно красивые пурпурные караси. В берегах сделаны маленькие норки-пещерки, в которых сидят пресноводные крабы и очень успешно охотятся на мальков. Над водоемами нависают гибкие ветви плакучей ивы и цветущих магнолий. Красота. Умеют наши люди приспособляться к жизни в самой тяжелой обстановке и творить чудеса в обустройстве быта. Отдельно, ближе к ограждению находились бани, построенные умельцами из упаковочной деревянной тары из-под боеприпасов. В каждой бане парилка и небольшой бассейн. С северной стороны от жилого городка, примерно в 1-м километре, находится аэродром. Еще севернее невысокие горы, «зеленка» и сам Кандагар. Южнее, на расстоянии 500-600м., расположение 70 ОМСБр, а буквально через один-полтора километра пустыня Регистан. С запада полупустыня, в которой вдоль русла реки Аргандаб разбросаны афганские кишлаки. Восточнее аэродрома, вдоль заросшего камышом канала стоят

глинобитные хижинки и шатры большого племени белуджей. На северо-восток от нашего расположения среди гор тянется широкая долина, дугой опоясывающая восточную часть Афганистана.

За два дня я обошел все помещения и объекты, на которых находились люди, подчиненные командованию полка и приданных частей. Убедился, что люди знают свое дело, хорошо представляют боевую и политическую обстановку. Дисциплина в частях и подразделениях поддерживается на достаточно хорошем уровне.

Авиационный гарнизон жил напряженной жизнью в непрерывной боевой работе. 280 отдельный вертолетный полк в 1987 г. понес тяжелые потери. Так, ночью над аэродромом столкнулись два Ми-8 с десанниками на борту, несколько человек выпрыгнули с парашютами, а экипажи и большинство бойцов погибли. Другая страшная трагедия произошла с самолетом АН-12, который привез 5 т. стокилограммовых бомб. В условиях пыльной бури самолет приземлился под углом к ВПП, выкатился за её пределы и попал на минное поле. Взорвалось несколько мин, от них самолет загорелся, экипаж покинул его и отбежал в сторону. Руководи-

тель полетов, как и положено, по всем инструкциям, отправил к самолету пожарные и санитарные машины. Военнослужащие, находящиеся неподалеку от горящего самолета, кинулись помогать, а самолет с бомбами в это время взорвался. Не обладаю цифрой погибших, а вот раненых было 22 человека. Еще одна катастрофа произошла в пустыне Регистан, где Ми-8 с десанниками – десанниками при перелете из Лашкаргаха в Кандагар на предельно малой высоте (летчики в таких случаях говорят «преступно – малая высота») столкнулся с барханом. Все, включая экипаж, погибли. После этих страшных и нелепых трагедий командира полка отстранили от должности и откомандировали в Союз, а вместо него назначили подполковника И.Халитова. Первого заместителя О.Валуева и заместителя по летной подготовке С. Ермакова не назначили, т.к. они, как и командир полка, были виновны в потерях. Оба заместителя уже больше года летали без отпусков, у них заканчивались сроки прохождения ВЛК, т.е. в соответствии с летными законами, летать они оба не имели права. Физиологически и психологически офицеры сильно устали, а замена по каким-то причинам задерживалась.

Командир полка подполковник Ильдус Халитов пил беспорочно. Командир авиационно-технической базы приносил ему продукты, командиры эскадрилий спирт, заведующая магазином военторга готовила пищу. Утром командир приходил на уточнение боевой задачи, отдавал кое-какие распоряжения и снова уходил в свою комнату и продолжал кутить. Конечно, офицеры знали о слабости своего командира, но ничего поделать не могли. Заместители давно махнули рукой, уже не пытались повлиять на него и остановить пьяные загулы. Они оба были более достойны назначения на эту должность, но командование ВВС назначило офицера, который пил крепко и раньше, еще до назначения командиром полка. Начальника политического отдела поведение командира и раньше не интересовало, а перед собственной заменой тем более.

Военно-политическая обстановка в Афганистане была очень сложной. 40 Армия надолго увязла в боевых действиях и выбраться достойно из необъявленной войны самостоятельно не могла. По приказу Генерального Штаба активность боевых действий наших войск на какое-то время снижалась, части замыкались в своих гарнизонах

и выполняли только самые необходимые для собственной безопасности операции. Душманы отдыхали, набирались сил, подвозили оружие и боеприпасы и с новой силой начинали теснить правительственные войска, наносили большой ущерб нашим колоннам с топливом и продовольствием. Ночами и во время пыльных бурь обстреливались военные городки и посты. Доставка авиации, которая несла потери в меньшем количестве, чем в предшествующие годы, но все-таки несла. Все чаще применялись ПЗРК, в т.ч. «Стингер» и усовершенствованный «Стингер» с высотой поражения до 7000 м. Через какое-то время после затишья в боевых действиях наши войска снова начинали активно бить «духовские» караваны с оружием и проводить операции по деблокированию гарнизонов правительственных войск. Боевая нагрузка на полк и другие авиационные части в Кандагарском гарнизоне возросла.

На третий или четвертый день после моего прибытия утром после завтрака успел поговорить с трезвым командиром. В жесткой форме порекомендовал ему прекратить пьянки, вести себя достойно и выполнять командирские обязанности. Халитов возмутился,

напомнил, что он единоначальник, а я не должен соваться в его личную жизнь. В свою очередь, я его предупредил, если сегодня же не остановится, то завтра утром в его присутствии из его же кабинета доложу командиру об обстановке в нашем гарнизоне и о поведении начальника гарнизона. Это предупреждение, похоже, подействовало. Ильдус смягчился, он пообещал прийти в норму и начать летать. Мне показалось, что договорились.

На следующий день утром командиру позвонили с КПП и доложили, что приехал вождь племени белуджей Якуб Хан. Халитов приказал коменданту пропустить вождя и проводить в командирский кабинет, где и познакомил нас. Он рассказал, что белуджи размещаются рядом с аэродромом, и нам нужно с ними дружить, по мере возможности помогать им, т.к. они в свою очередь не пропустят через свою территорию душманов, если те попытаются проникнуть в район аэродрома.

Якуб Хан был весьма колоритной фигурой, крепкого телосложения, коренастый, с большой крепко посаженной головой, окладистой бородой и пронзительным взглядом глаз с желтоватыми белками и кровавыми мелкими прожилками.

Капитан Перепелица замполит авиационно технической базы и подполковник Фролкин

Вождь огромного племени, наверное, таким и должен быть: очень спокойным, немногословным, сдержанным в эмоциях, обладающим огромным неподдельным чувством собственного достоинства. Он пригласил нас в гости к себе в кишлак. Ехать было недалеко, буквально 1,5-2 км за границу охраняемой зоны. Мы взяли с собой нескольких офицеров, солдата-таджика в качестве переводчика и на двух УАЗах поехали в кишлак. Пустынная местность с покрытой мелкими камушками безжизненной, выжженной палящим солнцем почвой. Небольшой канал с поросшими камышом бе-

регами, а рядом с ним разбросаны шатры из овечьих шкур, глинобитные постройки без окон с куполообразными верхами. В центре кишлака располагался добротный, по меркам кочевников-белуджей, дом Якуб Хана, построенный из так называемой бомботары. Нам было интересно познакомиться с бытом кочевников, жи-

вущих в условиях, таких же, как у их предки тысячелетия назад. Часть белуджей жила в глинобитных постройках, брошенного другим племенем кочевников, а другая – в шатрах из овечьих шкур. Якуб Хан провел нас в помещение, где он принимал гостей. В центре просторной комнаты, сооруженной из деревянных снарядных ящиков, находился стол с креслами. На стене висел портрет Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева. На столе расставлены вазочки с зернами прекрасных кандагарских гранатов и дольками мандаринов. Большая бутылка столичной водки паки-

станского разлива и порезанный кольцами сладкий лук предназначались явно только для нас. Мы попробовали все яства, пригубили водки, закусывая её луком и хлебом. Хлеб, выпеченный на разогретых камнях, был в виде тонких серых лепешек с хрустящим на зубах песком и совершенно несоленым. Вождь с гордостью рассказал о своих сыновьях. Двое старших жили в племени с отцом, два средних учились на врачей в СССР, а самый маленький 5-летний – в племени под присмотром женщин. О дочерях разговора не было. Якуб Хан рассказал о большой помощи, которую оказывает им правительство ДРА и СССР, о выделе-

нии денег, предназначенных для обустройства и перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Затем мы посетили небольшую школу, тоже глинобитную, но с деревянной дверью, столами и скамейками. Школа, которой очень гордился Якуб Хан, была построена недавно за государственный счет. Затем нам показали жилище, где живут жены вождя. Халитов сказал, что он мусульманин поэтому ему можно туда зайти, а вот мне не положено, т.к. я христианин. Мне не очень-то и хотелось, да и Ильдус только чуть заглянул в темноту помещения, не перешагивая через порог. Мы поблагодарили вождя за гостеприимство и уехали к себе.

В гостях у вождя племени белуджей Якуб Хана

КОМАНДИР ХАЛИТОВ

В тот день командир не пил, сходил в баню, привел себя в порядок. Вечером, вникнув в боевую обстановку, он сам поставил задачу командирам частей и подразделений на боевые действия на следующий день. Мы с ним договорились, что на следующий день выполним необходимые для моего ввода в строй полеты, а потом приступим к боевым вылетам. Я готовился очень серьезно, тщательно изучил карту с нанесенной на неё боевой обстановкой, уделяя особое внимание местам расположения бандформирований и их средствам ПВО. Изучил инструкцию по производству полетов аэродрома Кандагар. Ранее получил все необходимые элементы летной и боевой экипировки: тяжелый бронированный защитный шлем ЗШ-3Б, специальный жилет НАЗ-4 (носимый аварийный запас, тяжеленный бронежилет, автомат АКМСУ и простой пистолет ПМ. Бронежилет положено было одевать на все боевые вылеты, а еще жилет НАЗ, а сверху всего этого парашют. Все это снаряжение совместить, а тем более ,летать во всем этом

на вертолете Ми-24 с его тесной пилотской кабиной невозможно, а поэтому никто из летчиков в бронежилете не летал. Зато жилет НАЗ летчики очень уважали. Он был безразмерным за счет шнуровки, имел карманы для пистолета, магазинов, гранат, взрывателей к ним, магазинов для автомата, сигнальных ракет. К левой ноге пристегивалась пластмассовая кобура для автомата. Впоследствии я приспособился поверх жилета надевать кожаную куртку, в этом случае кармашки жилета не цеплялись за оборудование кабины, а парашют и привязные ремни надевались без проблем.

К полетам полностью готов, но испытываю некоторое волнение, т.к. любой полет в Афганистане имеет повышенный риск. Мои надежды на полеты с командиром не оправдались. Поздно вечером в комнате Халитова послышались громкие голоса, музыка, женский смех. Неужели сорвался? Ведь твердо обещал больше не пить. Утром командир на уточнение боевой задачи не вышел. Задачу на боевые действия ставил О.Валуев. Накануне вечером прилетели из Кабула несколько офицеров штаба ВВС 400А, а именно, начальник строевого отдела, он же негласный адъютант генерала Д.Романюка, и кто-то еще, ме-

нее известный. Ночью они погуляли с Халитовым до такой степени, что утром командир снова оказался не в состоянии командовать гарнизоном. Я высказал гостям большое неудовольствие по поводу их поведения и порекомендовал уже сегодня вечером от нас улететь. Они, конечно, возмутились. Пришлось напомнить, что несколько дней назад на совещании командующий ВВС Армии генерал-майор Д.Романюк отчитывал подполковника И.Халитова и вынес ему самое последнее предупреждение. «Вы, товарищи офицеры, зная про слабость И.Халитова, спровоцировали его и вместе пьянствовали. Не хотелось бы сообщать об этом вашем поведении командующему». Вечером они улетели, а командир полка снова запил. Через некоторое время мне стало известно, что эти кабульские гости затаили на меня зло и поставили задачу своим подопечным в нашем полку следить за мной и собирать компромат. Компромата на меня их стукачи не подобрали, т.к. повода для претензий к моему личному поведению за все время я никому не представил.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Вполитотдел потянулись люди с различными просьбами и жалобами на несправедливость. Два таких случая хорошо помню даже много лет спустя. Офицеры и прапорщики, получившие ранения при взрыве Ан-12 с бомбами, так и не получили денежную компенсацию, установленную Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 59-27 от 17.01.1983 г. Вызываю начальника финансовой службы ОБАТО, прошу объяснить причину отказа. Молодой, но уже довольно высокомерный, как и большинство военных финансистов, старший лейтенант уверенно отвечает, что компенсации не будет. Ранения получены офицерами не в результате боевых действий, а из-за плохой подготовки и трусости экипажа самолета Ан-12. Интересуюсь, кто, таким образом, определил причину ранений. Финансист четко отвечает, что он сам определил, да это и так всем известно. Пытаюсь объяснить, что мы все находимся в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, все считаемся участниками боевых действий.

Следовательно, военнослужащие пострадавшие в результате взрыва самолета с бомбами, выполнявшего посадку в экстремальных условиях пыльной бури, должны считаться получившими ранение в результате боевых действий. Тем более, потому, что они-то как раз бежали к горящему самолету, чтобы спасти других людей. Кажется, все ясно и логично, нужно выполнять Постановление и заплатить людям. Старший лейтенант тверд, как камень и уверен в своей правоте: «Нет, выплаты не будет, и вы, товарищ подполковник, мне в финансовых делах не указ. У меня в Кабуле свое начальство, а оно меня поддерживает в данном вопросе».

Ничего поделать не могу с молодым и самоуверенным финансистом. Он прав в том, что в финансовых вопросах у него свое начальство. Мне пришлось оправдываться перед пострадавшими офицерами и пообещать доложить выше. Конечно, я доложил начальнику политотдела авиации 40 ОА армии полковнику Саушину, но результата все равно не было. Уже перед самым выводом войск из Афганистана во время прилета в наш гарнизон командующего авиацией 40 ОА генерала Д.Романюка к нему обратились все те же пострадавшие офицеры.

Генерал материл финансиста, грозился снять его с должности, уволить, но тот был непоколебим. Романюк звонит в Кабул начфину армии, объясняет ситуацию, дружески беседует с ним, явно веселеет от услышанного, и передает трубку принципиальному финансисту. Офицер выслушивает то, что ему говорят по телефону, коротко отвечает: «Понял. Есть выплатить!». Генерал Романюк уже как бы по-отечески напутствует: «Ну вот. Видишь. А не хотел. Все, иди, сынок».

Все закончилось, казалось бы, благополучно, правда восторжествовала, но только на всю жизнь осталась злость на армейских финансистов, от которых во все времена страдало много порядочных военнослужащих.

Другая, на мой взгляд, вопиющая жалоба поступила от двух капитанов, командиров экипажей из эскадрильи Ми-8. Их вертолеты были сбиты над «зеленкой», но летчики смогли их посадить. Они были ранены, но выжили и были спасены другими экипажами. Офицеров в госпитале после лечения списали с летной работы, но они были вынуждены ждать приказа об откомандировании из Афганистана. Соответствующие документы долго болтались в штабах

различных инстанций, а офицеры без дела томились в жарком Кандагаре. У них сложились неприязненные отношения с командиром эскадрильи и начальником штаба эскадрильи. Командование ВВС армии за потерю двух вертолетов устроило жесткую выволочку командиру эскадрильи, а он, в свою очередь, отыгрывался на командирах экипажей, которые выскочили на «зеленку», где их и зацепили «духи». Ясно, что ребятам не хотелось такого исхода, но они попали под горячую руку. Уж больно много в этой эскадрильи было неоправданных потерь. Поэтому офицеров к наградам не представили, а в распределении военторговских дефицитных товаров им отказывали. Начальник штаба эскадрильи пытался их в различные наряды назначать, а они отказывались, ссылаясь на то, что они списаны с летной работы и ждут увольнения. От стресса, полученного в бою, утомительного ожидания увольнения офицеры озлобились. Начальник штаба эскадрильи в очередной раз за что-то стал их грубо отчитывать, тогда они бросились на него в драку. Лётчиков быстро скрутили другие офицеры, драка не состоялась, но напряженность в отношениях внутри эскадрильи сохранялась. При-

шлось говорить с командованием эскадрильи об их отношении к этим конкретным летчикам. О том, что офицеры выполняли боевую задачу, что не хотели же они, в конце концов, чтобы их сбили, а поэтому и наград они достойны, а уж про военторговские дефициты и говорить не стоит, надо выделять по советам. Заставить командира эскадрильи писать наградные на подчиненных ему летчиков я не мог, но в наряды их больше назначать не пытались и других обид тоже больше не наносили.

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ВЫЛЕТ

Летать я начал 9 октября с подполковником Олегом Валуевым. Несколько полетов по кругу и один в пилотажную зону, обязательно боевое маневрирование, а затем боевые стрельбы по невысокой горе на краю пустыни. Полеты как полеты, только высота полета по кругу не выше 50 м, а взлет и посадка только по-самолетному, т.к. превышение аэродрома 1040 м над уровнем моря, а температура окружающего воздуха + 30 градусов С. Отличная видимость, ни облачка, ни дымки, в воздухе спокойно. За охраняемой зоной видны глинобитные

постройки кишлаков с редкой зеленью, выжженная каменистая пустыня и невысокие горы с острыми вершинами. Днем я проверился, а потом еще ночью потренировался тоже по кругу и в зону. Теперь пилот готов полноценно воевать в афганском небе. 10 октября 1987 г. О.Валуеву позвонил командир отряда 205 ОВЭ майор Егоров из Шахджоя с просьбой срочно забрать от него нашего офицера. Штатный РП (Руководитель полетов) из нашего полка был временно прикомандирован к отряду для руководства полетами. Полетов мало, развлечений никаких, кроме выпивки. Подружился наш подполковник с замполитом батальона спецназа ВДВ, боевые действия которого вертолетный отряд обеспечивал. Регулярная выпивка на войне к добру не приводит, мужики крепко по пьяному делу повздорили и дошли до поножовщины. Один другого ткнул в ногу ножом, но, слава Богу, не сильно, опасности для здоровья рана не представляла. Егоров просит забрать подполковника, а то, как бы беды не было. Валуев планирует на следующий день утром парой Ми-24 слетать в Шахджой, разобраться на месте что к чему.

Утром вылетаем в Шахджой на ПМВ (предельно малая высо-

та). Летим почти фронтом, так чтобы ведущий всегда мог видеть ведомого. Высота полета 15-20 м. Параметры строя, т.е. интервал и дистанция – произвольные, главное, все видеть и успеть нанести упреждающий удар, если что. Широкая долина с возделанными полями, редкой зеленью, небольшими кишлаками. Маловодная в это время года река Тарнак и разбитая бетонная дорога вьются рядом, потом разбегаются и снова сходятся вместе. К населенным пунктам стараемся близко не подходить, к горам тоже не жмемся, т.к. вероятность того, что по тебе будут стрелять, одинаковая оттуда и отсюда. Поздняя осень, все спалило летнее солнце, пейзаж однообразно серый и в долине, и в горах. Только небо не потеряло голубой цвет, но и оно имеет блеклый вид. Все безжизненно, нигде никакого движения, кроме редких хищных птиц парящих высоко в небе. Подлетаем к Шахджою.

Река Тарнак, огибая отроги гор, за многие века вымыла в почве глубокое ложе с вертикальными стенами-обрывами. На самом дне небольшая полоса длиной метров 250 из металлических аэродромных плит, а совсем рядом, почти в её торце приводная радиостанция. В стороне от полосы на металличе-

ских площадках стоят вертолеты отряда по 4 шт. Ми-8 и Ми-24. Сначала заходит на посадку и приземляется с небольшим пробегом вертолет Валуева и сразу отруливает в сторону, затем уже я притираю свою «двадцать четвертую» на вибрирующую под колесами полосу. Отруливаю на грунт и после охлаждения выключаю двигатели. Выбираюсь из кабины, оглядываюсь. Высокие берега реки с трех сторон ограничивают обзор, а с четвертой стороны нависает гора. Мир гарнизона Шахджой оказывается очень ограниченным. Подхожу к Валуеву, обмениваемся впечатлениями от полета и посадки. Встречающий нас майор Егоров ведет к себе в глинобитную хижину. Иначе его жилище и не назовешь, т.к. оно буквально слеplено из бомботары, глины и камыша. Внутри более чем скромная обстановка: солдатская металлическая кровать, столик, несколько табуретов. Чисто, немногочисленные пожитки аккуратно разложены по самодельным полочкам и подставкам. Присаживаемся, пьем хороший чай из металлических кружек и слушаем недозвольного командира отряда. Несколько летчиков находятся в профилактическом отпуске. При вылетах на серьезные задания поднимаются в воздух

сразу все оставшиеся экипажи, а руководить полетами получается некому. Штатный РП подполковник Сергей М. оказался плохим помощником, т.к. регулярно пьет самогон с замполитом батальона, а потом с ним же и ссорится, командиру отряда подчиняться не хочет. Забирайте к себе вашего подполковника, мы уж сами как-то управимся. Пока мы беседовали с Егоровым, подошел виновник. Никаких разборок на месте проводить не стали. Валуев коротко приказал лететь с нами в Кандагар. Подполковник заметил, что на Ми-24 перевозка пассажиров запрещена. На что уже мы оба с Валуевым возмутились: пьянствовать можно, а лететь нет. Ждать почтовых вертолетов до Кандагара надо несколько дней, а такая обстановка с дисциплиной этого не позволяет. Сергей отправился к моему вертолету, по дороге поинтересовался своей судьбой. Отвечаю, что он без сомнений получит дисциплинарное взыскание и пусть готовится к разбору на партбюро и партсобрании в первичной организации.

– Я же беспартийный.

– Подполковник, 38 лет, не может быть беспартийным.

– А ты что, меня не узнаешь, мы же одноклассники по Сызранскому ВВАУЛ. Я был заме-

стителем командира полка, потом исключен из партии и снят с должности за употребление.

– Извини, не узнал. Но это мало что меняет. Отвечать все равно придется. Думаю, что из Афгана тебя отправлять не будем, если дальше пить не будешь.

– Да уж не буду больше, а то стыда не оберешься, если из Афгана откомандируете.

Летим обратно в Кандагар знакомым маршрутом. Валуев поздравляет меня с первым боевым вылетом, т.к. все полеты в Афганистане являются боевыми.

Подполковник Сергей М. получил свое взыскание, больше не пил, по итогам службы в ДРА был награжден орденом и вместе с полком благополучно вернулся на Родину.

Больше мне в Шахджое бывать не приходилось, но в памяти сохранились воспоминания об этом затерянном в Афганских горах маленьком гарнизоне. Небольшой, прилепившийся к горам военный лагерь, состоящий из крошечного вертодрома, брезентовых армейских палаток и слепленных из чего-то домиков. Из развлечений только настольные игры и книги, ну и футбол. Доставка грузов осуществлялась наземным транспортом из редко проходя-

щих конвоев, которые доставляли горючее и боеприпасы. Продовольствие и другие необходимые для жизни предметы доставлялись вертолетами только ночью. В основном такие перевозки осуществлялись на Ми-8, т.к. в высокогорных условиях они могли поднять большой по весу и габаритам груз. На огромном вертолете ночью, приземлялись на крошечную площадку, а затем, выгрузив привезенное и снова что-то приняв на борт, взлетали. Вокруг этого гарнизона было совершенно враждебно настроенное население и многочисленные вооруженные отряды душманов. Там нужно было не просто жить. Воевали, как следует и спецназ, и летчики из 205 ОВЭ, нанося большой урон «духам» и их караванам. Чем успешнее воевали наши, тем враждебнее становились окружающие.

КОЛОННА В ГОРАХ

За две-три недели я осваиваюсь в Кандагарском гарнизоне. С коллективом управления полка нахожу общий язык довольно быстро. Офицеры подобрались по большей части порядочные и добросовестные, знающие свое дело.

Сразу замечаешь людей наиболее активных в служебной деятельности и равнодушных по жизни. Я считал для себя важной и необходимой задачей летать не меньше, чем все летчики. Периодически заступал в дежурное звено. Для меня это был, в какой-то степени, отдых от основной работы, все-таки быть рядовым летчиком проще. Дежурство продолжается ровно сутки, отлучаться никуда нельзя, т.к. в любой момент может быть вылет. Утром и вечером обязательно выполняется разведывательный облет прилегающего к аэродрому района, прикрытие заходящих на посадку и взлетающих транспортных самолетов, иногда это сопровождение при эвакуации больных и раненых с постов и застав. В промежутках между вылетами спим, играем в настольные игры, чаще всего в нарды. Облет охраняемой зоны выполнялся одной парой Ми-24 в потенциально опасных секторах. Полет выполнялся при заходе солнца, при надвигающихся сумерках. Лётчики тщательно осматривали местность, прилегающую к расположению наших частей. Если обнаруживались установки с РС (реактивный снаряд), то по согласованию с ГБУ (Группа боевого управления) установки уничтожались. Иногда уничтожались

неопознанные автомашины, которые по мнению ГБУ не должны были быть в данное время в данной местности. Днем местность тщательно прочесывалась перед прилетом и вылетом и во время взлета и посадки транспортных самолетов. Ночью над аэродромом и окрестностями на высоте 1-1,5 тысяч метров барражировали вертолеты Ми-24, периодически сбрасывая САБы (Светящаяся авиационная бомба).

Однажды во время моего дежурства днем подняли в воздух пару дежурных Ми-8 и Ми-24 для эвакуации раненых бойцов. Колонна наших и афганских правительственных войск продвигалась по горным дорогам севернее Кандагара для оказания помощи осажденному моджахедами небольшому городу. Колонна продвигалась очень медленно, с непрерывными боями, поэтому периодически требовалась помощь авиации. Для меня это был один из первых полетов в горы, поэтому впечатления от него сохранились надолго. «Восьмерки» летели впереди, а мы на «Двадцать четверках» прикрывали их сзади. В долинах наш боевой порядок был развернут по фронту, т.е. все летчики видели все вертолеты, а в тесных ущельях приходилось вытягиваться в колонну,

что было опасно, особенно для замыкающего вертолета. Крайних ведомых чаще всего сбивают. Лететь нам пришлось на небольшой скорости, повторяя изгибы ущелий. Горы возвышались своими пиками высоко над нами. Жутко просто лететь среди мрачных, безжизненных гор, а осознание того, что они враждебны, увеличивали это чувство. Кое-где на господствующих вершинах гор примостились наши дозорные БМП (Боевая машина пехоты). Как они туда забирались, только им и известно. Колонна наших войск растянулась на многие километры. По каменистой дороге, идущей по дну ущелья, тянулись подразделения 70 МСБ. Как правило, впереди полз танк, затем автомобили с грузами, тягачи с пушками, БТРы с бойцами, сидящими на броне, снова грузовики. Чумазы бойцы в касках и бронежилетах радостно машут руками, приветствуя нас. Наши вертолеты выскакивают из ущелья в небольшую долину. Горы немного расступаются и становятся заметно ниже. Сюда добралась передовая часть войсковой группы. Голова колонны остановилась по причине сильного противодействия со стороны моджахедов. «Восьмерки» гасят скорость и сходу приземляются в облаках пыли, а мы на Ми-24

крутимся над ними. В центре долины, подальше от гор, стоят грузовики и автоцистерны, дымятся полевые кухни. Артиллерия выдвинута ближе к горам. Вокруг их позиции беспорядочно валяются стреляные гильзы и пустые снарядные ящики,

На связь по радио выходит авианаводчик, он просит подавить «духов», которые бьют с высот по нашим передовым бронегруппам. Прошу дать направление и координаты, по которым нужно работать. Судя по несвязанному разговору и непрофессиональной терминологии, авианаводчик не силен в наведении на цель. Кое-как находим взаимопонимание, и, сделав пристрелочный пуск ракеты, я все-таки нащупываю цели. Пролетаю над головами мотострелков, задираю нос вертолета, дважды жму боевую кнопку. Сходят четыре ракеты, через несколько секунд на отрогах гор появляются облака дыма от разрывов ракет.

«Отлично, еще давай!» – кричит авианаводчик.

Отворачиваю от цели, захожу на повторный заход. По разрывам моих ракет работает ведомый. Два-три залпа и отворот. Снова моя очередь. Перекрестье прицела навожу на клубы разрывов от ракет ведомого, нажимаю боевую кнопку,

бурные шлейфы от ракет быстро несутся к цели. Разрывы в горах. Радостно кричит по радио неведомый авианаводчик: «Спасибо, мужики! Спасибо! Ай, молодцы!». На душе становится как-то тепло. Помогли пехоте, которой так трудно приходится в этих мрачных горах. Восьмерки закончили погрузку раненых и больных, бортовые техники задвинули входные люки – двери. Оба вертолета одновременно взлетают и плавно разгоняются еще до входа в ущелье. Пристраиваемся за ними и летим по обратному маршруту. По ущельям без движения стоят те же танки, БТР, БМП, грузовики. Так же машут руками чумазы пацаны в замызганных бушлатах и обшарпанных касках. Мы, вертолетчики, сегодня выполнили свою работу. Прилетим домой, отдохнем, примем душ, будем спать в чистой постели. Пацаны, сынки наши по возрасту, вместе со своими взводными и ротными, которые чуть постарше их, еще долго будут спать на холодной броне, решетках двигателей, махать рукой вертолетам. Да, братцы, ваша война потяжелее нашей будет.

СВОБОДНАЯ ОХОТА

Летал я, по большей части в эскадрильи подполковника Виктора Андреева, который сам летал много и успешно. Он и командир эскадрильи Ми-8 подполковник Владимир Купрышкин усовершенствовали методику свободного поиска и уничтожения целей ночью (Свободная охота). Ми-8, имеющий отличный обзор и три пары «глаз», летел впереди и искал цели. При обнаружении противника обозначал цель, пустив по ней несколько НАР, а ведомый на Ми-24 по их разрывам отправлял тяжелые ракеты С-24. Начальник разведки периодически докладывал об итогах ночных вылетов, в результате которых достигался неплохой результат в уничтожении живой силы и техники моджахедов.

Андреев предложил мне поработать вместе с ним парой на Ми-24. Виктор Терентьевич рассказывает об особенностях и тонкостях ночной свободной охоты. Мне интересно, я соглашусь. Для этой работы на вертолет подвешивались специальные балки для ракет С-24. Четыре ракеты по 250 кг каждая, да еще с радиовзрывателями,

срабатывающими на высоте 15 м, – это грозная сила.

Мы взлетали безлунной ночью без бортовых огней и проблесковых маяков, оставляя включенными строевые огни на хвостовой балке, которые можно было увидеть только сверху. Ведомый летел с превышением над ведущим на 300 м, все время имея того в поле зрения. Ночи в Афганистане очень темные, земля не просматривается, огней нет даже и в населенных пунктах. Небо очень чистое, ни облачка на нем, ни малейшей дымки. Звезды кажутся огромными и очень близкими. Набираем высоту, отворачиваем от аэродрома и сразу оказываемся в мире, кажущимся фантастически нереальным. Видно только приборную доску с красной подсветкой, а ниже в черной бездне тусклые строевые огоньки на хвостовой балке ведущего. Летим. В эфире абсолютная тишина, в экипаже переговариваемся скупыми фразами. Высота над уровнем моря довольно большая, кислорода маловато. Нехватка ощущается острее, если наклонишься вперед для включения бортового вооружения и снова распрямишься. На Ми-24 главный выключатель оружия неудобно расположен в нижней части кабины у самих ног. Экипировка летчика, опи-

санная ранее, и привязные ремни, стесняющие грудную клетку, усложняют дыхание. Наклонился, включил тумблер, распрямился, приходится восстанавливать дыхание. Вертолету тоже неудобно на больших высотах, т.к. лопастям недостает подъемной силы из-за разреженности. Пльваем на скорости 150 км/час, внизу ничего не видно, поэтому скорость воспринимается только по приборам. Никаких воздушных потоков, вертолет размеренно молотит лопастями черноту, на приборной доске не дрогнет ни одна стрелка.

Ведущий обнаруживает на земле источник искусственного света, что означает автомашину или трактор. На специальной частоте радиостанции запрашивает у ГБУ (Группа боевого управления) разрешение на уничтожение цели. Разрешение получаем быстро.

«Работаем!». Видно по строевым огням, что он пикирует. Чернота ночи озаряется двумя сильными вспышками. Две тяжелых ракеты уходят с пилонов вертолета ведущего.

Андреев командует по радио: «Отворот, теперь бейте вы!».

На земле что-то сильно горит. Пикирую, перекрестье прицела направляю на огонь. Нажимаю большим пальцем кнопку пуска ракет. Вертолет ощутимо кач-

нуло, яркий свет от двигателя ракеты бьет по глазам. Непроизвольно прищуриваюсь и еще раз нажимаю пусковую кнопку, качнуло в другую сторону. Снова яркая вспышка, пошла вторая ракета. Вертолет начинает неприятно трясти от нарастающей скорости пикирования. Тяну ручку на себя, вертолет медленно поднимает нос и нехотя выходит из пикирования. Восстанавливаю режим горизонтального полета. Выполняю разворот на 180 градусов, 30 секунд лечу по прямой, еще разворот. Андреев сообщает: «Работаю по огням!». Снова пускает поочередно две ракеты. Доклад: «Работу закончил. Теперь – вы!».

На земле несколько крупных и мелких очагов горения. Горит серьезно. Повторяю заход, пускаю две ракеты, отворот. При скорости всего 180 км/час вертолет изрядно трясет и водит из стороны в стороны. Вытягиваю из пикирования. Вместе со штурманом находим огоньки ведущего, пристраиваемся. Докладываю о завершении работы и занятии места в боевом порядке. Андреев в азарте боя снова пикирует и очередями стреляет из пушки, я повторяю действия ведущего. Полностью израсходовав боекомплект, возвращаемся на аэродром. Заходим на посадку, садимся по-са-

молетному, чтобы не насиловать двигателя, рулим на стоянку, где нас встречают техники. Каждый спрашивает о своем: «Командир, какие замечания?». Техника отличная, замечания бывают только мелкие и то редко. Оружейники очень довольны, не надо снимать с пилонов тяжелые ракеты. На земле идем навстречу с экипажем ведущего и вместе обсуждаем результаты вылета. Уточняем некоторые промашки во взаимодействии, дабы не повторять их впоследствии, а потом едем отдыхать.

Мне не спится. В памяти возникает чернота афганской ночи, тусклые огни ведущего, яркий огонь чего-то горящего на земле. Встаю, одеваюсь, стучусь в комнату к заместителю – Владимиру Петровичу Березкину, зову его к себе. Достая дежурную фляжку спирта, разливаю по стопкам. Березкин, видимо, удивлен моим поведением. Немного выпили с ним, чем-то закусили. Рассказываю о полете, делюсь впечатлениями. Нелетающему Березкину очень интересно, он внимательно выслушивает, что-то переспрашивает. Дальше третьей чарки продолжать не стали, разошлись по комнатам. После спирта я все-таки уснул.

По данным разведки, в указанных нами координатах по-

том ничего не обнаружили, никаких остатков или следов горения. Удивлению наших экипажей не было предела.

ФАРАХРУД

Регистан

Виктор Терентьевич не пропускал возможность слетать на интересную боевую работу. Нужно было перегнать в Фарахруд, ближе к границе, два вертолета Ми-24, у которых подошел срок капитального ремонта. В Союз их должны были перегнать уже другие экипажи. В Фарахруде нужно забрать два других вертолета и на них вернуться в Кандагар. Андреев предложил мне вместе с ним вы-

полнить этот перегон, побывать на других аэродромах Афганистана, увидеть другие районы. Мы с ним вылетели рано утром на предельно малой высоте через пустыню. Мне впервые довелось увидеть Регистан во всей его первозданной красоте. Под-

ниматься выше 20-30 м нельзя, поэтому летим, огибая рельеф, наблюдая впереди только ограниченное пространство. Песчаные гряды высотой 30-40 м. желтого с красным оттенком цвета. Как правило, одна часть гряды является пологой, а другая обрывистой, с заостренными верхними краями. Рельеф

пустыни неоднородный, состоящий из вздыбленных гряд и барханов, и довольно протяженных долин. Несешься над красными песками, возникает под тобой крутой провал в долину, ручку управления отжимаешь от себя, пикируешь, и вот барханы уже сверху нависают над нашей парой вертолетов.

Осенью пустыня оживает, в ней собираются кочевники, перебираясь сюда с горных паст-

бищ Пакистанских гор. В горах становится холодно, а в пустыне и зимой положительные температуры. Сверху хорошо видны стойбища кочевников. Заборы из верблюжьей колючки, внутри стойбищ установлены шатры из черных овечьих шкур. Овцы при

приближении наших вертолетов, пугаясь рёва двигателей, бегут и сбиваются в тесную кучу вокруг пастуха. Верблюжью колючку свозят к стойбищам на ручных тележках, реже на тракторах с прицепом. В долинах кое-где расположены системы для сбора дождевой воды. Они представляют собой круг с колодцем в центре, уходящим под землю, к нему сходятся в виде лучей каналы. Ранним утром в песках встречаются небольшие караваны верблюдов с разноцветными тюками на спине. Иногда замечаешь одинокого путника, бредущего по песку с посохом на плече. На многие десятки километров нет жилья, воды, а он невозмутимо куда-то шагает, не обращая внимания на пролетающие над головой вертолеты.

После вылета экипажи подполковников В. Андреева и В. Фролкина

На подлёте к Лашкаргаху та же пустыня, только барханы как бы приседают, становятся ниже, а затем переходят в каменистую долину реки Гильменд. Вокруг аэродромной зоны разбросаны посты боевого охранения. Они имеют удручающий

вид. Покосившиеся столбы с колючей проволокой, сооружение из глины и камыша, выгоревшая до белизны палатка. За бруствером из мешков с песком притулилась обшарпанная БМП (боевая машина пехоты) или пушка. Рядом ни деревца, ни кустика, они не выживают без воды в этом песчаном пекле. Видимо, в таких адских условиях может выжить только советский солдат.

Аэродром представляет из себя взлетно-посадочную полосу длиной около 500 м. с ответвляющимися, рулежными дорожками и стоянками вертолетов. Всё эта система состоит из металлических аэродромных плит. Приземляемся на вибрирующую под колесами полосу, отруливаем на свободные стоянки-пятаки, выключаем двигатели. Бортовые техники осматривают вертолет, заправляют топливом из подъехавшего топливозаправщика. Подходят местные авиационные специалисты. Все происходит очень оперативно, так бывает только на аэродромах, где сильные авиационные командиры, знающие на собственном опыте, как важно качественно и своевременно встретить и обеспечить перелетающие экипажи. Точно так и оказалось, к нам подходит командир 205

Перевозка колючки

Дашти Марго

ОВЭ подполковник Сергей Косенков. Мы с ним служили в Белоруссии в одной эскадрилье,

он был заместителем командира, а я замполитом. Комэск очень худой, в совершенно выгоревшем пятнистом комбинезоне, с пистолетом – автоматом Стечкина в кобуре, висящей на ремешке через плечо. Обнимаемся, взаимно интересуемся

Дорога Лашкаргах – Фарахруд

здоровьем и делами. Сергей ворчун, он ругается всегда и на все подряд: «Духи обнагтели, караваны прут из Пакистана чуть ли не белым днем. Командование в Кабуле ведет с ними какие-то переговоры. Все равно обманут, оружия натаскают, будут нас бить. Потом нам опять много работать, разгрести этот бардак. Вот недавно, при проле-

те через вполне мирную зеленку, по вертолету замполита из гранатомета долбанули. Крыло все разворотили, техникам на три дня клёпальных работ, да еще от командующего авиацией попало, что летаем не так как надо. А как надо, если от спецназа постоянно требуют результат, а без нас какой он может быть? Вы когда дальше полетите на Фарахруд, к горам не приближайтесь, идите все время над самой дорогой, там кое-где блок-посты наши стоят. Когда все-таки по ущелью пойдете, включайте отстрел АСО».

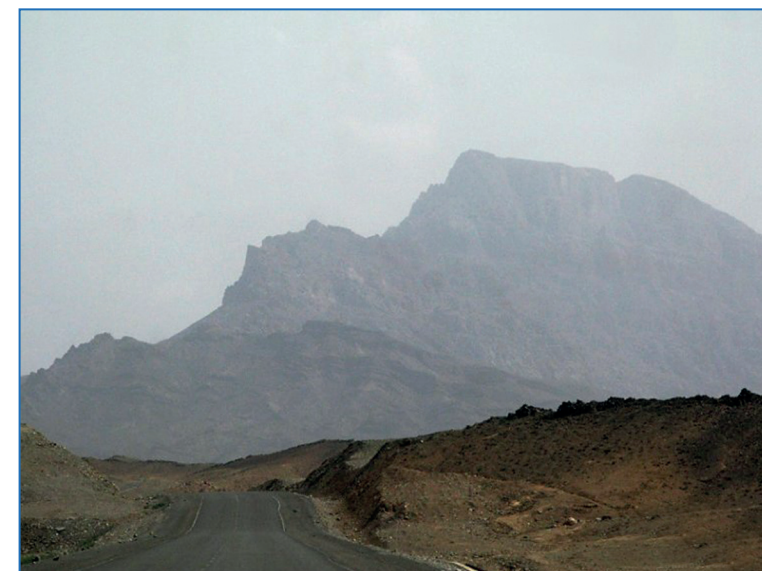
Мы поблагодарили Косенкова за оперативное обслуживание и подсказки и полетели дальше на северо-запад. В стороне от маршрута нашего полета на расстоянии двух-трех километров видим город Лашкаргах, утопающий в зелени, с древними мечетями и дворцами. Особенно не насмотришься, высота предельно малая, к зеленым зонам приближаться опасно. Летим почти все время

вдоль автодороги. Река Гильменд является границей между пустынями Регистан и Дашти Марго. После Лашкаргаха летим над Дашти Марго. Вид меняется совершенно. Равнинная местность, изрытая расщелинами и оврагами, промытыми водой. Кое-где видны каменные развалы и невысокие горы. Поверхность пустыни щебнистая, серого, временами почти черного цвета, редкие кусты и кусты полыни. Воды нет, нет и жизни. Не зря Дашти-Марго зовут пустыней смерти.

Пока дорога шла по равнинной местности, ничто не удивляло, кроме безлюдья. Изредка увидишь грузовую автомашину с высокими бортами, загруженную доверху мешками и тюками. Небольшие глинобитные постройки, встречающиеся у дороги, обязательно разрушены.

Дорога приближалась к невысокой каменной гряде. Горы островерхие, не разрушенные временем и непогодой как грозные часовые встают по

сторонам. С учетом отличной видимости, яркого солнца и окружающего безлюдья, вполне марсианский пейзаж. При дальнейшем углублении в горы поражает большое количество разбитой и сгоревшей техники по обеим сторонам автодороги.

Окрестности Фарахруда

Много сгоревших автоцистерн, простых грузовиков, немало и боевой техники – остовов БТР и БМП, иногда сгоревший танк с отлетевшей в сторону башней. От такого зрелища холодеет внутри, а указательный палец правой руки замирает у боевой кнопки. Это сколько же мужиков наших с техникой вместе полегло?

Через ущелье, слава Богу, проскакиваем быстро и вновь летим по долине подалее от мрачных гор. Подходим к аэродрому, связываемся с руководителем полетов, получаем метеоданные для посадки. Превышение ВПП над уровнем моря небольшое, ветер 3-4 м/с, нормальная температура окружающего воздуха позволяют выполнить посадку по-вертолетному, т.е. без пробега, что для Афганистана редкость.

Река фарах Руд

Фарахруд приятно удивил. Очень красивая местность. Широкая и довольно зеленая долина реки Фарах Руд окаймлена невысокими зубчатыми горами. Горы не нависают над головой и не подавляют. По сравнению

с Кандагаром и особенно с Лашкаргахом здесь прохладно, ветер с гор приносит в долину свежесть. Река, протекающая совсем рядом с аэродромом, очень быстрая с чистой, голубоватой на вид, водой. Она довольно широкая, но в октябре еще мелкая и каменистая с многочисленными порогами. Лётчики живут, по афганским меркам, роскошно. Двухэтажные кемпинги с водопроводом и канализацией. К ним примыкают крошечные

садики-оазисы с местными экзотическими растениями в виде небольших пальм и кустов вечно цветущих магнолий. В свое время кемпинги, как и дорогу, строили американцы. Наши садоводы-любители, главным образом технари, не изощряются особо и просто выращивают редис и зеленый лук. Для

скудного афганского пайка эти овощи – хорошее подспорье. А еще мужики бегают на речку и ловят рыбу. Говорят, что это не опасное предприятие, да и вообще их район очень спокойный в плане боевой обстановки. На

этом «курорте» справедливый комэск Косенков долго отдыхать не дает: 2-3 месяца здесь, а потом замена в Шахджой или Лашкаргах.

Наши бортовые техники передают вертолеты, которые мы пригнали и наоборот, принимают те, которые забираем для перегона в Кандагар. Нам пока устраивают поход на речку, угощают чаем. Долго задерживаться нам не с руки. Торопимся домой, как ни странно звучит: «Домой». Это Кандагар-то для нас дом? Да какие сомнения, там наши крохотные комнаты с солдатской кроватью, на стене фотографии наших жен и детишек, там наши товарищи. Значит все-таки Дом. На войне и окоп, и блок-пост с дырявой палаткой становятся домом.

Традиционно осматриваем вертолеты, на которых полетим по обратному маршруту. Ставим подпись в бортовом журнале и забираемся в раскаленную солнцем кабину. Хороший бортовой техник до вылета накидывает на фонарь кабины чехол, органы управления прикрывает чистой влажной тряпкой. Так все-таки будет легче командировать. На запуск двигателей и подготовку оборудования кабины уходит до 10-12 минут, изжариться можно. Ну вот, все готово, включаешь кондицио-

нер, закрываешь свою кабину, летчик-оператор захлопывает свой люк, бортовой техник, обжав кругом аппарат, показывает большой палец и, забравшись в свою кабину, захлопывает большой люк. В вертолете становится прохладно. Выруливаем на ВПП, взлетаем и по знакомому маршруту возвращаемся в Лашкаргах. Снова заправка, осмотры, короткая подготовка к повторному вылету. Но вот уже и сумерки. Андреев торопится рвануть снова на предельно-малой высоте через пустыню, но Косенков категорически возражает: «Ночь наступает очень быстро, взлететь не успеете, наступит кромешная темень. Давайте спокойно поужинаем, а потом на эшелоне пойдете в Кандагар».

Андреев недолго раздумывает, связывается по телефону с Кандагарским КП, договаривается не просто лететь, а выполнить разведку по маршруту. Я во всех боевых делах с уважением слушаю Виктора Терентьевича, он опытный, дело свое знает. Немного отдыхаем у Косенкова, скромно ужинаем, благодарим за гостеприимство и взлетаем в черноту афганской ночи.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ АЭРОДРОМ

Летим вдоль южных отрогов гор, справа от нашего маршрута долина реки Гильменд и автодорога Лашкаргах – Кандагар. Ночь безлунная, на земле не просматриваются никакие ориентиры. Высота полета 2500-3000 м над уровнем моря, приборная скорость полета не более 180 км/ час, иначе вертолет начинает трясти из-за разреженности воздуха. Внимательно наблюдаю за строевыми огнями ведущего – для нас это главный ориентир в окружающей со всех сторон темноте. Небо с яркими звездами накрывает наши медленно плывущие винтокрылые машины куполом с краями, опускающимися к невидимому горизонту. Размеренный гул двигателей не успокаивает и не усыпляет. Мы сегодня много летали, почти не отдыхали, но в сон не тянет, т.к. присутствует ощущение постоянной опасности.

В ночной тишине в наушниках шлема неожиданно раздается голос ведущего: «Внимание! Наблюдайте на земле впереди по курсу!». Мы уже и сами увидели совершенно неожидан-

ную картину. На земле по курсу нашего полета вдруг засветилась яркими электрическими огнями посадочная площадка небольшого размера, имеющая огни направления, показывающие посадочный и взлетный створ и обозначающие границы площадки. Огни загорелись, побежала зеленая бегущая волна, но меньше чем через минуту все погасло. Сразу после этого по нам начали стрелять из крупнокалиберного пулемета. Хорошо видимые светящиеся трассы прошли недалеко от нас, но стреляли явно не прицельно, на гул двигателей. Огрызаться нам было особо нечем, не пикировать же с этой высоты для пуска обычных неуправляемых реактивных снарядов. Наши штурманы зафиксировали координаты, ведущий доложил о неопознанной площадке на КП Кандагара. Стрелять с земли перестали, и мы благополучно прилетели на свой аэродром.

На следующий день на совещании обсудили тему ночного горного аэродрома. Оказывается, этот мобильный аэродром, вернее площадку, видели и другие летчики, выполняющие так называемые почтовые рейсы ночью. Кроме того, несколько раз в лунные ночи встречались наши летчики с чужими бортами. Вертолеты Ми-8 без борто-

вых огней при встрече уходили в горы. Если наши пытались их преследовать, то по ним с земли открывался огонь.

На совещании родилась задумка открыть охоту за чужими вертолетами, которые летали из Пакистана в Афганские горы через пустыню в лунные ночи. Инициаторами, как всегда, выступили командиры эскадрилий В. Андреев и В.Купрышкин. Они продумали схему полетов и стали периодически летать в тех районах, где чаще всего встречались неопознанные вертолеты. Работали в режиме радиомолчания, используя систему нажатия на кнопку радио, при котором в эфире слышны только щелчки. Примерно так: один щелчок означал «внимание», два – «вижу цель», три – «атака» и т.д.

Эта система поиска противника результатов не давала, т.к. ни место, ни время чужих полетов не были известны. Андреев В.Т. ранее служил в знаменитом вертолетном полку им. В.И. Ленина в приморье. Оказалось, новаторы всего нового на Д.Востоке Вячеслав Магомедович Арчegov и Вячеслав Макарович Олейник разработали инструкцию по боевому применению по воздушным целям ракет Р-60. Инженеры установили на вертолет В.Андреева оборудование для подвески и

пуска Р-60. Вылеты стали проводиться только из дежурного положения. Если локаторы замечали постороннюю метку на экране, пара поднималась в воздух. Однажды наши летчики все-таки сошлись с чужим вертолетом нос к носу, но ракета не была еще готова к пуску и не захватила цель, пуск не выполнили. Попытка преследования закончилась у ближайших гор, откуда по нашим бортам открыли буквально шквальный огонь из ЗГУ. Операция была на этом завершена. Летчики приобрели некоторый опыт борьбы с малоскоростными целями. Кроме того, чужаков больше не встречали. Через много лет В.М. Арчegov рассказал мне об истории первых исследований и успешных учебных применениях ракеты Р-60 с вертолета Ми-24 на Д.Востоке.

ПОЛИТРАБОТА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

Хорошо быть рядовым летчиком, знай свое дело, летай нормально, других не подставляй. Авиационный политработник должен летать, как минимум, хорошо. Будешь летать отлично, летчики зауважают. Но этого все равно мало.

Главной задачей начальника политического отдела – заместителя командира полка по политической части в боевых условиях являлось: руководство партийными организациями полка, частей обеспечения и других частей, находящихся на партийном обеспечении политотдела. Нужно руководить политической работой со всеми категориями военнослужащих, служащих СА и гражданского персонала. Партийные и комсомольские собрания проводились не реже, чем в мирное время. Представления к боевым наградам проходили через партийную или комсомольскую организацию. Надо сказать, что иногда мнение партийной организации не совпадало с мнением командира, представляющего офицера к награде. Это было очень редко, но все-таки было.

В боевой обстановке некоторые формы политической работы разрешалось упрощать. Вместо марксистско-ленинской подготовки и политзанятий проводилось боевое информирование. Количество и время занятий сокращалось в 2-3 раза. В войсках, прямо скажем, очень не любили любые формы занятий, а догмы политической подготовки, всю службу вбиваемые в головы, тем более. Но для того и поставлен политработник,

чтобы проводить в армии линию партии. Я и выполнял эту работу, как требовала партия. Занятия должны проводиться качественно и интересно. Для этого руководители групп сами должны быть подготовлены хорошо. Мой политотдел провел сборы с руководителями всех уровней с привлечением на них, как минимум, заместителей командиров частей и подразделений. Не требовалось ни от кого внушать заученные догмы, но то, что происходит в Советском Союзе, т.е. на далекой Родине, о важнейших событиях в мире, о военно-политической обстановке в Афганистане нужно знать. О том, что происходит в других наших гарнизонах, расположенных в Афганистане и о подвигах наших солдат и офицеров – нужно знать. Если не шевелить людей, не отмечать заслуги, праздники, не давать возможность развлекаться, проводить спортивные мероприятия люди тупеют и дуреют. Они тогда сами ищут развлечений в виде алкоголя, наркотиков, неуставных отношений и т.д.

Части и подразделения работали круглосуточно и очень напряженно. Никаких выходных на войне не положено. В этих условиях важнейшую роль должна выполнять индивидуальная политическая работа,

которую политотдел организовывал через эскадрильи и роты. Офицеры политотдела не имеют подчиненных, не летают, не ходят в караул, а поэтому нагрузку индивидуальной работы в подразделениях они должны разделять с другими политработниками. Заставил их ежедневно бывать в ротах, взводах, на отдельных точках, а именно, на локаторах, пеленгаторах, постах. Мы должны работать в массах. Вперед, товарищи офицеры, в Шахджой, Фарах, Лашкаргах. С почтовыми вертолетами офицеры летали в расположение вертолетных отрядов 205 ОБЭ, где проводили занятия, политинформации, участвовали в партийных и комсомольских собраниях. Я сам тоже старался каждый день где-то побывать, поговорить по душам, узнать проблемы, и, если мог, решать их по мере возможности сразу. Оживилась работа с выпуском радиогазет, поздравлениями военнослужащих с их личными радостными событиями. Стенгазеты, боевые листки выпускались везде регулярно, качественно и без особого понуждения. Каждому приятно получить поздравление с днем рождения, с государственной наградой.

В авиационном гарнизоне был отличный клуб офицеров, приблизительно на 400-500 по-

садочных мест. Один раз в неделю там проводились вечера отдыха в виде танцев под магнитофон, либо под музыку собственных музыкальных ансамблей. Периодически демонстрировались художественные фильмы, конечно, не самые новые. Клуб пользовался большой популярностью среди всех категорий военнослужащих и гражданского персонала. Как-то ко мне подошли девушки, служащие СА из ОБАТО и очень любезно, даже как-то жалобно, как умеют только девушки, попросили разрешить танцы три раза в неделю, или хотя бы два раза. Я вызвал начальника клуба старшего лейтенанта Виктора Куделькина и поинтересовался возможностью проводить танцы чаще. Он не менее жалобно, чем девушки, начал ссылаться на то, что потом зал нужно убирать от мусора, мыть пол, расставлять кресла, а солдат для этого давать не хотят. Куделькину танцы не нужны, также как не нужны и все остальные мероприятия, хлопотно все это. Тем не менее, отдаю распоряжение проводить танцы три раза в неделю, но заканчивать их не позднее 23.00. Девчонки радостно визжат, кричат спасибо, а начальник клуба недоволен ворчит, однако спорить боится.

Всего в нашем гарнизоне 2200 человек. В такой массе людей всегда немало талантов. Есть они и у нас. Готовим и проводим на высоком художественном уровне концерты самодеятельности, конкурс афганской песни. Два замечательных барда Гена Чекалдин и Дима Шуба, выступая на концертах и песенных конкурсах, завоевали любовь у всего нашего маленького, очень ограниченного колючей проволокой контингента.

Изредка в Кандагарский, отдаленный даже по афганским меркам, гарнизон прилетают из Советского Союза артисты, обычно эстрадные музыканты. Прилетают они на наш аэродром, знает об этом в первую очередь наш КП, а значит и я. Всегда в таких случаях все мои дела откладываются, мчусь на аэродром, встречаю артистов и убеждаю их остаться у нас. Так удалось получить концерт Николая Гнатюка, да не один, а три, так чтобы посмотрело как можно больше людей. Николаю очень понравилось наше гостеприимство и дружелюбие, он пробыл у нас двое суток. Вечером после концерта мы, т.е. командование полка и Гнатюк, вместе поужинали, немного выпили и поговорили о разном. Нас интересовало все о его жизни, концертах, жизни музыкальной элиты.

Концерты Гнатюка прошли на ура. Песни «Малиновый звон» и «Танец на барабане» народ готов был слушать многократно, а когда ребята из ВИА спели песню «Боевым награждается орденом», люди дружно поднялись и аплодировали стоя. Кроме Гнатюка мы привечали и всех, менее известных, музыкантов. Людям необходимо отвлекаться от суровых дел войны.

Горжусь организацией политической работы в нашем гарнизоне. Много лет спустя считаю, что это было очень нужным делом, никто из сослуживцев во все последующие годы не сказал, что это не так. Очень требовательно я относился к себе во всем: в подготовке и выполнении полетов, внешнем виде, поведении в быту. Этого требовал и от своих подчиненных политработников. Никого из них не могу упрекнуть в неблагоприятных поступках. Мне удалось убедить их, а где-то и принудить работать много и хорошо.

В конце ноября 1987 г. из Кабула к нам прилетел заместитель начальника политотдела ВВС 40 ОА полковник Жиренкин Владислав Алексеевич. Целью визита называлось в те времена, так называемое, оказание помощи. Мы с заместителем Березкиным В.П. начальника встретили, разместили, доложили обстановку.

Он был приятно удивлен организацией политической работы, тем, что у нас проводится информирование в боевой обстановке со всеми категориями военнослужащих и служащих СА и даже проведены сборы руководителей групп. Нам было что показать. Все штатные политработники ежедневно представляли план на день, получали задачу, докладывали о проделанной работе за предыдущий день. Политическая работа, проводимая политотделом непосредственно в подчиненных частях и подразделениях, была наиболее результативной и позволяла мне хорошо владеть обстановкой. Партийные и комсомольские собрания в первичных организациях проводились даже чаще, чем в мирное время, т.к. на них кроме основных плановых вопросов повестки рассматривались представления к государственным наградам.

Клуб офицеров стал вполне популярным в гарнизоне местом проведения организованного досуга. Пользовалась большим спросом библиотека, которая постоянно пополнялась книгами, подаренными военнослужащими и служащими.

На совещании в политотделе Владислав Алексеевич рассказал нам об обстановке в Армии и в авиационных частях, которые

он регулярно посещал. Потом он стал вмешиваться в совещание, иногда перебивал меня и давал свои указания. Меня это задело, и я предложил полковнику садиться на мой стул и руководить самому политотделом. Жиренкин доброжелательно и спокойно отнесся к моей ершистости и, хотя и не сразу, но перестал вмешиваться в мою работу с подчиненными.

Вечером мы сходили с ним в баню, попарились, отдохнули, попили чаю. Владислав Алексеевич намекнул, что можно бы чего и покрепче. Посидели у меня в комнате вдвоем, немного выпили разведенного спирта, поговорили на разные темы, главным образом, о проблемах нашего гарнизона. Мне приходилось себя держать в строгих рамках, нельзя расслабляться в условиях, когда снят за пьянство командир, нет лада между собой у заместителей. К аскетическому образу жизни тоже привыкаешь, но расслабляться хоть иногда надо. Владислав Алексеевич мне в этом вопросе немного помог и поддержал морально. Впоследствии у нас сложились очень добрые отношения, Владислав Алексеевич периодически прилетал к нам в гарнизон, помогал и поддерживал, чем мог.

ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

Вописании политической работы в боевых условиях есть отдельная тема о проведении партийных собраний, на которых обсуждались представления к наградам. Эти обсуждения не были пустой формальностью, на них коммунисты и комсомольцы принципиально подходили к заслугам своих товарищей. Партийные организации оказывали большое влияние на морально-психологическую обстановку в воинском коллективе и на воинскую дисциплину. Офицеры говорили в глаза правду товарищам-коммунистам, совершающим неблагоприятные поступки. Часто проявляли снисхождение к бытовым проступкам, но жестко реагировали на служебные.

Мне довелось самому присутствовать на партийном собрании, где рассматривалось представление к награждению орденом «Боевого Красного знамени» командира звена. Подчиненное ему звено и он сам участвовали в тяжелом бою в районе Шахджоя. Результатом боя было полное уничтожение хорошо подготовленной группы душманов, сопровождавшей

караван с оружием. Вертолет командира получил боевые повреждения, а летчик-оператор получил ранение.

В ходе обсуждения представления к награде выясняется, что все было не так просто. Группа спецназа, высаженная накануне с вертолетов на вероятном пути каравана, ночью вступила в бой с душманами. Караван был частично разгромлен, автомашины сожжены, враги уничтожены. Как потом оказалось, не все. Старший группы старший лейтенант Олег Онищук доложил по радиостанции об удачных итогах ночного боя и попросил, чтобы утром прилетели вертолеты для авиационной поддержки и забора группы. Рассчитывая, что с рассветом прилетят вертолеты, офицер оставил в засаде пулеметчика и военного переводчика младшего лейтенанта-двухгодичника. Сам он с бойцами пошел к месту боя с тем, чтобы собрать трофеи. На месте ночного боя их ждала засада. Бой был коротким и жестоким. У спецназа было мало боеприпасов, т.к. они шли налегке, рассчитывая вынести больше трофеев, и понадеялись на вертолеты. Вертолетов все не было. Бойцы погибли все, командир отстреливался до последнего патрона, а потом подорвал себя гранатой, что-

бы не попасть в плен живым. Духи издевались над убитым старшим лейтенантом изошренно. Его тело кромсали ножами, вспороли живот, отрезали половые органы. Вертолеты прилетели, когда все было кончено. Остались в живых переводчик и сержант-пулеметчик, которые были в засаде и в утреннем бою не участвовали. Вертолеты сходу вступили в бой, высадили другую группу спецназа, которая завершила уничтожение банды. Группу спецназа возглавил капитан Ярослав Горошко, который за этот тяжелый бой 5 мая 1988 г. впоследствии получил звание Героя Советского Союза. Старший лейтенант Олег Онищук тем же указом получил это звание посмертно.

Возник вопрос: почему опоздали вертолеты? Оказывается, у одного из вертолетов не запускался двигатель. Старший группы – командир звена, зная обстановку с группой спецназа, не принял решительных мер к срочному вылету, замене неисправного борта или вылете сокращенным составом. В гибели группы была его косвенная вина. Коммунисты большинством голосов не поддержали представление, т.к. этот командир не организовал должным образом вылет вертолетов на поддержку группы спецназа.

ДИСЦИПЛИНА И ЕСТЬ ДИСЦИПЛИНА

Заслугой командования гарнизона, в т.ч. политотдела являлась крепкая воинская дисциплина. У нас не было воинских преступлений. Грубые нарушения были, но немногочисленные, связанные с употреблением спиртных напитков. Иногда эти нарушения приводили к неадекватному поведению отдельных военнослужащих. Мы не потеряли ни одного военного или гражданского человека из-за слабой дисциплины. Держать в руках воинскую дисциплину в рамках ограниченного пространством гарнизона было не слишком сложно. В этом вопросе проблема была только в недисциплинированности самого начальника гарнизона – командира полка подполковника И.Халитова. Заместители, кроме зама по ИАС, тоже перестали заниматься порядком, а отдельные из них и сами грешили, т.к. были бесконтрольны в личном поведении.

Где-то в ноябре 1987 года к нам прилетел представитель генерального штаба по авиации в Афганистане генерал-лейтенант Сафронов.

Командир полка его не встретил, т.к. был, как обычно, пьян. На следующий день утром генерал смог увидеть командира, не успевшего прийти в себя от многодневной пьянки, не способного доложить об обстановке в регионе и о состоянии дел в полку. За 2-3 часа пребывания в гарнизоне опытный генерал все понял. Он материл Халитова жестко и очень образно, задевая национальные чувства. Не гарантирую дословность, но смысл был таков: «Нормальному командиру не только пьянствовать и блудить с бабами, но и спать некогда. А ты что творишь? Алиев-хан, Кунаев-хан и ты, Халитов, тоже хан. Все пропили и разворовали страну, мать вашу!». В то время горбачевская перестройка вывернула наружу все проблемы национальных окраин. Притчей во языцех стало руководство республик, где процветало кумовство, приписки и крупные хищения. Руководителями в них были Кунаев и Алиев. Генерал приказал вступить в командование полком О.Валуеву. Он дал Халитову полчаса на сборы и увез его с собой в Кабул. Перед вылетом высокий начальник и меня крепко отчитал за недостаточное воздействие на командира.

Дисциплину в боевой обстановке нужно было поддерживать всеми доступными методами, иначе жди небоевых потерь. Это понимали все командиры эскадрилий и других подразделений, они её и поддерживали. Но с некоторыми начальниками возникали серьезные проблемы. Приведу несколько характерных случаев, в которых пьяные выходки приводили к последствиям, граничащим с ЧП.:

В один из вечеров ко мне в комнату прибыл комендант гарнизона майор Александр Атливанник. Доложил, что два подполковника сильно избивали двух сверхсрочников, проходящих службу в маленькой части – ПАРМ (Полевая авиаремонтная мастерская). Старшие офицеры на увещевания коменданта не обращают внимания. Они грозят жесткими карами сверхсрочникам. Те же, в свою очередь, требуют оградить их от разбушевавшихся командиров. Вместе с комендантом иду разбираться.

Два подполковника отдыхают с подругами в бане, все в изрядном подпитии. Невзирая на протесты, я решительно выгоняю женщин из помещения, а с начальниками пытаюсь спокойно поговорить. Оба являются командирами частей, говорить с ними трудно. Выясняю суть

происходящего. Сверхсрочники являются нештатными банщиками, в Афганистане находятся более трех лет, все время при бане. Баня самая лучшая в гарнизоне, чистая, аккуратная, обшитая изнутри строганными досками. Бассейн облицован красивой кафельной плиткой с изображением русалок. Отличная парилка, душ, комната отдыха и бильярдная. В такой обстановке живут два воина – интернационалиста, льготы зарабатывают, денежки копят, наверное и награды получают. В этой бане различное начальство частенько отдыхает, кое-что на столе всегда остается. Вот и в этот раз все шло хорошо, пока командиры не отлучились на какое-то время за дополнительным спиртным. Ночью спиртное не сразу удалось найти, поэтому офицеры замешкались, а дамы, завернутые только в простыни, остались без присмотра. Банщики, оценив обстановку и заперев двери в баню изнутри, стали настойчиво предлагать полуобнаженным дамам свои, деликатно скажем, услуги. Дамы не соглашались, но и не отказывались, что придавало ловеласам уверенности в успехе. Пока шли переговоры, вернулись начальники. Закрытая изнутри дверь немедленно привела их в ярость, и поэтому,

недолго думая, они вынесли её вместе с косяком. Сверхсрочники не имели шансов в противостоянии с начальниками, имеющими серьезную комплекцию и физическую подготовку. Досталось сверхсрочникам крепко, и они благоразумно сбежали, бросив свой объект. Начальство торжествовало победу и обсуждало дальнейшую судьбу похотливых слабаков-банщиков.

В разговоре с офицерами мне пришлось напомнить им о том, какой пример они подадут подчиненным. Не подействовало. Тогда напомнил о партийных билетах. Последний довод сыграл свою роль, офицеры подчинились, но все-таки угрожали разобраться с несчастными банщиками. Я успокоился сам и, как казалось, успокоил загулявших начальников и, проводив их до модулей, отправился спать. Оказывается, успокоился рано. Утром комендант доложил, что теперь к сверхсрочникам применяются меры дисциплинарного и морального воздействия. Снова пришлось вмешиваться. На трезвую голову офицеры повиновались быстрее, но все еще пытались сохранять начальственные амбиции. Через несколько часов меня по телефону вызвали в резиденцию генерала армии В.Варенникова. Два серьезных подполков-

ника, помощники генерала армии, рассказали, что у них были наши избитые сверхсрочники и написали официальные жалобы на офицеров. Внешний вид сверхсрочников не оставлял сомнений в методах воспитательной работы, проводимой офицерами наших частей. Если об их подвигах доложить генералу Варенникову, то военная карьера обоих на этом и закончится. Мне было предложено привлечь офицеров к партийной ответственности, а им самим необходимо, как минимум, извиниться и сгладить конфликт. Если это не будет сделано, то спрос будет и с меня. О результатах необходимо доложить в течение одних суток.

О строгости генерала армии В. Варенникова я уже слышал не один раз. Не хотелось мне и самому попадать под раздачу ни за что, ни про что, да и офицеры, много и честно послужившие и повоевавшие, имели право на снисхождение. Получили товарищи коммунисты партийные взыскания через партийную комиссию, т.к. в своих парторганизациях их рассматривать было нельзя. Извинились они, скрепя сердце, перед «Заслуженными банщиками Кандагара». Конфликт был разрешен. Банщики торжествовали, но по моей рекомендации на-

чальник ПАРМ при первой возможности откомандировал их из Афганистана. Фамилии гуляк – начальников не называю. Они вполне достойные офицеры и не заслужили, чтобы об их ошибках молодости сейчас, много лет спустя, узнали их близкие.

Другой характерный случай снова связан со сверхсрочником. Младший сержант сверхсрочной службы из ОБАТО в свободное от непосредственного исполнения служебных обязанностей время регулярно пил в одиночку самогон. Изготовлением самогона вполне качественно и очень законспирировано занимались отдельные гражданские специалисты, так что купить бутылку за сходную цену было вполне доступно. От многодневного употребления у парня случилось помутнение сознания, и он стал требовать от командования чего-то невыполнимого. Парень уселся на табурет в коридоре штаба части, между ног зажал две гранаты Ф-1. Потом взялся за кольца предохранительных чек взрывателей, и стал предъявлять требования, угрожая взорваться в случае неподчинения. Убедить его успокоиться и убрать гранаты никто не сумел. Возникла реальная угроза большой беды. Штаб был полон военнослужащих и служащих СА. Выпрыгнуть через окна

было невозможно, т.к. на окнах были решетки. Командир ОБАТО, очень решительный человек, взял ведро холодной воды и неожиданно выплеснул его целиком на несчастного пьянчугу. Тот от неожиданности подскочил, выронив из рук гранаты, не успев выдернуть кольца. Подполковник сильным ударом кулака сбил его с ног, спокойно подобрал с пола гранаты. Несостоявшийся террорист протрезвел, а потом с ближайшим самолетом улетел в Союз.

Два описанных случая не привели к каким-либо тяжким последствиям, а третий принес нежданную проблему. В эскадрильи подполковника В. Андреева служил бортовой техник – старший лейтенант, который был в Афганистане второй раз. В первый раз отличался систематическим пьянством, а при возвращении из командировки в пьяном виде упал с трапа самолета Ил-76 вниз головой на бетон. Он выжил после такой травмы, скрыл от врачей свой ушиб, продолжал летать и попал в Афганистан уво второй раз. Этот самый бортовой техник, крепко напившись, забрался в пилотскую кабину своего вертолета, запустил двигатели и стал выкручивать со стоянки. Не имея навыков управления сложным летательным аппаратом, он

столкнулся с другим вертолетом. Последствия были тяжелыми. Два боевых вертолета выведены из строя, переломаны лопасти несущего винта, повреждены хвостовые балки, фюзеляжи и много другого. Ремонтировать вертолеты некому и нечем, докладывать наверх опасно, а не докладывать еще опаснее. Доложили в штаб авиации, сослались на обстрел. За 1,5-2 месяца до вывода наших частей ушли на новое место дислокации ПАРМ, частично ТЭЧ и другие небоевые подразделения и вывезли с собой большую часть оборудования и инструмента, необходимого для ремонтных работ. Пришлось вернуть из Союза специалистов для проведения сложных работ по восстановлению авиационной техники. Восстановительные работы были выполнены так быстро, как умеют только наши технари.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ВАРЕННИКОВ

Многое в афганских событиях того времени связано с именем героя Советского Союза генерала армии В.Варенникова. Не стану много писать о нем, т.к. видел его только на военных советах 40 ОА в

Кабуле. Не писать тоже не могу, т.к. личностью он был, безусловно, выдающейся. Очень надеюсь, что история еще даст высокую оценку этому выдающемуся полководцу и дипломату. Даже внешне он выглядел именно полководцем, сухощавый, с

военной осанкой и волевым лицом. Мы видели его всегда одетого строго по уставу, подтянутого и очень аккуратного. В крупных гарнизонах наших войск размещались его представители, которые не вмешивались в действия подчиненных 40 ОА командиров, но прекрасно знали обстановку и при необходимости могли повлиять на нее сами или через своего начальника. Фамилия Варенникова звучала в убогом кишлаке белуджей, которые с его подачи получали большую помощь от правительства ДРА, а наши вертолеты Ми-6 перебрасывали целые племена кочевников из пустыни в места компактного проживания. Полководец по должности и своей сути, генерал армии В. Вареников руководил многими мирными процессами в Афганистане: поддержание в исправности и охрана малочисленных водохранилищ и гидроэлектростанций, ЛЭП; создание договорных зон в которых ни мы, ни душманы не применяли оружие. Взаимодействие с кочевниками, которые не воевали с нами и не пропускали через свои терри-

тории антиправительственные отряды. Некоторые вожди могущественных племен являлись и военачальниками правительственных силовых структур. На самом деле они пользовались своим статусом только тогда, когда им это было надо. С такими вождями проводилась очень аккуратная и деликатная работа. Главное, чтобы они не вредили нам, не переходили в ряды душманов.

После завершения военной службы и политической деятельности В.Варенников написал книгу «Незабываемое», в которой проявляется вся глубина его военных знаний, высокой нравственности, качества гражданина и патриота нашей Родины. В книге он глубоко и подробно анализирует афганскую войну и очень скромно свое участие в ней. В интервью новостному portalу VIPERSON (Виперсон) 28.08.2006 г. он говорил: «Кстати, в позапрошлом году по просьбе вновь сформированного правительства я ездил в Афганистан и участвовал в международной конференции, посвященной второй годовщине гибели героя Афганистана Ахмад-шаха. Я - человек, который был по ту сторону баррикад, и они меня пригласили. Мало того, меня одного из всех иностранных гостей посадили в президи-

ум. А на конференцию приехали гости из 60 стран мира. Этим фактом было подчеркнуто, как они оценивают нас сегодня. Это ведь очень показательно. Теперь и для них стало очевидным, что в 1979 году мы пришли с добрыми намерениями. И мы им действительно помогли».

*Герой Советского Союза генерал армии
Варенников Валентин Иванович*

*Памятник Героя Советского Союза
генерала армии Варенникова Валентина
Ивановича на Троекуровском кладбище*

АФГАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ ИСМАИЛ-ХАН

Ярким примером поведения некоторых афганских ханов являлся генерал Исмаил-Хан или Исмадулла. Впервые я увидел генерала в расположении 70 ОМСБр, куда приехал знакомиться с командованием. Из штаба бригады вышла живописная группа афганских военных. Среди них выделялся энергичный колоритный по виду человек, который активно жестикулировал и громко говорил с сопровождающими его афганцами. В его поведении проявлялись властность и неприкрытая агрессивность.

Командир нашей бригады был очень зол. Он рассказал, что Исмаил-хан приезжал разбираться с серьезным инцидентом, происшедшим по вине наших военных. При проезде по дороге наш БТР зацепил трактор афганского земледельца, который при этом погиб. Исмаил-хан требовал от командира бригады большую сумму денег в качестве компенсации ущерба. Денег для таких целей в бригаде нет. В ответ на эти слова комбрига Исмаил-хан пообещал убить за это двух шурави и

уехал. Никто не может сказать убил ли он наших солдат или это была только угроза, но людей он убивал много. Жизнью людей он распоряжался по своему усмотрению, уничтожил старейшин соседнего племени, заманив их обманом к себе в кишлак. Под его руководством было подавлено сопротивление соседних племен, а его племя стало доминирующим в провинции Чаман.

Весной 1988 г. он в порыве безрассудного гнева убил свою юную жену, дочь одного из афганских министров, студентку Кабульского университета. Когда к нему в дом пытались войти для расследования представители силовых структур, охрана расстреляла этих людей. Исмаил-хан с охранниками на БТРе проехал через весь Кабул на аэродром. Предполагалось, что он попытается захватить военный самолет и на нем прилететь в Кандагар, а потом уже наземным транспортом прорываться в Чаман. Воинские части гарнизона были приведены в повышенную боевую готовность. Вокруг аэродрома были выставлены БТР и БМП батальона охраны. Экипажи дежурного звена заняли места в вертолетах. Мы ожидали серьезного столкновения с афганскими боевиками, верными Исмаил-хану. Ожидание тянулось несколько

часов и закончилось бесславно для афганских спецслужб и благополучно для советских военных. Нам еще только не хватало воевать с афганскими военными из-за междоусобных и клановых разборок. Исмаил-Хан сделал все просто и ловко: он ничего не захватывал, а просто сел вместе со своими вооруженными охранниками в рейсовый самолет Ту-154 сообщением Кабул-Кандагар и прилетел в аэропорт назначения, где его встречали соратники на автомашинах. Генерал беспрепятственно уехал в свою провинцию, где продолжал заниматься грабедом и поборами с автомашин, перевозящих грузы из Пакистана через Чаман в другие южные провинции. Окончательно обнаглел от полной безнаказанности, Исмаил-Хан через некоторое время поехал на двух БТР в Кандагар. Нашему командованию все это изрядно надоело, и было принято решение о ликвидации бандитствующего генерала. На подъезде к Кандагару БТР, на котором он ехал, подбили из гранатомета. Живучий и везучий генерал отделался контузией и царапинами, быстро пересел на уцелевший БТР и умчался назад. Больше до самого вывода наших войск он не показывал носа вблизи наших позиций и расположений частей.

ШТУРМОВИК

Любая война имеет периоды активизации и затишья в боевых действиях. К затишью люди привыкают быстро, это происходит неосознанно, т.к. человеку хочется спокойствия и отсутствия стрессов. Но война есть война, на ней моментально возникает переход от мнимого затишья к событиям, которые меняют обстановку как вспышка, как разряд молнии.

23 октября 1987 г. рано утром мне позвонили с КП и сообщили, что зенитной ракетой подбит самолет Су-25, который на одном двигателе тянет на аэродром. Быстро приезжаю на КП, где уже находился исполняющий обязанности командира полка О.Валуев и командир эскадрильи Су-25.

Группу спецназа в горах неподалеку от Кандагара жестоко потрепали душманы. Несколько десантников погибло, боеприпасы на исходе. На рассвете группа была окружена и уже не могла самостоятельно прорваться. Командир группы по радиостанции запросил помощь авиации. Этот эпизод подробно описан в книге Д.Подушкова «Война под закат».

Вертолетам соваться в это пекло было бесполезно, собьют. Поднялась пара штурмовиков Су-25, которая успешно нанесла ракетные удары по врагам, окружившим наших. Оставшиеся в живых спецназовцы, уложили на броню убитых и раненых, и оторвались от преследования. Штурмовики закончили свою работу, израсходовали боекомплект и тоже начали выходить из боя, но по ведомому был произведен пуск ПЗРК «Стингер». Самолет был серьезно поврежден, вышел из строя один двигатель, повреждены механизмы крыльев и неизвестно что еще. Надежный штурмовик Су-25 после таких повреждений еще держался в воздухе. Командир эскадрильи, посоветовавшись с Валуевым, дает команду лететь в сторону пустыни и над ней катапультироваться. Поисковые вертолеты уже готовы к взлету. Лётчик спокойно отвечает, что катапультироваться не будет, самолет посадит на аэродром. Решил, значит решил. Валуев привел в полную готовность пожарные и санитарные машины и поисково-спасательную группу. С волнением ждем прилета штурмовиков. Заходит на посадку поврежденный самолет старшего лейтенанта Петра Голубцова, приземляется с перелетом на повышенной ско-

рости, мчится по полосе, тормоза не работают, тормозные парашюты не выпускаются. Самолет выкатывается за пределы взлетно-посадочной полосы, поднимая пыль, катится по грунту и останавливается, уткнувшись носом в ограждение аэродрома. Едем на УАЗах к самолету, пожарные машины уже там, поливают самолет водой. Когда мы подъехали к самолету, он стоял посреди озера из смеси воды, керосина и масла. Разворочен левый двигатель, вырвано полхвоста, повреждены многие трубопроводы, из них еще что-то капает, из рваных отверстий в фюзеляже видны перебитые осколками лохмотья разноцветных кабелей. Как он летел в таком состоянии? Старший лейтенант Петр Голубцов одиноко и как-то незаметно стоял в стороне, неподалеку от поврежденного самолета. Мы с Валуевым и командиром эскадрильи подошли к лётчику, пожали руку, поинтересовались самочувствием, похлопали по плечу, посочувствовали. Лётчик был немногословен, даже флегматичен, односложно отвечал на вопросы: «Да, все нормально. Не, я ничего. Не переживаю». Командир эскадрильи посадил Голубцова в служебный автомобиль, а мы сели в свои автомобили и все поехали на КП докла-

дывать в штаб авиации 40 ОА.

Лётчик-штурмовик старший лейтенант Петр Голубцов был награжден орденом Боевого Красного Знамени, отслужил в Афганистане положенный срок и вместе со своей эскадрилей вернулся на Родину. Через несколько лет мы узнали из приказа ГК ВВС об увольнении из Вооруженных Сил СССР капитана П.Голубцова, который при перегоне самолета на промежуточном аэродроме посетил ресторан в летном комбинезоне, оказал сопротивление военному патрулю, которому не понравилась форма. Лётчик в свое время спас от полного уничтожения остатки группы элитного спецназа, спас дорогостоящий самолет. В мирное время заслуги офицера забыли, и он был уволен с военной службы за дисциплинарный проступок. Мне и сегодня грустно от этого события. В летном комбинезоне в ресторан нельзя, т.к. это спецодежда. В рваных джинсах, в шортах, в спортивных тренировочных костюмах, пожалуйста. А нас реально не пускали, выгоняли, вызывали патрулей. Поужинать и выпить коньяку или водки в ресторане для офицеров в форме было преступлением.

ПЬЯНЫЙ ПОЛЁТ

Весной 1988 г. в преддверии 8 марта два вертолета Ми-6 в темное время суток перелетели из Кандагара в Шахджой. Они перевезли груз для магазина военторга. Женщины – продавцы пригласили старшего группы майора – заместителя командира эскадрильи поужинать. Ужин перешел в веселье и танцы. Разгрузка вертолетов давно закончилась, экипажи томились в ожидании командира, а командир немного загулял. Командир второго вертолета дважды заходил в комнату, где шло веселье, уговаривал майора лететь на свой аэродром. Беспокойство у него вызывал тот факт, что на столе находилось спиртное, и компания вместе с командиром-лётчиком явно отмечала наступающий день 8 марта. Штурманом экипажа был замполит эскадрильи, тоже майор. Командир ведомого экипажа и замполит вдвоем кое-как уговорили старшего начальника заканчивать пьянку-гулянку и лететь домой.

Взлететь с малюсенькой площадки ночью на Ми-6 было уже сравни подвигу. Лётчики были настоящими воздушными аса-

ми, и для них это была обычная работа, а никакой не подвиг. Но не в этот раз. После короткого разбега по металлической полосе нужно как можно энергичнее набирать высоту, т.к. площадка была окружена с трех сторон высокими и крутыми берегами речушки, а с четвертой стороны горой. Тяжелый вертолет высоту не набирал, параметры полета гуляли как попало. Крен то влево, то вправо, угол тангажа менялся с кабрирования на пикирование. Экипажу стало страшно. Их командир был элементарно пьян и поэтому нормально управлять вертолетом не мог. Замполит-штурман все понимал, да и все остальные члены экипажа тоже. Жить хотелось всем, поэтому все дружно стали требовать, чтобы командир отдал управление второму пилоту. Второй пилот, старший лейтенант кое-как выправил вертолет, набрал необходимую высоту и полетел в Кандагар. На высоте в горизонтальном полете проблем с управлением не было, долетели благополучно, а вот с посадкой все оказалось сложнее. У молодого второго пилота опыта выполнения посадок ночью на высокогорный аэродром не было. Тем не менее, он вел вертолет по посадочной глиссаде, а майор пытался мешать ему, пока снова не

вмешался штурман-замполит. Кое-как, с большим перелетом, все-таки приземлились на длинную взлетно-посадочную полосу и зарулили на стоянку. Слава Богу, живы. Экипаж, натерпевшись страху, молчать не стал. Доложили командиру эскадрильи. Тот не стал скрывать это происшествие от командования полка. В ходе разбирательства офицер беспощадно врал. Он ссылался на недомогание, на то, что съел что-то не то, а алкоголь он не употреблял. В жилой городок с аэродрома приехал пьяный, т.к. у него с собой была фляжка со спиртом, а поэтому после тяжелого дня, пока ехал с аэродрома в кабине автомобиля, немного выпил. Мало того, что чуть не угробил вертолет вместе с экипажем, так еще и врет. Потом, понимая всю степень своей ответственности за совершенные им безумные действия, майор пугает подчиненных будущей расправой. Замполит эскадрильи проявил полную беспринципность, он не выгораживал явно офицера, но и правду утаивал. Замполит прекрасно знал, что командир отдыхал в веселой компании, но не препятствовал этому и не воспротивился вылету.

На партийном собрании коммунисты жестко осудили сам проступок летчика и по-

ведение при расследовании. Подавляющим большинством голосов они проголосовали за исключение коммуниста из рядов КПСС. Партийная комиссия полка утвердила это решение. Тогда майор написал заявление в партийную комиссию ВВС 40 ОА о чрезмерном наказании. Там его простили, уменьшив наказание до строгого выговора с занесением в учетную карточку. Коммунисты полка были возмущены, но от партийной дисциплины никуда не денешься. Лётчики эскадрильи категорически отказались летать с майором и поэтому его откомандировали в свою часть в Советском Союзе. Прошло несколько лет, когда ВВС потрясла страшная авиационная катастрофа. Экипаж вертолета Ми-6 выполнял учебный полет с молодым командиром экипажа на висении в условиях снежной пыли. В простых метеоусловиях на висении вертолет поднял снежную пыль, летчики потеряли пространственную ориентировку, не справились с управлением. Вертолет упал и сгорел, все члены экипажа погибли. Инструктором в этом полете был тот самый майор.

СЕМЬ ДНЕЙ БЕЗ ВОЙНЫ

В середине декабря 1988 г. Политуправление ВВС в Москве проводило сборы политработников оперативного звена, т.е. от дивизии и выше. Начальников политотделов полков из действующей армии привлекли тоже. Запомнилась заснеженная Москва, живущая мирной жизнью. Мы прилетели из другого мира. Нет, не было ощущения, что мы дома. Это здесь, в Москве, все нереально. Люди ничего не понимают про войну и понимать не хотят, а там, в Афганистане настоящая жизнь и настоящие люди, там сейчас наш дом. Это неосознанное до конца состояние живет в душе у многих из тех, кто прошел через афганскую войну. В воюющей армии, в далекой чужой стране одна жизнь, а здесь совсем другая. Почему люди, живущие вне войны, не соперничают вместе с нами – «афганцами», это состояние. Некоторые ветераны этой войны так и не смогли впоследствии выйти окончательно из того военного мира. После окончания сборов наш непосредственный начальник-полковник Саушин сообщает радостную весть: «У вас

есть пять дней. Можете побыть с семьями. Всем нужно быть в Ташкенте 30 декабря. В 14.00 вылет самолета Ан-26 из Ташкентского аэропорта Тузель в Афганистан. Привет вашим семьям. Удачи».

Вот так радость. Скорее к семье в Бердичев. Перед новым годом добраться из Москвы в Киев и далее в Бердичев было весьма проблематично. Купить билет на любой вид транспорта почти невозможно, а время, отпущенное судьбой на драгоценную встречу с семьей, очень быстро тает. Не помогает ни хорошо подвешенный язык, ни коробка конфет, ни ссылка на то, что пробираюсь на побывку на несколько дней из Афгана. Выручает в конечном итоге жизненный опыт. В аэропортах после окончания регистрации билетов почти всегда остается несколько свободных мест на рейс. Остались свободные места и в этот раз, а я уже дежурю у стойки регистрации и первым выкупаю свободный билет на самолет рейса Москва – Киев. Всего два часа полета, а потом в Киеве правдами-неправдами попадаю на поезд до Бердичева. Вот я и в семье к радости жены и детей. Кроме них мне видеть никого не хочется.

Дома уютно и радостно, и всю идет подготовка к встре-

че Нового года. Устанавливаем ёлку, все вместе любовно наряжаем её, но Новый год будем встречать врозь. Странное психологическое состояние. Душой и телом находишься дома с семьей, а умом там - в далеком Афгане. Дни короткой побывки пролетают очень быстро. Снова путь в автобусах, поездах, самолетах в солнечный Ташкент.

В салоне самолета «Аэрофлота» сообщением Киев – Ташкент выделяешь из пассажиров тех военных и гражданских, которые летят на войну. Не столько по загорелым лицам, сколько по поведению, взгляду и чему-то еще, не поддающемуся описанию. В военном секторе аэродрома встречаемся с нашей группой авиационных политрабтников, других немногочисленных попутчиков, каким-то образом попавших на наш специальный борт. Мы не виделись всего несколько дней, но такое впечатление как будто много-много времени. Обнимаемся, похлопываем друг друга по спине, делимся впечатлениями. При встрече со своими офицерами отпускает сердце, сжавшееся при расставании с семьей. Вот теперь находишься в своем замкнутом мире, в своем кругу, понимающих тебя с полуслова людей.

Размещаемся в Ан-26, имеющем двойной пассажирский салон. Первый, так называемый, генеральский, сообщающийся с кабиной пилотов, оборудован пассажирскими креслами и столами. Второй салон проще, в нем вдоль бортов расположены жесткие сиденья и больше нет никаких удобств. Вместе с нами летит заместитель командующего 40 ОА генерал-майор и несколько старших офицеров из штаба армии, возвращающихся после какого-то совещания, проходившего в штабе ТуркВО. Генерал где-то хорошо приложился к коньячку, что стимулировало повышенную разговорчивость и нарочитую веселость. Он с полковником Саушиным и штабными офицерами размещается в генеральском салоне, а остальные, т.е. мы – во втором. Долго плывем над сплошными облаками. По традиции экипаж сообщает о пересечении советско-афганской границы. Подлетаем к Кабулу, но наш самолет не снижается и не заходит на посадку, т.к. аэродром закрыт по погоде. Оказывается над аэродромом низкая облачность и сильный дождь. В Афганистане зимой такое бывает.

Летим в Кундуз, там погода лучше, и наш самолет успешно заходит на посадку и приземляется. Пока самолет заправляет-

ся, мы все вместе с генералом идем в летнюю столовую, обедаем. После обеда размещаемся в штабе полка, ждем решения старших начальников о дальнейшем полете. Боимся застрять в Кундузе до Нового года. В классе предполетных указаний висят таблицы и различные графики с фамилиями летчиков. Нахожу фамилии знакомых офицеров, бывших сослуживцев по Дальнему Востоку, с которыми хотелось бы встретиться, но волей случая никого из них нет на месте. Нашему попугайчику – генералу в Кундузе что-то не нравится. Он активно общается по телефону с командующим авиацией генералом Д.Романюком: «Дима, дорогой, ты нас отсюда забирай, что нам тут на Новый год торчать. Не берешь в Кабул, давай еще куда-нибудь отправляй. Нет, в Шиндант не полетим, а вот в Кандагар хорошо, там бригадир 70 бригады нормальный мужик, а у летчиков баня отличная». Решение принято, летим в Кандагар.

Для меня это отличный вариант, прямым рейсом без пересадок я буду у себя в полку. Снова взлетаем на Ан-26 и нудно плывем над облаками через весь Афганистан. Поздно вечером приземляемся на Кандагарском аэродроме. Здесь пасмурно, слабый дождь и тепло. Вы-

ходим из самолета, здороваемся с встречающими, рассаживаемся по машинам. В это время раздается обвальный грохот от залпа реактивной артиллерии Град и затем несколько мощных залпов самоходок Гиацинтов. Командир 70 МСБр традиционно встречает начальство салютом. Едем с Саушиным на УАЗе в гостиницу, затем мы с ним ужинаем в столовой. Он сильно устал и традиционное посещение бани и застолье его не интересуют, так же не интересует и моя попытка рассказать про организацию политической работы. Саушин спокойный и весьма корректный офицер, он не требовал к себе какого-то особого внимания. Ну, мне и хорошо. Захожу к О.Валуеву, интересуюсь обстановкой. Слава Богу, все спокойно, работы в это время года поменьше, т.к. зимой в горах «духам» сидеть не хочется, они притихают, перебравшись в мирные кишлаки.

Утром захожу к Саушину в гостиницу, вместе идем в штаб полка и узнаем, что Кабул стал принимать самолеты. Завтракаем в столовой и едем на аэродром. Самолет готов к вылету, экипаж выспавшийся, бодрый и накормленный ждет команды на вылет. Подъезжает генерал с командиром 70 ОМСБ и свитой. Он, судя по всему, хорошо

поддал и снова весел, оживлен и разговорчив. Поздравляем все друг друга с наступающим Новым годом, прощаемся. Самолет быстро раскручивает винты, выруливает на взлетную полосу и взлетает. Без начальства спокойнее, можно заняться служебными делами.

НОВЫЙ ГОД ПО-АФГАНСКИ

Явзываю в свой кабинет политработников гарнизона, выслушиваю доклады об обстановке в частях и подразделениях. Интересуюсь подготовкой к встрече Нового года. Важно провести праздник так, чтобы люди смогли расслабиться, отдохнуть, традиционно посидеть за новогодним столом, но при этом ни на секунду не забывать про то, где мы находимся. Солдатам и сержантам срочной службы разрешено встретить Новый год за столами. В 00.30 вечерняя проверка и после этого отбой. Начальник продовольственной службы изыскал возможность в новогодний праздник накормить ребят по-праздничному. В эскадрильях, как и во все времена, офицеры собирали деньги для праздничного стола солдат. Для офицеров,

прапорщиков и гражданского персонала организуется новогодний бал в офицерском клубе.

Начальник клуба Виктор Куделькин как всегда бурчит, ему хочется закончить бал в 00.30. Уточняю согласованное с командиром полка время - 02.00. Пусть молодежь отдыхает в клубе, где будет находиться под контролем. Все военнослужащие предупреждены о категорическом запрете стрельбы из любых видов оружия в качестве салюта. После 22.00 часов я обошел все воинские части и подразделения полка, поздравил руководящий состав с наступающим Новым годом. В общежитиях эскадрилий поздравил офицеров и прапорщиков. Комнаты в общежитиях ребята украсили чем-либо новогодним, напоминаям родные квартиры, далекую Родину. В каждой комнате накрыты праздничные столы с привезенными из Союза, купленными в магазине военторга, принесенными из столовой продуктами. Настроение у людей приподнятое, новогоднее. Везде радушно приглашают за стол, говорят теплые слова. От всей этой предпраздничной атмосферы и сам заряжаешься положительной, доброй энергией. В каждом коллективе стараешься подобрать особые слова. Единое для всех пожела-

ние в новом году - обязательно вернуться домой и встретиться с родными.

Потом на УАЗе объезжаю дежурные силы: КП, дежурное звено, РЛС, КДП, караулы. Люди везде очень ответственно несут службу, нигде нет серьезных замечаний. Взаимные поздравления, душевные пожелания. Объектов много, стараюсь охватить максимальное количество. На некоторых объектах встречаемся с командирами и замполитами частей или подразделений, которые тоже объезжают для контроля и поздравлений свои объекты. Перед самым-самым Новым годом обхожу казармы вместе с командирами частей и подразделений, чтобы не строить бойцов каждый раз отдельно, коротко поздравляю и передаю пожелания, затем поздравляют соответствующие командиры. Бойцы в ответ на поздравления в соответствии с уставом и праздничным настроением дружно кричат «Ура!», а потом уже неофициально множеством голосов вразной манере тоже поздравляют нас и передают пожелания.¹

Новый год встречаю вместе с замполитами эскадрилий в казарме полка. Сидим за общим столом, бойцы радушно угощают своими яствами, наливают лимонад Si Si из металлических

банок. Моё присутствие, очевидно, смущает ребят, все-таки я для них высокое начальство, поэтому через десяток минут ухожу из казармы. В 24.00 во-круг нашего гарнизона началась стрельба. Со всех сторон был слышан треск обычных и крупнокалиберных пулеметов, гулко и размерено долбили воздух ЗГУ. Черное облачное небо расчертили трассирующие очереди. Одни трассы шли ровно, пересекаясь друг с другом, другие виляли в небе, как огромный огненный кнут у исполинского пастуха, а некоторые шли как-то дробно, небольшими кучками. Палили в воздух наши и афганские правительственные войска, не жалея патронов. Эта оглушительная огненная феерия продолжалась добрых 10–15 минут. Только наш дисциплинированный гарнизон был черным пятном среди огненного новогоднего кольца.

В клубе офицеров через 15–20 минут после наступления Нового года начинается оживление. Все как в обычном гарнизонном офицерском клубе. Зал подготовлен к танцам. Сиденья сдвинуты к стенам, на которых развешены гирлянды и другие новогодние украшения. Вместо елки небольшая сосна, украшенная немногочисленными елочными игрушками. Гром-

кая веселая музыка. Зал быстро заполняется народом. В центре внимания женщины. Они все красиво одеты и причесаны. Женщин в гарнизоне всего 60, из них кто-то дежурит или работает в ночную смену, но большинство все-таки пришли на новогодний бал. Офицеры в повседневной форме. Обычную полевую форму на праздники надевать было не принято, а гражданскую одежду никто с собой в Афганистан не брал. Нет сомнений, что все где-то правдами и неправдами доставили спиртного и традиционно за праздничными столами выпили чарку-другую. Провоз в Афганистан любого спиртного кроме пива и шампанского был под строгим запретом. Но, что для наших военных такие запреты. У летчиков и техников всегда есть возможность сэкономить технический спирт, и вместо систем летательного аппарата забрать его себе. Некоторые гражданские специалисты очень успешно гнали самогон, тщательно прятали его и потихоньку продавали желающим. Все это производство было тщательно законспирировано, но любой желающий в любое время суток мог купить бутылку-другую самогона. Мы с Олегом Валуевым и Владимиром Березкиным посидели в зале, посмотрели на

веселящийся народ и ушли в жилой модуль. Я чувствовал недомогание после всех поездок и перелетов из разных климатических условий и часовых поясов. У меня в комнате мы с заместителем В. Березкиным немного выпили разбавленного технического спирта и разошлись спать.

Ночь в нашем гарнизоне прошла достаточно спокойно. Обстрелов со стороны «духов» не было. Новый год начинался спокойно, чему способствовала плохая погода. Дожди шли, не прекращаясь иногда сутками, русла рек и ручьев заполнились бурными потоками мутной воды. В долине температура наружного воздуха держалась около +17 градусов С, а в близких горах и на высокогорных плато лежал снег. В общем, и у нас и у духов была небольшая передышка.

Два или три дня мне пришлось проваляться в своей комнате с температурой. Заходил к командиру полка уточнить боевую обстановку, да в столовую на прием пищи, а в остальное время спал и читал. Получилась небольшая передышка после трех бурных месяцев.

ОХОТНИКИ ЗА КАРАВАНАМИ

Пользуясь сезонным ослаблением боевых действий, душманы активизировали доставку оружия и боеприпасов. По данным разведки, караваны с оружием шли из Пакистана чуть ли не каждый день. С наступлением весны боевики, набравшись сил и пополнив запасы, неизбежно активизируют боевые действия против советских и афганских правительственных войск. Штаб 40 ОА потребовал от спецназа и авиации активизировать борьбу с караванами.

В состав 40 ОА входили две отдельные бригады специального назначения и приданные им отдельные вертолетные эскадрильи на вертолетах Ми-8 и Ми-24. Основной задачей частей специального назначения была борьба с караванами. Разведка узнавала о караванах, следовавших из Пакистана по горным дорогам к местам базирования афганских душманов. Проходов через горы было множество, у них и размещал свои засады спецназ. Одним из наиболее распространенных видов организации засад была высад-

ка группы с вертолетов. В группу входило 12-15 человек. Кроме стрелкового оружия группа имела на вооружении автоматический гранатомет АГС-17 «Пламя» и Пулемет НСВ «Утес» калибром 12,7 мм. Бойцы спецназа размещались на двух вертолетах Ми-8. Прикрытие осуществляла группа из двух, иногда четырех Ми-24. Вертолеты Ми-8 выполняли несколько ложных посадок и только потом настоящую. Высадка группы проводилась очень быстро. Транспортные вертолеты, поднимая тучи пыли, без зависания, приземлялись в заданном районе. Бойцы покидали вертолеты, используя пылевую завесу, сразу ложились на землю и быстро отползали в сторону. Группа располагалась в засаде, основательно замаскировавшись. Через несколько дней группу забирали вертолеты и перебрасывали в другое место или на базу.

Другой вид борьбы с караванами заключался в поиске караванов в светлое время с воздуха. Вертолеты с группой спецназа на борту выполняли полеты в районах вероятного прохождения караванов. При обнаружении группы автомобилей ведущий группы вертолетов стрелял очередью из пулемета перед головным автомобилем. Караван останавливался.

Вертолеты Ми-8 приземлялись в нескольких сотнях метров от каравана, а Ми-24 крутились в воздухе, прикрывая группу. Бойцы быстро покидали вертолеты и разделялись на две группы. Несколько человек оставались для охраны вертолетов, а остальная часть досматривала автомобили. Иногда, если караван был не мирным, душманы, не дожидаясь начала досмотра, начинали бой. В подобных случаях вертолетчики действовали по обстановке, но всегда – в интересах спецназа.

В Кандагаре базировался один из отрядов 205 ОВЭ, которым в декабре 1987 г. командовал сослуживец по г.Бердичеву майор Вячеслав Балашов. 4 декабря 1987 г. группа вертолетов под его командованием выполняла полет на поиск караванов с группой спецназа. Я полетел у него ведомым, т.к. нужно было набираться опыта в таких вылетах. Это был мой первый боевой вылет на досмотр караванов. Наша группа летела в горы на высоте 10-15 м над рельефом местности. Ущелье местами становилось совсем узким, тогда вертолеты вытягивались в цепочку, а если горы расступались, снова перестраивались во фронт. Опасность подстерегала постоянно, за каждым выступом скал, поворотом ущелья.

Экипажам приходилось больше внимания уделять пилотированию, своевременному реагированию на изгибы ущелья.

Десантники, находящиеся на «восьмерках» (Ми-8), каждый в своем секторе наблюдали за местностью. Они то и обнаружили небольшой вражеский отряд в одном из узких ответвлений ущелья. «Восьмерки» энергично развернулись на 180 градусов, одновременно загасили скорость и сходу приземлились между огромными валунами на извилистую горную дорогу. Пыли почти не было. Наша пара на малой скорости крутилась над сидящими на земле восьмерками, прикрывая их, и друг друга.

Спецназовцы моментально выскочили из вертолетов и рассыпались по ущелью. Несколько человек остались охранять вертолеты, держа наготове автоматы. Около десяти человек короткими перебежками, приседая за валунами, двигались в узкое ответвление ущелья. Гул двигателей вертолета забивает все остальные звуки, что происходит на земле не слышно. Вдруг, словно в немом кино, между вертолетами и бойцами охранения возникает кажущееся безобидным белое облачко. Один из бойцов падает на землю, двое других подхватывают

его под руки и быстро волокут к ближайшей «восьмерке». Белое облачко было взрывом гранаты. Подобные облачка стали периодически возникать неподалеку от наших «восьмерок», а иногда в стороне от них.

В ущелье под нами начался скоротечный бой. «Двадцать четвертым» надо подавлять вражеский огонь, но мы не видим, откуда он ведется. Слишком близко друг от друга находились наши бойцы и «духи», поэтому мы не стреляем. Группа противника была наглухо зажата спецназовцами в ответвлении ущелья, которое имело вход, но не имело выхода. Духи были обречены, поэтому быстро побросали оружие и сдались. Под стволами автоматов наши бойцы загнали их в вертолеты, загрузили трофейное оружие и боеприпасы. «Восьмерки» взлетели, мы пристроились сзади и всей четверкой понеслись по ущельям назад.

На аэродроме после заруливания на стоянку я выключил двигатели, поручил бортовому технику выключить оборудование кабины и затормозить винты, а сам подошел к «восьмеркам». Хотелось увидеть пленных душманов. На КП уже было известно о результативном вылете, поэтому нас встречали. Первой подошла санитарная маши-

на, на которой увезли раненного бойца, а следом за ней подъехал бортовой КаМаЗ с тентом. Веселые спецназовцы подтаскивали пленных к выходной двери грузовой кабины вертолета и перебрасывали их как тюк с тряпками через задний борт автомобиля. В кузове КаМаЗа двое бойцов подхватывали пленных, ребром ладони били их по шее и штабелем укладывали на грязный пол.

«Духи» все были очень худые, с коричневыми от загара лицами и руками. Одеты в одинаковую одежду невоенного образца, совершенно не заношенную. На ногах крепкая обувь. Глаза никто не поднимает и не издает ни звука, даже когда очевидно сильно больно. Из всех отличается один. Он не прячет своих глаз, смотрит открыто и смело, ни малейшего страха и просьбы о пощаде в них не видно. По всему его облику становится понятно, что он птица высокого полета. Солдат – грузин выгружает из вертолета трофейные автоматы и укладывает их в специальные ящики. Он любовно гладит каждый, радуется, как ребенок новой игрушке и постоянно весело что-то приговаривает. Он радуется потому, что их батальон взял много пленных и кучу трофейного оружия. Тогда меня покорила жестокость

наших ребят при обращении с пленными. Со временем, после всего того, чего я насмотрелся, эти чувства больше не приходили. Ко мне подошел худощавый, коротко стриженный офицер в песочном комбинезоне: «Командир батальона майор Горатенков Валерий Александрович». Пожали друг другу руки. Будем знакомы. Поработаем.

КОМБАТ ГОРАТЕНКОВ

Впоследствии мы с Валерием Горатенковым несколько раз участвовали в совместных боевых вылетах, которые на взгляд комбата были интересными. Когда возникала сложная, опасная задача и, интересная с точки зрения профессиональных военных, Горатенков связывался со мной и объяснял суть боевой задачи. Планировался порядок выполнения, согласовывались маршруты и время полета.

В связи с принятым на государственном уровне, решением о выводе контингента войск из Афганистана, два или три месяца интенсивность полетов и активности спецназа снизились. Душманы натаскали боеприпасов и оружия и стали вновь сильно досажать нашим войскам. В

апреле 1988 г. комбат Горатенков подъехал в наш гарнизон и рассказал о своем замысле, выполнение которого сулило военную удачу. Группу спецназа из 25 бойцов, разместившихся на 4-х вертолетах Ми-8, он возглавил сам, а группа сопровождения состояла из 4-х вертолетов Ми-24. После вынужденного затишья в боевых действиях с нашей стороны, вышестоящему штабу срочно потребовался положительный результат, достичь которого можно было только заведомо в «духовских», т.е. опасных районах. К Ислам-горе, в район, находящийся севернее Аргандабского водохранилища, мы такой большой группой и понеслись с рассветом.

Над горами на предельно малой высоте не летаешь, то пики островерхих гор по курсу полета возникают, то вдруг внизу пропасть откроется. Над южной стороной горы, раскаленной солнцем, восходящие потоки поддают «пинка» под брюхо вертолета, корёжа его по всем осям. Энергично работая всеми органами управления, балансируешь положение вертолета. Проскакиваешь солнечную сторону, внизу чернота ущелья с холодным воздухом и сразу нисходящий поток осаживает твою машину вниз на остроту враждебных во всех отношении

ях гор. Снова не зевай, работай руками, ногами, глазами, а самое главное головой.

Отличная техника пилотирования нужна как само собой разумеющееся, но нужно еще видеть все вертолеты своей группы и обстановку на земле. Солнце заливает все своим ярким светом, вокруг выжженные горы и безлюдные ущелья. Полет тяжелый и опасный. Мы белым днем нагло сунулись в район, где нас не любят, не ждут и где, случись что, пощады не будет. Успокаивает серьезный состав группы. Нас много и огневая мощь порядочная, а на бортах элита войны – спецназ ГРУ. Мы ничего не нашли, а скорее не увидели, маршрут полета выводит из опасных гор в довольно широкую долину реки Аргандаб. Здесь договорная зона, здесь не должны воевать друг с другом противоборствующие стороны. За открытие стрельбу с нас могут строго спросить представители генерала армии Вареникова. А могут и не спросить, если не узнают, или если духи дадут серьезный повод.

Между тем по дороге пылят два трактора с прицепами, полными вроде бы мирных людей. Комбат Горатенков принимает решение на досмотр. Ведущая «восьмерка» стреляет из пулемета перед тракторами, которые

тут же останавливаются. «Восьмерки» садятся поближе к ним, накрывая пыльным облаком. Мы, четыре Ми-24, крутимся каруселью по широкому кругу вокруг находящихся на земле вертолетов, тракторов и группы спецназа, рассыпавшейся вокруг. Тишина радиоэфира разрывается тревожным голосом командира одной из «двадцатьчетверок» Александра Беляева: «По мне стреляют, кажется, попали!». Ведущий группы боевых вертолетов Вячеслав Балашов, ни секунды не задумываясь, отправляет неуправляемые ракеты в сторону прилепившегося к горушке кишлака. Затем от его ведомого пошли шлейфы 4-х ракет, затем от Беляевского вертолета несколько шлейфов. Из кишлака бегут люди, прыгают в реку и плывут на другую сторону к скалам, круто обрывающимся в воду. Боевые вертолеты из пушек бьют по плывущим, поднимая высокие водяные столбы, но, не причиняя, впрочем, вреда. Я не понимаю, зачем бить в договорной зоне по мирному кишлаку и бегущим и плывущим людям. Запрашиваю Беляева: «С бортом все в порядке?». Тот отвечает коротко: «Нормально!»

Спецназ закончил досмотр тракторов и с миром отпустил их. «Восьмерки» взлетают и бе-

рут курс на аэродром, мы пристраиваемся к ним. Переваливая через гряду невысоких гор, уходим в долину, ведущую к Кандагару. Прилетели, сели, зарулили на стоянки, я иду быстрым шагом к вертолету Беляева. Спрашиваю:

– Куда попали?

Тот разводит руками: «Да все нормально, показалось!»

– Зачем же по кишлаку в договорной зоне лупили?

– Да ведь оттуда «духи» побежали.

– А кто сказал, что это «духи» были?

Ответа нет. Иду к «восьмеркам», спешу увидеть комбата. Тот в ответ на мои недоуменные вопросы ведет меня к своему трофейному «Симургу», поднимает сиденье, достает автомат АК калибра 7,62, т.е. трофейный, но без магазина и совершенно новый. Говорит спокойно и явно с лукавством: «Вот взяли в тракторе». Я не следователь и не военный прокурор, но я видел, что комбат после вылета к своей машине еще не подходил, т.е. автомат там лежал заведомо на всякий случай. Высказываю ему опасение по поводу канонады, устроенной нами в договорной зоне. Комбат машет рукой: «Ну не мы начали первые, вот по Беляеву-то «духи» стреляли!»

Вылет не результативный.

Мы с комбатом Горатенковым недовольны друг другом. А летчиков что судить, если они будут много рассуждать: стреляли по ним или только показалось, и не будут при возникшем подозрении применять бортовое оружие, они долго не проживут. До Варенникова наши боевые подвиги не дошли, иначе с нас серьезно спросили бы.

Мы с комбатом Валерием Горатенковым впоследствии еще нередко общались, иногда вместе участвовали в боевых вылетах на поиск и досмотр караванов. Каждый из нас хорошо знал и делал свое дело, а поэтому мы относились друг к другу с взаимным уважением. Он со своим батальоном был в Афганистане до полного вывода ограниченного контингента и ушел оттуда вместе с командующим Б.Громовым.

НА СТРЕЛЬБИЦЕ

Командир батальона иногда организовывал для летчиков выезды на стрельбище. Мы рассаживались на броне двух-трех БТРов и мчались за пределы охраняемой территории. Мне в первый раз пришлось ехать на БТР-80 и впечатление было очень положи-

тельным. Особенно восхищало постоянное горизонтальное положение корпуса, независимое от положения огромных колес. Мчится БТР с людьми, сидящими на броне, по разбитой дороге, но рытвины и ухабы не ощущаются из-за уникальных свойств подвески. Вдруг дорога резко ныряет в огромную промоину – яму с обрывистыми краями, но броня мчится, не снижая скорости. У нас захватывает дух, но колеса делают свое дело, а корпус с людьми даже не тряхнуло.

Ай, хороша техника! Мы, авиаторы, восхищены ею не меньше чем десантники вертолетами.

Так называемое стрельбище представляло собой часть открытой со всех сторон пустынной местности, через которую вьется еле заметная дорога. В нескольких метрах от дороги стоит остов сгоревшего БТР, выполняющего роль укрытия от осколков, а дальше через сорок-пятьдесят метров стоят остатки нескольких броневиков. В их бортах зияют многочисленные пробоины от кумулятивных боеприпасов. Вот и все стрельбище. Невозмутимый и неразговорчивый майор-спецназовец командует своими шустрými бойцами.

Ребята устанавливают на огневую позицию БТР-80, БМП-

2, советские и иностранные пулеметы, винтовки, пистолеты с глушителями, автоматический гранатомет, ящики с реактивными гранатометами и ручными гранатами, автоматы с подствольными гранатометами. Нам демонстрируют стрельбу из скорострельной автоматической пушки, установленной на БМП, из башенного пулемета БТРа, из пулемета «Утес» и автоматического гранатомета «Пламя». Потом майор достает из ящика реактивный гранатомет «Муха», готовит его к выстрелу и коротко поясняет свои действия. Резкий и короткий звук выстрела бьет по ушам, граната-ракета, выпущенная майором, точно попадает в борт сгоревшего броневика-мишени. Мы восхищаемся работой майора и его подчиненных, которые спокойно и очень точно стреляют из всего того, что нам вытаскивали на стрельбы.

С большим удовольствием поочередно стреляем сами из пушки, пулеметов и всего остального. Я беру реактивный гранатомет, готовлю его к стрельбе, как учил майор. В комплект входят затычки для ушей, но майор их выбросил, когда стрелял сам. Спрашиваю почему. Он отвечает, что просто открывает рот и этого достаточно, чтобы не оглохнуть. Беру с

него пример, а потом буду раскаиваться всю оставшуюся жизнь. Труба гранатомета на плече, указательный палец правой руки на спусковом крючке, прицельную планку навожу на мишень, забываю рот открыть и нажимаю спуск. Резкая боль в ушах от грохота выстрела. Ракета пролетает выше мишени и взрывается далеко в пустыне. Прوماх. Но не это главное. Я ничего почти не слышу, а уши сильно болят. Больше никто из авиаторов такой глупостью заниматься не стал. Настрелялись мы из всего, что каждому из нас хотелось. Напоследок бросали гранаты Ф-1 и РГД. У наших офицеров много положительных эмоций от участия в стрельбах, а у меня значительная потеря слуха, из-за которой я впоследствии с большим трудом проходил летную медицинскую комиссию.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

16 января 1988 г. из Кабула сообщили, что к нам летит Ил-76 с каким-то грузом, а на борту находится новый первый заместитель командира полка подполковник Манько Александр Николаевич. Событие радост-

ное для Олега Валугева, т.к. для него на этом война заканчивается. После передачи дел он улетит домой в Советский Союз. Для меня тоже очень приятное известие, т.к. Александр мой закадычный друг. По прилету самолета я встретил его и привез к себе в комнату. Коротко ознакомил с окружающей обстановкой, рассказал и показал где что располагается. Пока Валугев не освободил комнату, Саня поживет у меня. Мы народ неприхотливый. Поставили в моей комнате вторую солдатскую кровать, да и ладно.

В начале 80-х годов мы служили в одной эскадрилье, в Центральной группе войск в Чехословацком городе Зволене. Саня был заместителем командира эскадрильи, а я замполитом у славного командира подполковника Сорокина Александра Михайловича. Времена были прекрасные. Замечательная страна, дружелюбный народ, красивая природа, средневековая архитектура городов и утопающие в садах деревни. В Чехословакии, по сравнению с СССР, было отменное снабжение товарами народного потребления и продовольственными товарами. Множество уютных ресторанчиков, кафе, пивных баров привлекали соблазном посидеть часик-другой, потя-

гивая замечательное пиво. Мы дружили тремя семьями, вместе с женами и детьми проводили досуг, отмечали праздники. В Чехословакии были прекрасные возможности для рыбалки и охоты, чем мы и пользовались в свободное время.

Мы с Саней выпили по 100 граммов разбавленного спирта за встречу. Вспомнили о тех замечательных днях, о нашей отличной второй эскадрилье, в которой мы пытались воспроизводить традиции, изображенные в кинофильме «В бой идут одни старики». Мы рассказали друг другу о семьях, женах и детях, о годах, прошедших после расставания в 1984 году, когда мы разъехались из Чехословакии по разным гарнизонам. Мне с появлением в полку друга – первого заместителя стало во многом легче и в службе и в быту. Теперь в командовании полка появился, кроме заместителя по ИАС Николая Головатюка, еще один очень добросовестный и требовательный начальник. Мне теперь есть с кем поговорить по душам, выпить боевых сто граммов после боевого вылета. Наш душевный разговор прервал телефонный звонок. С командного пункта мне сообщили, что ночью на наш аэродром прилетит самолет Ан-12 с генералом Улезько и его помощниками.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ВЯЧЕСЛАВ УЛЕЗЬКО

Генерал был членом военного совета – начальником политического отдела ВВС ТуркВО. В сентябре 1987 г. перед моим убытием в Афганистан он вызвал меня в штаб ВВС ТуркВО, расположенный в Ташкенте, и проинструктировал об особенностях политической работы в действующей 40 ОА. После короткого и скупого разговора, проведенного, что называется, «для галочки», у меня особых впечатлений о нем не осталось. Ни тогда в Ташкенте, ни сейчас в Кандагаре меня не интересовали особенности характера и пристрастия генерала. Я никуда не стал звонить и спрашивать об этом. Зачем? Главное – самому добросовестно и честно выполнять свою работу, а то, что во мне нравится или нет высокому начальству, не важно. Теперь предстоит отчитываться перед начальником о работе возглавляемого мной политического отдела. Встречаю высокое начальство совершенно спокойно. В гарнизоне порядок, происшествий и преступлений, потерь за последние полгода нет. Работа политотдела

организована и отлажена мною до совершенства. Я уверен в себе и в подчиненных. Но не мной придумано выражение: «Блажен, кто верует».

Самолет с начальством приземлился в обычном режиме и зарулил на перрон. Замолчали двигатели, остановились винты, открылась рампа закопченного трудяги Ан-12. На перрон энергично сбежали по трапу бортинженер и бортмеханик, убедились в полной остановке винтов, дисциплинированно встали по обеим сторонам рампы на подстраховку выходящих пассажиров.

Первым, как и положено, спустился генерал. Довольно высокого роста, грузный с большой головой и грубоватым лицом, на котором выделялся здоровущий нос. Генерал был одет в полевую камуфлированную форму, а на голове надежно держалась повседневная генеральская фуражка. Рядом два сопровождающих офицера. Высокий худощавый подполковник и невысокий полноватый, но весьма шустрый майор. Приложив руку к головному убору, я представился генералу. Он козырнул в ответ, поздоровался, пожал мне руку. Сели в УАЗ, поехали по ночному, еле освещенному аэродрому, а затем по совершенно темной дороге в служебный городок.

– Владимир Александрович, разместите нас на отдых, потом позвоните в Кабул полковнику Саушину. Передайте ему моё распоряжение, пусть строго накажет командира корабля, на котором мы прилетели сюда.

– Разрешите уточнить, товарищ генерал. За что наказывать?

– А вот за что. Самолет везет члена военного совета, но командир, вместо нормального захода на посадку, совершает хулиганскую выходку. Представьте себе, выполняются близко к полосе слитно третий и четвертый развороты, чуть ли не в свете прожекторов, выпускаются шасси и почти сразу приземление. Можете мне как летчик летчику объяснить, зачем выполнять такой заход и посадку.

– Как зачем? «Духи» кругом, товарищ генерал.

– Какие «духи», товарищ подполковник?

Я немного растерялся. Не совсем уверенным голосом отвечаю:

– Ну, ...моджахеды, повстанцы. Голос генерала становится ледяным, не предвещающим для меня ничего хорошего.

– Товарищ подполковник. Какая охраняемая зона вокруг вашего аэродрома?

– Совершенно точно не скажу, товарищ генерал. Прибли-

зительно 10 на 5 км.

– Это какие десять и пять. Вы про что говорите?

– Вдоль полосы десять, поперек пять.

– Вы, товарищ подполковник, сколько времени служите в Афганистане?

– Три с половиной месяца, товарищ генерал.

– А я почти десять лет. Так вот запомните. Вокруг всех аэродромов Афганистана семнадцатикилометровая охраняемая зона. Понятно.

– Никак нет. В сторону Кандагара вообще километра три, а дальше горы и «зеленка».

– Так. Завтра утром, когда пойдем на завтрак, возьмете с собой карту со схемой охраняемой зоны. На завтрак, наверное, ходите, когда выспитесь. Во сколько: в семь, в восемь?

– Никак нет. В четыре ноль-ноль в штабе полка происходит уточнение боевой задачи на день, а затем, в четыре тридцать завтрак.

– Значит в четыре тридцать и мы будем завтракать. В столовую карту и принесите.

Я сопровождал генерала и его офицеров в гостиницу. Пожелал спокойной ночи и ушел спать. Утро вечера мудренее. Так говорит пословица, так думал я, но ошибся. Утром в столовой мною была сделана попытка показать

генералу карту с выделенной красным цветом охраняемой зоной. Размер зоны был восемь на четыре километра. Начальник даже не посмотрел на карту, как будто и разговора ночного не было. О наказании летчиков он тоже не вспоминал. После завтрака должно проводиться плановое совещание политотдела, которое обычно проводит начальник политотдела, а в этот день проводил член военного совета ВВС ТуркВО. Совещание не было совещанием в обычном смысле этого слова, это была жесткая выволочка, трёпка, порка неразумных и нерадивых. Генерал сам поочередно опрашивал офицеров политотдела о том, что они за моей спиной обо мне говорят. Офицеры отнекивались, отреклись от плохих слов, якобы высказанных в мой адрес когда-либо. Но генерал точно знал все, что они где-то что-то ляпнули о начальнике политотдела. Видимо помощники генерала ночью не спали, а как революционные чекисты искали компромат и вообще контру.

Так, пропагандист полка майор Петр Яровой, оказывается, жаловался друзьям, что начальник катается по нему, как асфальтоукладчик, т.е. плющит регулярно. Помощник по комсомольской работе капитан Сер-

гей Левчук в матерной форме кому-то жаловался, что его заели. Опросив моих подчиненных и нагнав на них жуткого страха, член военного совета переключился на меня. Первый вопрос был задан мне по партийным документам.

– Доложите различия между новым Уставом КПСС и старым.

– Устав партии знаю, а отличия нет. Прошло уже три года после внесения изменений на очередном съезде КПСС.

– Понятно, не знаете. Второй вопрос. Читаете ли вы художественную литературу и, в частности, книгу «Сын полка»

– Так точно, читал.

– Тогда расскажите, что сказал бойцам Ваня Солнцев, когда вернулся из Суворовского военного училища в свою батарею.

– Наверное, что война еще не закончилась. Воевать надо, а не учиться.

– Вот видите, товарищ подполковник, Устав КПСС не знаете, литературу не читаете, а офицеры политотдела о вас вообще неуважительно отзываются. Ваня Солнцев сказал бойцам: «Не показался я там». Запомните.

В ходе совещания генерал вертел в руках шариковую ручку. Паста в ручке разогрелась, вытекла и попала на пальцы. При отирании пота со лба и

носа, паста превратила лицо начальника в картину пастой. Я извинился за то, что перебил старшего начальника и тихонько прошептал ему про казус с ручкой. Совещание пришлось оперативно заканчивать, и вести генерала в свою комнату отмывать узоры на лице и знатном носу.

Приходим в мою комнату, а там друг Саня в повседневной форме одежды, т.к. он еще ничего не успел получить на складе, да и утро еще довольно раннее. Выволочку от высокопоставленного военачальника он получил сходу, без задержек и расспросов. Почему подполковник находится в комнате начальника политотдела, а не своей, почему в повседневной форме, почему вообще ничем не занят. Ответы подполковника Манько казались убедительными только ему самому и мне. Комната еще занята Валуевым, форму не получил, т.к. прилетел вчера к вечеру, а сегодня еще склады закрыты по причине раннего времени суток. К работе он уже приступил, ждет подполковника Валуева, с которым сейчас поедут знакомиться с гарнизоном.

Генерала не проведешь, он сразу разглядел «антипартийную сущность» подполковника, поэтому продолжил жесткую воспитательную работу, кото-

рую, видимо, стимулировал боевой синий раскрас лица и особенно носа. У моего старого друга Сани терпение закончилось, и он с сарказмом ответил, что готов выполнить любой приказ генерала немедленно без вступления в должность в повседневной форме и без оружия. После такой перепалки начальник приступил к удалению устрашающего раскраса, но водой этого сделать было невозможно, пришлось выделить ему флакон дефицитного одеколора «Красная Москва». Ну не спирт же, в самом деле, переводить на такой большой начальственный лик.

После такой напряженной политработы в боевой обстановке генерал убыл отдыхать, а его подчиненных офицеров пропагандист полка Петро Яровой повел в баню. Дальше у меня день был как день, только летать не стал, а то вдруг начальство еще пожелает про искусство поговорить. Оно ведь не может знать про мою действительно большую любовь к русской, советской и зарубежной литературе, которую мне уже в раннем детстве привила старшая сестра Вера и отец Фролкин Александр Михайлович – преподаватель русского языка и литературы.

Обыденно прошел обед в душноватой летней столовой, тем более, потому что разносо-

лов у нас не водилось. Вечером начальство улетало в Кабул. Стоя у открытой рампы самолета, генерал Улезько спросил меня вкрадчивым голосом: «Вы, товарищ подполковник, хорошо запомнили, что сказал Ваня Солнцев, когда вернулся в свою батарею?» Заняв стойку «смирно», отвечаю интерпретацией: «Так точно, товарищ генерал, запомнил: Не показался я Вам!».

«Правильно. Скажите спасибо своему заместителю Березкину, он доложил мне, что Вы ведете почти аскетический образ жизни, хорошо организовали политическую работу и много летаете на боевые задания. А иначе Вы бы сегодня со мной улетели из Афганистана. Еще запрещаю Вам с белуджами обниматься и вообще общаться, это не Ваше дело», – закончил диалог мой грозный и принципиальный начальник.

Не подавая на прощанье руки, генерал с офицерами поднялся по рампе в самолет, который вскоре взлетел и взял курс на Ташкент.

Генерал Улезько прилетал еще один раз в наш гарнизон. В апреле 1988 г. вышло Письмо ЦК КПСС партийным организациям по Афганистану. Его текст доводился до всех коммунистов на партийных собраниях. Доводить должны были члены воен-

ного совета армий, начальники политических отделов дивизий и бригад. Начальник политотдела ВВС 40 ОА полковник Саушин по телефону предупредил меня о том, что ко мне на следующий день прилетит генерал с письмом ЦК КПСС, надо его достойно встретить и не сердить. Нужно достать для генерала в военторге спортивный костюм фирмы «Адидас» 56 размера, пятого роста, а то у них в Кабуле это сделать труднее, т.к. начальства много, гостей тоже хватает. Что поделаешь, нужно доставать костюм для начальства, тем более, потому, что просит Саушин, с которым у меня были вполне нормальные отношения. Еду в военторг 70 ОМСБ, объясняю начальнику ситуацию. Он без проблем выделяет для нашего магазина такой костюм, кстати, на складе он был единственный такого размера. Ну, слава Богу, просьба выполняется. Привожу костюм вместе с фирменной вешалкой в свой гарнизон и вешаю на почетное место в генеральском номере гостиницы. К встрече готов.

На следующий день утром прилетает из Кабула самолет Ан-26 с генералом, но без свиты. Встречаю, докладываю обстановку и везу в гостиницу. По дороге Улезько приказывает спланировать максимальное

количество встреч с личным составом всех категорий. В клубе офицеров сначала встреча со свободными от боевых задач офицерами, затем с теми, кто сменился с дежурства и вернулся с заданий, отдельно в солдатском клубе с солдатами и сержантами. На следующий день спланировать вылет на вертолете в Лашкаргах, где он тоже будет доводить письмо. Задачу я понял, но рекомендую снизить плановую нагрузку, т.к. было уже очень жарко, днем в тени температура обычно выше +40 градусов, а в Лашкаргах предлагаю не летать, т.к. нужно планировать на перелет днем туда и обратно две «восьмерки» и две «двадцать четверки» прикрытия. Нагрузка на экипажи и так очень большая, так как боевой работы было много. Кроме того, лететь днем в грузовой кабине «восьмерки», это все равно, что в парилке хорошей бани с сухим паром.

Генерал оценил мою заботу о нем и даже поблагодарил, но настаивал на своем. Мы приехали в жилой городок, зашли в гостиницу, там я показал спортивный костюм, приготовленный для гостя. Костюм подходил только-только, что называется, впритык, но в общем начальнику понравился. Гость спрашивает, сколько стоит эта красота.

Отвечаю, что 120 чеков. Он достает и отсчитывает названную мною сумму. Немая сцена. Чеки старого образца, без красной полосы, они уже везде выведены из обращения. Объясняю это генералу. Он удивляется, расстраивается, снимает костюм и возвращает мне, т.к. нужных чеков у него нет. На нет и суда нет, тема закрыта. Угощаю начальника хорошим чаем с печеньем, затем мы с ним идем в клуб офицеров, где уже собраны офицеры, прапорщики, служащие СА.

Зал полон и в нем уже душно, хотя открыты все двери. Генерал читает письмо, затем комментирует его, объясняет политическую обстановку в мире и в Советском Союзе. Письмо люди слушали внимательно, в зале тишина. На лицах людей читалось недоумение. Идет война, они воюют каждый день, рискуя жизнью, еще не известно точно, когда вернуться на Родину, все ли вернуться, а тут вот письмо, в котором к нам обращается руководство страны как к уже вернувшимся на Родину. Хоть бы подождали такое принимать, пока мы возвратимся домой.

Генерал закончил читать и комментировать. Вопросы никто не задает, т.к., во-первых, жарко, во-вторых, письмо не

одобряют, а потому и не спрашивают. Я тоже не спрашиваю ни о чем, себе дороже, да и как начальник политотдела может не понимать письмо ЦК. После обеда и небольшой передышки, где-то часов в 16.00 встреча уже с солдатами и сержантами в клубе под открытым небом. Я пытался убедить начальника провести это мероприятие после ужина, вечером, когда уже не будет палящего солнца, но он настоял на своем, т.к. на вечер планировал еще одну встречу с офицерами.

Встреча с бойцами продолжалась всего минут двадцать, генералу стало дурно от жары, напекло голову, т.к. он снял фуражку. Мы переместились в гостиницу, где я оставил гостя отдыхать, а сам по его поручению довел письмо для освобожденных от дежурства и заданий офицеров и прапорщиков. Вечером мы договорились, что на следующий день генерал просто отдохнет, поплавает в бассейне, а я слетаю сам на боевом вертолете в Лашкаргах и там доведу письмо. Еще он очень деликатно попросил отметить в протоколах собраний, что письмо довел именно он. Конечно, у меня не было возражений, тем более, потому что вряд ли кто-то будет смотреть протоколы и журналы.

Утром по прохладе я снял парой «двадцать четверок» в Лашкаргах, довел письмо до всего личного состава вертолетного отряда и уже к обеду вернулся в Кандагар. Вечером генерал улетел в Ташкент на попутном Ил-76, на этот раз вполне доброжелательно со мной попрощавшись и поблагодарив за понимание. Что в этот раз повлияло на настроение начальника, не знаю. Может быть, костюм «Адидас», может быть еще что-то, но у меня поведение политработника такого высокого ранга до сих пор вызывает неodobritельное отношение.

**ОБРАЩЕНИЕ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
К СОВЕТСКИМ ВОИНАМ,
ВЕРНУВШИМСЯ ИЗ
АФГАНИСТАНА**

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР сердечно приветствуют вас – достойных сынов социалистической Отчизны. Вы вернулись на Родину, честно и мужественно выполнив свой патриотический и интерна-

циональный долг. По просьбе законного правительства вы защищали народ Афганистана, детей, стариков и женщин, мирные кишлаки и города, национальную независимость и суверенитет дружественной страны.

Своим ратным трудом воины всех родов войск снискали глубокое уважение советских людей, искреннюю признательность и благодарность афганского народа. Высокую стойкость и милосердие проявили врачи, медсестры, другие специалисты. В суровые дни боевых испытаний вы научились еще крепче ценить воинское братство, дорожить родительским домом, революционными и боевыми традициями советских людей.

Родина-мать, тепло и сердечно встречая вас, своих дорогих сынов, склоняет голову перед памятью павших, скорбит вместе с их близкими, родными, друзьями. В памяти советского народа навечно останутся подвиги и имена ваших боевых друзей. Наш священный долг окружить неустанной заботой и вниманием семьи погибших, инвалидов и раненых. Узы боевого братства и товарищества обязывают и вас быть всегда рядом с ними.

Выражаем вам сердечную благодарность за честное и беззаветное выполнение своих обязанностей на афганской земле, за высокий патриотизм и интернационализм. Мы уверены в том, что приобретенная политическая и боевая закалка поможет вам достойно выполнять свой воинский и гражданский долг, занимать активную жизненную позицию и вносить весомый вклад в дело перестройки, революционного обновления советского общества, военно-патриотического воспитания молодежи.

Желаем вам, дорогие товарищи, крепкого здоровья, счастья, новых успехов, славных свершений!

Родина гордится вами!

Родина благодарит вас!

Родина рассчитывает на вас!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КПСС

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СССР

КОМАНДИР ПОЛКА ИГНАТОВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ

Новый командир прилетел в Кандагар сразу из Ташкента, минуя Кабул. Это произошло 19 января 1988 года. Заместители командира полка и командиры частей обеспечения встречали командира на аэродроме. Он спустился по трапу из самолета на землю и спокойно, как-то не по-военному, прошел вдоль небольшого строя встречающих, поздоровался с каждым за руку. Представился просто – подполковник Игнатов Евгений Иванович. Все расселись по УАЗам и поехали в авиационный гарнизон.

Мы с Евгением Ивановичем были уже достаточно хорошо знакомы раньше по службе в Центральной группе войск, дислоцирующейся в Чехословакии. Командир познакомился со своими заместителями, командирами частей, всех подразделений полка и приданных подразделений. Довольно быстро ознакомился со всеми объектами на территории городка. Раскачиваться и долго заниматься приемом – передачей дел и должности не было времени. Заместители

командира полка подполковники О.Валуев и С.Ермаков в соответствии с летными законами давно не имели право летать. У них закончились сроки прохождения ВЛК (Врачебно-летная комиссия) и сроки отпусков. Они реально были измотаны до предела морально и физически, поэтому их нужно было отправлять домой – в Союз, а самому быстро врататься в обстановку и командовать полком, ведущим круглосуточную боевую работу.

Вместе с Игнатовым прилетел из Ташкента полковник – старший инспектор. Вечером собрались в комнате командира, что называется, узким кругом: Игнатов, Манько, инспектор и я. После непродолжительного скромного ужина, мы остались вдвоем с командиром и поговорили об обстановке, которая сложилась в полку. Вертолетный полк, с приданными ему двумя эскадрильями фронтовой авиации, полностью укомплектованный подготовленными военными служащими и новой авиационной техникой, несколько месяцев воюет без командира. Тяжелые потери, понесенные в 1987 г., недостойное поведение некоторых полковых начальников создавали неблагоприятную моральную обстановку среди офицерского состава. Мы решили, что эту обстановку необ-

ходимо менять коренным образом, а для этого нужно много работать всему новому составу управления, а нам быть примером в поведении. Эту нашу договоренность мы исполняли всегда. Могли о чем-то поспорить, не соглашаться друг с другом, даже немного обидеться, но в личном поведении и в важных служебных вопросах мы были принципиальны и единокорны. Наше взаимопонимание, самодисциплина и самоорганизанность помогали создать благоприятную и доброжелательную обстановку в офицерском коллективе полка, поддерживать крепкую воинскую дисциплину, свести к минимуму потери людей и боевой техники, и как конечный результат, выполнить все боевые задачи.

Евгений Иванович быстро вошел в боевую обстановку, разобрался в структуре, особенностях командования полком и приданными частями. Он выполнил несколько ознакомительных полетов в районе аэродрома

и стал очень активно принимать участие в боевых вылетах. Несколько вылетов мы выполнили в паре на Ми-24, а затем он чаще летал в паре с А.Н. Манько. Один из первых совместных боевых вылетов состоялся в конце января. Спецназу ГРУ нужно было провести разведку в горном районе восточнее Кандагара. Полет был опасным, т.к. район фактически не контро-

9 мая 1988 г. Командир полка подполковник Игнатов Е.И. ставит боевую задачу

лировался правительственными войсками и довольно продолжительное время командование не имело разведанных об обстановке в связи с ограничением количества вылетов авиации.

Наш полет выполнялся по обычной схеме поиска караванов. Впереди две «восьмерки» с группой спецназа на борту, а мы с Игнатовым парой «двадцатьчетвертых» прикрываем сзади. Вертолеты несутся на предельно-малой высоте по очень узким извилистым ущельям, вдоль горной дороги, иногда переходящей, что называется, в козью тропу. В соответствии с рельефом она иногда резко ныряет вниз, тогда и вертолеты оседают вслед за ней. Карабкается дорога вверх на перевал, мы берем ручку управления на себя, выскакиваем с кабрированием над острым горным гребнем, а затем с замира-

нием сердца ухаем вниз – пикируем вдоль древнего караванного пути. При крутых изгибах ущелья заваливаем вертолет в крен, огибая скалы и снова приличный стресс, т.к. не знаешь, что ждет за поворотом. Бортовое вооружение всегда готово к применению, включены все главные и блокировочные выключатели, откинут защитный колпачок на боевой кнопке. В эфире и кабине вертолета полная тишина, не до разговоров.

Так летаем около полутора часов, тщательно контролируя остаток топлива. Солнце уже высоко в зените, и даже в узких глубоких ущельях нет тени. Пейзаж вполне марсианский и полное безлюдье кругом. К кишлакам, прилепившимся как гнезда ласточек, к горным склонам и к зеленым зонам не приближаемся, т.к. с высокой вероятностью оттуда можно получить порцию свинца, а то и залп из гранатомета. Выполнение этого полета дает возможность десантникам понять обстановку в ос-

мотренном районе. Завершив разведку, возвращаемся на аэродром.

После полета подхожу к Игнатову, интересуюсь впечатлениями от первого боевого вылета. Слышу ошеломляющий ответ: «Да! Серьезный полет. Только две сигареты успел выкурить». Этому факту остается только удивляться. В таком полете отвлечься даже на секунду невозможно, а он умудрился как-то прикурить, выкурить целиком сигарету и потом загасить окурочек. Курить на борту вертолета нельзя, в кабине боевого вертолета почти невозможно, но заядлые курильщики, особенно много летавшие инструкторами, следовательно, часами не выходящие из кабины, все-таки делали это. Впоследствии мы выполнили еще несколько совместных боевых вылетов на боевых вертолетах, а затем летали вместе только для решения сложных задач. Обычно если командир летал на транспортно-десантном Ми-8, тогда я поднимался парой Ми-24 на сопровождение и прикрытие.

Для командира авиационного, тем более вертолетного полка, личные вылеты на задания являются важнейшей составной частью его боевой деятельности. Он должен уметь летать

во всех тех условиях, в которых летают его подчиненные, причем не только летать, но и учить подчиненных наиболее сложным видам полетов и боевого применения. Командир полка может и обязан вести свой полк в бой. От обязанностей контроля и управления жизнедеятельностью подчиненных на земле тоже никто не освобождает командира полка, даже если он много времени проводит в воздухе. На земле забот полон рот. Только успевай поворачиваться и вникать в состояние авиационной и специальной наземной техники, в наличие всех видов материальных запасов, в состояние воинской дисциплины и т.д. Рабочий день командира начинается в 04.00 утра с уточнения боевой задачи на день, а заканчивается в 20.00 постановкой задачи на следующий день. Понятие «рабочий день» на войне является весьма условным. Ответственность за подчиненные части, за жизнь солдат и офицеров, за выполнение боевых задач распространяется на командира круглосуточно.

9 мая 1988 г. Вручение боевых орденов лётчикам дежурного звена. Вручает представитель ГШ МО СССР в присутствии командования полка

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

Восхищаюсь выдержкой и стойкостью советского солдата, который полтора года находился в очень тяжелых условиях жизни. Один-два раза в месяц, а то и реже получали ребята весточки в виде писем от родных, которые доставлялись в удаленные гарнизоны только почтовым вертолетом. За все время службы в Афганистане отпусков им не полагалось, видимо, дорого отпуска обходились бы, да и возможностей авиации не хватало. Бойцы срочной службы из спецназа ВДВ частенько участвовали в боевых действиях, теряли товарищей. Офицеры могли перехватить спирта или самогона после стрессовой ситуации, а солдату все это было недоступно. Наши авиационные солдаты и сержанты в боевых действиях непосредственно не участвовали, но тягот и лишений воинской службы им тоже хватало. Они жили и зимой и летом в армейских стандартных многоместных палатках. Летом у палаток поднимались вверх и подвязывались стенки, т.е. они превращались в шатер, дающий тень, а в летний период температура в тени в Кандага-

ре достигала +50 градусов С.. В жаркий период от обеда ребята отказывались. Завтракали по норме, а на ужин съедали все то, что предназначалось на обед и ужин. Из развлечений главными были настольные игры и два раза в неделю кинофильмы, в так называемом солдатском клубе. На самом деле, солдатский клуб – это деревянные скамейки, вкопанные в землю, и экран – белое полотнище, укрепленное на столбах. В связи с подготовкой авиационных частей к выводу из Афганистана, офицеры освобождали некоторые жилые модули, в которые и переселялись солдаты и сержанты.

С воинской дисциплиной солдат и сержантов срочной службы особых проблем не было. В самовольную отлучку ходить некуда, алкоголя взять тоже негде. В авиационных эскадрильях солдат мало, они всегда под пристальным вниманием офицеров и прапорщиков. Но всегда находятся личности, которые в любой обстановке приносят проблемы и командирам и себе. Был и у нас в одной из эскадрилий один такой воин-интернационалист. Он конфликтовал с товарищами, совершенно не реагировал на увещания командиров, а однажды пытался продать афганцам авиационный

керосин. Откомандировать из Афганистана офицера или прапорщика с лишением льгот проблем не представляло, а вот солдата не возможно, что бы они ни творили. Судьба жестоко наказала этого человека. Однажды он решил пробраться в так называемый, отстойник, где останавливаются автомашины-наливники, и отдыхают водители между рейсами. Пополз парень под ограждение аэродрома, подорвался на противопехотной мине, оторвало ему ногу, упал, перевернулся на бок, оторвало руку. Вот так и повезли домой «героя» без одной ноги и одной руки.

Такие случаи были единичными. Большинство ребят служили достойно. В рамках своих служебных обязанностей обладали достаточной самостоятельностью. Водители, стрелки роты охраны, специалисты связи, авиационные механики различных видов авиационного оборудования были солдатами и сержантами срочной службы. Конечно, в матушке-пехоте или воздушно-десантных войсках служба была гораздо тяжелее, но известно, что срочная военная служба везде не мёд.

Командование полка, эскадрилий и солдаты, увольняемые в запас

НОЧНОЙ ОБСТРЕЛ

Моджахеды не давали нам покоя ни днем, ни ночью, особенно в дни и ночи с плохой видимостью, чаще всего в пыльные бури. Они подвозили на автомашинах минометы близко к аэродрому, выпускали несколько тяжелых мин с одного места, быстро перебирались в другое, обстреливали нас снова и перемещались дальше. Спокойная тихая ночь или вечер, идешь по спящему жилому городку, вдруг над головой раздастся шлепающий звук, а затем в какой-либо части городка или аэродрома яркая вспышка и гулкий взрыв. После таких обстрелов у инженерно-технического состава частенько появлялась масса работы по восстановлению поврежденных вертолетов, а иногда кто-то получал осколочное ранение.

Однажды поздно вечером мне позвонили с командного пункта и сообщили, что в результате обстрела аэродрома горит самолет Су-25. Я вызвал автомашину, быстро оделся, схватил автомат и постучал в дверь комнаты командира. Он не отозвался, значит, его нет. Мчусь на стоянку Су-25, она распола-

гается на самом дальнем конце аэродрома в обвалованиях. Горящий самолет видно издалека. Подъезжаем. Метров за сто останавливаемся, ближе опасно. Водитель остается в кабине, а я иду к самолету. В ярком свете горящего самолета на бетоне рулѐжной дорожки видны две широкие кровавые полосы. Еще не знаю, почему они возникли, но уже становится тоскливо от огромного количества потерянной кем-то крови. Невдалеке от горящего самолета стоят два офицера Игнатов и командир обато Кафтаев. Они покуривают и спокойно наблюдают за тем, как быстрое пламя, временами становящееся нестерпимо ярким от горящего магния, пожирает боевой штурмовик. Вдруг раздается очень сильный грохот. С пилона горящего самолета срывается тяжелая ракета С-24 и словно хвостатая комета уходит в черноту ночи. От неожиданности и естественного чувства самосохранения, падаю на рулѐжную дорожку, распластываюсь на ней, непроизвольно пытаюсь вжаться в бетон. Боковым зрением вижу, что два командира при этом даже не шелохнулись. Мне неловко за себя, выходит, я один такой трусливый. Поднимаюсь, отряхиваю одежду, подхожу, спрашиваю: «Отцы-командиры, а

вы чего не укрываетесь? Убьет!». Кафтаев пренебрежительно хмыкнул, а Игнатов спокойно докуривает сигарету и отвечает: «Не, эта последняя ракета была, а до нее уже три сошли, и ничего». Комментировать нечего, это еще круче, чем выкурить две сигареты в Ми-24 во время боевого вылета по «духовскому» ущелью. Спрашиваю, отчего горит самолет и почему столько крови на бетоне.

Оказывается, на аэродром упал некондиционный снаряд системы залпового огня «Град», который работал по кандагарской зеленке через аэродром. Снаряд взорвался рядом с самолетом, убив солдата – часового из роты охраны. Часовые, прибежавшие с других постов, волоком оттащили безногого, истекающего кровью бойца в сторону. От взрыва воспламенился самолет, взорвался боекомплект. Тушить самолет было невозможно, т.к. он был полностью заправлен топливом и имел на подвесках четыре ракеты. Пока мы разговаривали, подъехало два УАЗа с командиром 70 ОМСБр полковником Никулиным Виктором Анатольевичем и его начальником артиллерии. Подчиненные командованию бригады системы залпового огня работали через аэродром. Значит ответственность за ги-

9 мая 1988 г. подполковники В. Фролкин; Н. Головатюк; Е. Игнатов

бель солдата и сгоревший штурмовик на командовании бригады. Командиры разговаривают о происшествии. Обломки реактивного снаряда, разорвавшегося на стоянке самолетов, валяются кругом. Ситуация для всех присутствующих очевидна. Никакого обстрела со стороны моджахедов не было. Вина артиллеристов тоже сомнительна, т.к. только один снаряд упал на аэродром, а остальные долетели до цели. Значит снаряд некондиционный, и кто будет с этим

разбираться, кто что докажет?

Капитан – начальник артиллерии бригады собирает обломки снаряда и показывает их командиру бригады и нам. Он держит в руках вещество серого цвета, частично сохранившее форму снаряда, и говорит, что вот нашел какую-то пластмассу или резину. Он удивляется тому, что в реактивном снаряде составной частью является пластмасса. Командир бригады насмешливо отзывается на рассуждения подчиненного: «Ты начальник артиллерии, ты и должен разобраться и доложить мне, что это за пластмасса или резина». По ходу разговора командиры приходят к выводу, что в штаб армии нужно докладывать об обстреле аэродрома «духами». Так проще для всех, разборов никаких не будет. Что касается часового, то он героически погиб на войне, выполняя воинский долг. В этом нет, и не может быть никаких сомнений. Никулин и Игнатов поехали на командный пункт докладывать в Кабул о ЧП, а мы с командиром ОБАТО поехали отдыхать.

Утром узнаем от Игнатова продолжение истории некондиционного РС. Любознательный начальник артиллерии бригады принес обломки снаряда в кабинет начальника штаба. Там положил их на стол и в присутствии

офицеров управления бригады стал доказывать, что серое вещество является какой-то пластмассой или резиной от корпуса ракеты. Он достал зажигалку и стал поджигать вещество, а не менее любознательные офицеры, в т.ч. сам начальник штаба, сгрудились вокруг стола, подсказывая, как лучше поджигать непонятную серую хреновину. После непродолжительного поджога на пламени зажигалки, хреновина полыхнула так, что офицеры опрометью кинулись из кабинета, толкаясь и матерясь. Кабинет начальника штаба бригады серьезно пострадал, сгорели секретные карты с оперативной обстановкой и другие документы, разложенные на столе. Видимо начальник артиллерии был в училище махровым троечником, поскольку не смог отличить твердое ракетное топливо от чего-либо иного.

НАДОЕЛО ВОЕВАТЬ

В начале 1988 г. в Женеве велись четырехсторонние переговоры о политическом урегулировании вокруг ДРА, главным условием которого был вывод советских войск. Боевые действия со стороны оппозиции зимой заметно снижались. По

распоряжению руководства войска ограниченного контингента снизили свою активность. Полеты вертолетов выполнялись по обычным повседневным задачам, а именно: облет охраняемой зоны, ночное прикрытие аэродрома, почтовые рейсы, вывоз больных и раненых с постов и застав. В это время, видимо по рекомендации ЦК КПСС, в войска стали чаще прилетать с концертами эстрадные артисты. Мы их встречали всегда с радостью и очень тепло. Мне всегда удавалось узнавать раньше, чем мотострелкам о прилете артистов. Я встречал артистов на аэродроме и размещал их у себя в авиационном городке. В результате этих перехватывающих действий мы получали больше концертов, чем пехота. Мой коллега – начальник политического отдела 70 ОМСБр обижался, просил меня не партизанить, т.к. это он старший политработник гарнизона и именно он должен распределять количество и порядок

проведения концертов. Приходилось делать виноватую мину, соглашаться, но когда прилетали очередные артисты, мы их снова перехватывали. Не мог мой политотдел обеспечивать справедливость в ущерб летчикам.

Особенно тепло мы встретили Николая Гнатюка. Он в то время был очень популярным исполнителем песен. Все любили его песни: «Малиновый звон», «Барабанщик» и многие другие. У нас он провел со своей группой три концерта. Это был праздник для всех категорий военнослужащих и служащих. В зале были установлены дополни-

Концерт Николая Гнатюка в мае 1988 г.

тельные скамейки, которые солдаты принесли из столовой. Все двери и запасные выходы были открыты, так что опоздавшие люди смотрели выступления прямо с улицы. Сам Николай Гнатюк исполнял свои знаменитые песни, а его ансамбль нам впервые исполнил песню: «Боевым награждается орденом». Песня была принята на Ура.

После концерта мы пригласили Гнатюка в лучшую баню с бассейном, угостили хорошим ужином со спиртиком, который он, кстати, не очень жаловал, видимо связки голосовые берег. Николай Васильевич был довольно прост в общении, не проявлял никакого высокомерия и чванства. Это позволило нам нарядить его в летное обмундирование, надеть на голову тяжеленный шлем, посадить в кабину боевого вертолета и фотографироваться с ним. Фотографированием занимался помощник по комсомольской работе капитан Сергей Левчук. Он должен сделать больше фотографий и отпечатать их до отлета Гнатюка. Левчук перестарался явно. Стремясь сделать фото получше, он беспощадно комбинировал при печатании. Вся эта халтура явно проявилась на готовых фотографиях, а переделывать их уже было некогда, т.к. артисты улетаели. Я сунул

Гнатюку конверт с фотографиями уже у самолета, он их в этот момент не успел рассмотреть. Надеюсь, что потом он все понял и простил нам нашу наивность, тем более что некоторые фотографии были все-таки отпечатаны без монтажа. Потом в наш полк приезжали менее известные артисты из рязанской филармонии. Ничего особенно популярного они нам не показали, но все-таки вносили в жизнь отдаленного воюющего гарнизона разнообразие и отвлечение от напряжения боевых будней. В разгар концерта, без всякого объявления со стороны конференсье, на сцену выскочили два офицера в полевой камуфлированной форме. Они остановили концерт и обратились к залу: «Товарищи! На операционном столе госпиталя сейчас находятся двое тяжелораненых. Срочно нужна кровь. Группа нулевая первая, резус отрицательный. Мы вас отвезем туда и обратно. Мужики, очень срочно!». В зале поднялись несколько человек и поспешили к выходу. Все в зале поднялись на ноги и аплодировали, пока ребята выбирались из зала. Концерт продолжался.

КОМБРИГ НИКУЛИН

В конце февраля 1988 г. командира полка с КП авиации 40 ОА попросили срочно вывезти из района боевых действий в основное расположение 70 ОМСБр командира бригады – полковника Никулина Виктора Анатольевича. Боевая группа под его командованием проводила локальную операцию в районе н.п. Каджаки южнее одноименного водохранилища. Прибыл сменщик комбрига – полковник Гришин Николай Николаевич, необходимо передать ему дела и должность. Игнатов решил лететь за комбригом сам на Ми-8, а прикрывать на боевых вертолетах полетела моя пара. Боевая группа бригады располагалась в каменистой пустыне на стыке караванных путей. «Восьмерки» приземлились в центре боевых порядков бригады, а мы барражировали над ними на малой высоте в течение 10-15 мин.

Под нами в полевом лагере мотострелков, очерченном по периметру броней, т.е. танками, БТРами и БМПешками, шла внешне неторопливая жизнь. Дымились полевые кухни, возле которых трудились повара и кухонные наряды. Из полевой

бани, состоящей из специальной машины и большой палатки, выходили небольшие группы бойцов без гимнастеров и бушлатов в одних белых нательных рубашках. Механики – водители хлопотали у своих бронированных грязных и обшарпанных машин. Боевые действия не заметны, все вроде бы мирно и спокойно, но мы хорошо знаем обманчивость этого впечатления, т.к. каждый день происходят стычки, обстрелы, подрывы на минах.

Игнатов лаконично сообщает по радио, что погрузка закончилась, они взлетают. Пыли при взлете почти нет, камень кругом. Вертолеты отрываются от земли и, опуская носы, с ускорением разгоняются почти без набора высоты, едва не задевая носовым колесом башни танков и БТРов. Мы пристраиваемся сбоку – сзади и, ощупывая взглядом через прицел окрестности, несемся над неприветливой каменистой пустыней. Прилетели на аэродром, приземлились, выключили двигатели. Перевариваем впечатления от увиденного. Да, братцы! В очередной раз убеждаюсь, что служба в пехоте явно не мед.

Через несколько дней я улетаю в Союз в профилактический десятидневный отпуск на попутном Ил-76. Игнатов и Манько собирались в боевой вылет

со спецназом, но почли долгом проводить меня до самолета. В самолете ждали вылета несколько пассажиров, в основном наши авиационные офицеры – отпускники и с ними полковник Никулин В.А. Он провоевал в Афганистане почти три года, выглядел немного растерянным, не видно было особой радости от замены на его худощавом обветренном лице. Наверное, полковник еще не понял и не ощутил, что война для него закончилась. В полупустом Иле прохладно и светло, лететь довольно комфортно. Всего через пару часов наш самолет приземляется в аэропорту Ташкента. Хочется скорее улететь домой, встретиться с семьей.

В залах аэропорта народу немного, очередей у касс не видно. Подхожу к кассе, прошу билет на Киев, объясняю кассиру, что у меня маленький отпуск, что я лечу из Афганистана к семье. Все мое красноречие, наверное, очень убедительно, но ответ лаконичный и холодный. Билетов на ближайший рейс до Киева нет, до Москвы тоже. Помочь мне кассир ничем не может. Самолет на Киев через пару часов, а следующий только через сутки. Решительно иду на второй этаж к коменданту. Помощник коменданта капитан лаконичен и деловит, ему некогда, и раз в кассе нет биле-

тов, то, значит, их и нет нигде. Я растерян. Что же делать? Как быть? Бреду куда попало по пустынному залу аэропорта, останавливаюсь у огромного табло с расписанием рейсов самолетов. Ко мне подходят два знакомых офицера, попутчики и сослуживцы, с которыми у меня происходит короткий диспут.

– Что, Владимир Александрович, билетов нет? Так не мучайтесь. Идите к кассе возврата билетов, положите в паспорт белый чек на десять рублей и все будет в порядке.

– Нет у меня чеков.

– Наверняка везете в подарок женские колготки, так пожертвуйте одну пару, если хотите домой попасть.

– Спасибо, мужики, попробую.

Они смеются и уверенно подбадривают:

– Идите, идите. Все будет нормально, спасибо нам потом скажете, мы же не первый раз так улетаем.

С недоверием в душе иду к указанной кассе возврата билетов. Подаю в окошечко паспорт с вложенными в него красивыми белыми с золотистым рисунком женскими колготками в фирменной упаковке и воинским требованием на перевозку пассажира. Прошу билет до Киева. Приветливая дама – кассир забирает мой паспорт и велит

подойти через полчаса. Брожу по аэропорту, с нетерпением жду наступления указанного кассиршей срока. Сталкиваюсь нос к носу с унылым комбригом Никулиным. Он жалуется, что самолет на Алма-Ату через несколько часов, а билетов нет. Комбриг в недоумении, откуда столько желающих улететь из Ташкента в Алма-Ату. Он удивлен тем, что для полковника, да еще с афганским льготным удостоверением, нет места в самолете. Рекомендую подойти к знакомой кассе, вложив в паспорт десять чеков. Никулин, недоверчиво выслушав меня, идет к кассе и с улыбкой возвращается уже через пять минут: «Сказали через полчаса подойти». Идем в кафе, выпиваем по чашке кофе и паре рюмок коньяка. Наше время подошло, спешим к кассе, которая предназначена для возврата билетов. Все в порядке, получаем билеты: я до Киева, а боевой вояка – комбриг до Алма-Аты. Мы обнимаемся на прощанье, т.к. мне уже надо идти на регистрацию и посадку.

Всем воевавшим в Афганистане известно, что выбраться из Ташкента было невероятно трудно. Солдаты-дембеля в основном уезжали поездами, и можно только представить себе, что творилось в этих поездах с плацкартными и общими вагонами, идущими по несколько

суток в Москву и другие центральные города Советского Союза. Офицеры улетаали самолетами, на которые билеты продавались только через взятки. В советских СМИ где-то в 1986 или 1987 г. прошла информация о ситуации в ташкентском аэропорту, о взятках и поборах, о расследовании, массовом снятии с должностей и возбужденных уголовных делах. Но вот прошло немного времени и все возобновилось, пусть за десять чеков или за мелкие безделушки, но ведь и билетов-то свободных было предостаточно.

У нас, воевавших в Афгане, было обостренное чувство справедливости, желание того, чтобы у живущих в нашей мирной стране людей было к нам уважение и минимальное внимание. Острее замечаешь и чувствуешь несправедливость и невнимание, цинизм и равнодушие по отношению к людям, прошедшим через тяжелые испытания войны. Над этими и подобными фактами придется еще не один раз рассуждать в своей жизни. Тема сложная и глубокая. В этих воспоминаниях не стану в неё углубляться. Утешу себя временно тем, что я не первый и не последний.

МОЙ ДОМ

Через несколько часов я уже был в Киеве на железнодорожном вокзале. Поездов в Житомирском и Винницком направлении много, поэтому не сразу, но все-таки уезжаю. Дома радость от встречи с женой и детьми. Никуда не хочется выходить из квартиры и не видется ни с кем, кроме семьи. Но, узнав о моем прибытии в отпуск, приезжает брат жены со своей женой и отдыхает у нас ровно до окончания моего отпускного времени. К нам заходят почти каждый день сослуживцы и друзья. Командование полка просит встретиться с людьми и рассказать про обстановку в Афганистане. Общаюсь, встречаюсь, рассказываю и злюсь от того, что делаю то, чего делать в эти драгоценные дни никак не хочется. Время пролетело очень быстро, рано утром уезжаю в Киевский аэропорт и дальше в афганское пекло. В последнюю ночь мне спится плохо, встаю рано, пью чай и уже одетый собираюсь уходить. Все мои родненькие проспали мои сборы, сын проснулся, расстроился, что не провожает меня, разбудил мать, та тоже охает,

что проспали. В душе сержусь, но понимаю, что не стоит этого делать, т.е. обижаться. Хорошо, что проводов долгих нет, а то начнешь сам себя жалеть. Целую спящую дочь, обнимаю жену и сына и буквально убегаю из родной квартиры. В душе я уже на войне, почти дома – в жарком Кандагаре.

ШТУРМАН, КУРС!

Вмарте на юге Афганистана уже довольно жарко. Иногда еще появляются кучево-дождевые облака, но со стороны с высоты птичьего полета видно, что дождевые струи от них не доходят до земли и испаряются в воздухе от жаркого дыхания песков. Пустыня подернулась нежной зеленью молодых кустов верблюжьей колючки. В долинах рек активизировались земледельцы, они пахут землю на худых волах, по утрам перепускают воду из арыков на засеянные поля. После пасмурных зимних месяцев становится сразу очень много солнца, которое, как известно, положительно воздействует на психику человека и по моим наблюдениям притупляет чувство опасности. Активизировалась боевая деятельность противоборствующих

сторон. По докладам нашей разведки, караваны с оружием и боеприпасами вновь потянулись из Пакистана через границу по караванным путям Афганистана. Душманы сменили тактику и вместо больших караванов применялись мобильные группы из 3-5 автомобилей высокой проходимости с хорошо подготовленными бойцами для их защиты.

Одна группа спецназа как-то ночью удачно перехватила небольшой караван из нескольких автомобилей с военным грузом. Машины в ходе боя сожгли, сопровождающую охрану уничтожили, трофеев взяли много, но одна машина все-таки сумела оторваться и уйти по ущелью в горы. Преследовать ночью уцелевшую машину десантники не стали. С рассветом спецназовцам нужно подвезти боеприпасов, а трофеи забрать и вывезти на аэродром.

Мне нужно лететь на прикрытие в составе группы. Коротко обговариваем с экипажами и старшим группы десантников план полета и возможного боя. Полетим в обычном боевом порядке, т.е. «восьмерки» впереди, а «двадцать четвертые» прикрывают сзади – сбоку. Перед входом в ущелье боевые вертолеты выходят вперед и, если потребуется, подавляют «духов».

Кроме того, после приземления «восьмерок» мы должны обшарить прилегающие ущелья, т.к. уцелевшая машина находится где то рядом.

Узнав про вылет, в мой экипаж записался старший штурман полка подполковник Мансур Хабибуллин. Он прибыл в Афганистан две-три недели назад, стремился больше летать, проявлял интерес к реальным боевым вылетам. Возражений против совместного полета у меня не было, времени на подготовку тоже, следовательно, опытный штурман пригодится. Провожу с ним короткий инструктаж: «Главное внимание на обнаружение группы спецназа, на постоянную готовность к боевому применению, своевременный отстрел АСО в опасных местах, а когда мы будем вести группу, наступает наша ответственность за воздушную ориентировку. Все готовы. По вертолетам. От винтов! Выруливаем. Взлетаем».

По широкой долине летим на северо-восток в обычном боевом порядке. При подлете к нужному ущелью перестраиваемся: мы – боевые выходим вперед, «восьмерки» сзади. Горы здесь невысокие и пологие, но тем не менее, требуют большого внимания и отличной летной подготовки. Видимость ограничена

изгибами ущелья, опасность может возникнуть неожиданно за любым поворотом или за любым огромным валуном. Десантники, услышав гул вертолетов, зажигают пашки с оранжевым дымом.

Ущелье, по которому мы летим, разветвляется на несколько мелких. В месте разветвления образовалась котловина диаметром около двухсот метров. Здесь, судя по многим признакам, и состоялся ночной бой. Остовы нескольких автомобилей еще догорали и чадили. Изредка там, среди горелого металла что-то взрывалось и разносило во все стороны мелкие обломки. Пленных в ночном бою, видимо, не брали, на земле валялись только их останки. Самая неприглядная картина скоротечного жестокого боя. У десантников отличное настроение, караван сожгли, «духов» покروшили, взяли много трофеев. Жалеют только, что не всех взяли.

«Восьмерки» сходу приземляются на место ночного боя, а прикрытие, как обычно, становится в круг над ними. Командир группы спецназа по радио просит обследовать ущелье, по которому ночью оторвалась «духовская» автомашина. Задача опасная. Кто знает, где они притаились и откуда долба-

нут по тебе из гранатомета или ДШК. В узком ущелье мы являемся отличной целью для любого вида оружия. Со скоростью 150–160 км/час виляем по ущелью, огибая выступы и повороты, а уже минут через 5–6 заканчиваем опасную операцию поиска. «Духи» не дураки, чтобы засвечиваться, если и стоят где-то неподалеку, то хорошо замаскированы. Еще гасим скорость и «блинчиком» разворачиваемся на обратный курс.

«Восьмерки» уже заканчивают погрузку обильных трофеев, бортовые техники закрывают двери, к взлету готовы. Мы проходим вперед и летим через знакомое ущелье в сторону широкой долины. «Восьмерки» взлетают, пристраиваются сзади нас и докладывают об этом по радио. Опасность для нас не миновала, палец правой руки всегда у открытой боевой кнопки, окрестности осматриваем через прицел. Мы всегда готовы к немедленному боевому применению. Уже видно, что скоро выскочим из ущелья в оживленную широкую долину, где опасность снижается. Мой штурман весь полет молчит, как будто плохо или совсем не слышит: «Штурман! Курс!» Не слышит. Я знаю курс и сам, но его должен контролировать и постоянно корректировать штурман. Сер-

дито и громко кричу: «Штурман! Курс!»

Хабибуллин наконец-то сообщает мне курс, но только с ошибкой на 180 градусов. Максимально спокойно уточняю: «Не торопись, дай правильный курс. Где мы находимся?» Увы, старший штурман полностью потерял ориентировку, растерялся и не понимает, где мы находимся. Это в боевом-то вылете.

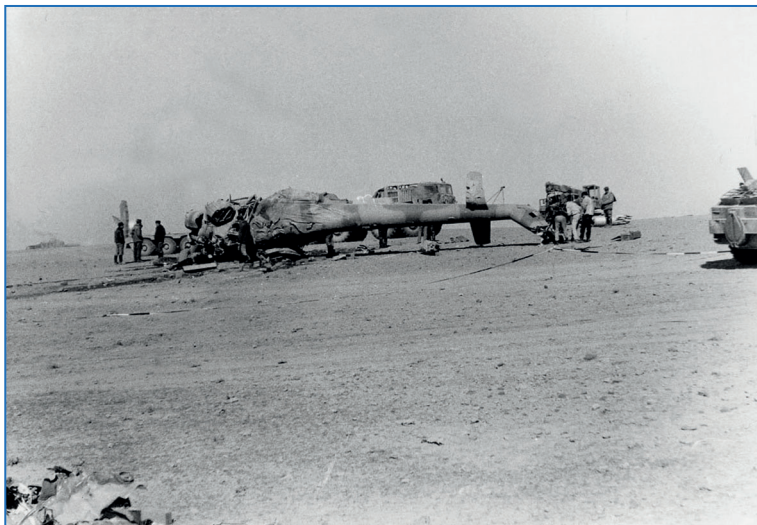
Между тем наши вертолеты выскакивают из тесного ущелья в долину. Нужно уже разворачиваться в сторону аэродрома, брать точный курс. Даже если экипаж потерял бы ориентировку, проблем быть не должно, т.к. в долине хорошо работает радиокompас и стрелка его указателя сама показывает точное направление полета. Разворачиваю свой вертолет вправо и даю команду ведомым перестроиться в обычный боевой порядок. «Восьмерки» выходят вперед, и теперь уже их ведущий ведет группу. Через двадцать минут приземляемся на своем аэродроме. Вылет закончился и в этот раз успешно.

В стороне от посторонних глаз и чужого уха серьезно отчитываю старшего штурмана полка. Сам напросился в боевой полет, но к нему совершенно не подготовился, визуальную ориентировку вел плохо, мне совер-

шенно не помогал в полете. Понятно, что первый настоящий боевой вылет, была опасность, неприятное зрелище после ночного боя, но по нам никто не стрелял. Если лётчик хорошо изучил район полетов по карте, а в полете запомнил характерные ориентиры, то всегда прилетит куда надо. С нас никто не требует точности соблюдения линии пути, но нам нужно всегда понимать, где мы и где аэродром. Хабибуллин самолюбив, он молчит, но по нему видно, что это молчание ему трудно дается. Ничего, пусть делает выводы.

Думаю, что какие-то выводы он сделал, но убедиться в этом лично мне уже не пришлось. Штурман больше не просился летать со мной, но, очевидно, он старался участвовать в опасных заданиях. Чаще всего старший штурман летал с эскадрилей, обеспечивающей работу спецназа, а с ней летать всегда опасно.

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Обломки вертолёта Вахрушева

извольно вытягиваются в цепочку, и при этом перестают на какое-то время видеть тех, кто сзади. На предельно-малой высоте отстрел АСО является бессмысленным, т.к. они быстро падают на землю и там сгорают. Опытные моджахеды все это знают и успешно пользуются этими слабостями противоракетной защиты вертолетов. Самым слабым звеном в таких ситуациях оказывается замыкающий, т.к. в развороте его никто не прикрывает.

В этот раз замыкающим был капитан Александр Беляев, в экипаже которого летел штурманом подполковник Мансур Хабибуллин. Управляемая ракета ПЗРК «Стрела» вошла в стык фюзеляжа и хвостовой балки вертолета, не оставляя экипажу ни малейших шансов на спасение. Вертолет разломило взрывом, оставив его без хвостовой балки. Уже неуправляемый, он становится вертикально, падает на землю, взрывается и полностью сгорает. Эту жуткую картину наблюдает десантник-пу-

леметчик, который сидит за пулеметом на створках грузовой кабины ведомой «восьмерки». Он сообщает экипажу, а потом уже на земле рассказывает в деталях об увиденном. Командир группы вертолетов майор Вячеслав Балашов молотит из всех видов вооружения по подозрительной отаре овец, из которой, по его мнению, был выпущен ПЗРК. Он разносит всю отару в клочья и только после полного расстрела боекомплекта догоняет «восьмерки» и возвращается на аэродром. Через непродолжительное время на место падения вертолета летит командир эскадрильи подполковник Сергей Косенков. Он и привез на аэродром останки Беляева и Хабибуллина. На следующий день мы с воинскими почестями проводили их на Родину. Авиационный гарнизон тяжело переживал потерю, но боевая работа не утихала, а наоборот нарастала в связи с активизацией боевых действий.

Русская суеверная поговорка: «Беда одна не ходит» в полной мере оправдалась в наших авиационных частях. Два экипажа вертолетов МИ-8 выполняли обычную задачу по перевозке больных и раненых бойцов из района боевых действий мотострелковой бригады. В сопровождении боевых вертолетов

«восьмерки» прилетели засветло в расположение боевой группы северо-западнее Кандагара на стыке пустыни Дашти Марго и предгорий Гиндукуша. «Восьмерки» приземлились и остались в лагере до наступления темноты, а вертолеты сопровождения вернулись на аэродром.

В вертолет погрузили останки четверых сгоревших в БТР в ходе боя бойцов, сверхсрочника с осколочным ранением руки и начальника разведки бригады, которому нужно было попасть в штаб. Командир вертолета Вахрушев, только что получивший воинское звание майор, еще и не успевший отметить это событие, с наступлением темноты провел соответствующую подготовку экипажа и пассажиров. При взлете в пыльном облаке вертолет столкнулся с землей и разрушился. Бортовой техник в последние секунды успел выключить двигатели, что помогло избежать взрыва и пожара. На другом вертолете пострадавших членов экипажа и пассажиров перевезли в госпиталь бригады, где они один за другим через несколько часов умерли. Выжил только сверхсрочник с отсеченным осколком пальцем. Утром Е.Игнатов полетел на место катастрофы разбираться с обстоятельствами происшествия, а мне приказал навестить в го-

спитале и опросить выжившего сверхсрочника об обстоятельствах катастрофы.

В горах под Гардезом навсегда остался экипаж майора Александра Пискайкина»

Госпиталь произвел на меня удручающее впечатление. Сама по себе обстановка в палате, в которой находился раненый, не способствовала положительно настроению. Жарко, кондиционера нет, занавесок на окнах нет, от лучей солнца спрятались нигде, синие солдатские одеяла явно давно не вытряхивались, жужжат назойливые мухи. Здравуюсь и знакомлюсь со сверхсрочником. Он спокоен и ни на что не жалуется. В бою его легко ранило, осколок мины отсек фалангу на одном пальце левой руки. Боец отказывался

от госпитализации, но командир роты заставил его лечиться, чтобы заражения крови не произошло. На вертолете парень летел впервые, поэтому внимательно за всем наблюдал и хорошо запомнил.

Его рассказ даже в мелочах соответствовал признакам, которые характеризуют взлет вертолета ночью с пыльной необозначенной площадки. Сверхсрочник не понимал, что происходило с вертолетом и с ним самим,

а в памяти отложилось только то, что он видел и ощущал при взлете. Был провал в памяти по причине потери сознания из-за сильного удара при падении вертолета. По ходу нашего разговора он вспомнил, что очнулся уже в другом вертолете, без одежды, испачканный в техническом масле и керосине. Я посоветовал парню не пугать родителей и не писать им о ранении. Парень ответил, что родители погибли в автокатастрофе, писать некому. Пообещав навестить его еще раз, я уехал в свой гарнизон. Вечером на сове-

щании у командира полка был сделан единственный вывод – экипаж не справился с управлением в условиях пыльного облака и отсутствия световых ориентиров, что и стало причиной катастрофы. Впредь от такой методики полетов в район непосредственных боев в ночных условиях отказались. Днем на предельно-малой высоте под прикрытием боевых вертолетов летать всё-таки менее опасно. Раненого сверхсрочника в госпитале застать не удалось, он сбежал оттуда и уехал на попутной «бронь» в район боевых действий. Двадцать лет спустя я описал этот случай в рассказе «Ночь под Кандагаром».

Утром над аэродромом долго висит безобразное бесформенное пятно на фоне чистого неба. Пятно – облако возникло от взрыва самолета МиГ-23, разбившегося при выполнении тренировочного полета на высший пилотаж. Летчик, старший лейтенант вернулся из профилактического отпуска. У него подошла очередная проверка техники пилотирования. Летчик слетал на проверку с командиром эскадрильи, а затем полетел самостоятельно. Случайная грубая ошибка при отсчете высоты ввода в пикирование привела к столкновению с землей при выводе. Это произошло совсем ря-

дом с аэродромом в створе ВПП. Самолет разметало взрывом на мелкие фрагменты, соответственно и от летчика мало что осталось. Все население нашего авиационного гарнизона тяжело переживало очередную боевую потерю. Бесспорно боевую, т.к. это произошло в условиях боевых действий. Документально в таких случаях оформляют, как поражение от огневого воздействия противника.

Известно, что статистика небоевых потерь авиации СССР, фашистской Германии, США во второй мировой войне и последующих войнах и локальных конфликтах примерно одинакова. Теперь это называют потерями по причине человеческого фактора.

Где-то в феврале 1988 года в горах под Гардезом разбился вертолёт Ми-8 из Кабульского 50 СОАП (Смешанный отдельный авиационный полк). Пилотировал вертолёт мой однокурсник и сослуживец по Среднебельскому полку Александр Герасимович Пискайкин. Три человека экипажа и десять пассажиров погибли. Руководитель полётов аэродрома Гардез преждевременно разрешил снижение над горами, а экипаж плохо контролировал своё местонахождение. Вертолёт воткнулся в толщу снега на скорости 220 км./час

и вертикальной всего 4 м./сек. Снег забил всё, взрыва не произошло, но и в живых осталось шансов ни у кого не было. Командир пятидесятки, так все звали Кабульский полк, за эту и другие потери был снят с должности и откомандирован в Союз.

На очередном военном совете в Кабуле мы получаем нагоняй от командующего Б.Громова за потери. Он спрашивает просто и жестко: «Почему гробите людей?!». Ответа генерал не ждет, а нам и говорить нечего, да ничего и не надо. Мы всё понимаем. Конечно, переживаем все потери, пропуская их через свои нервы, психику и совесть

«ЗА ВАС, ЗА НАС И ЗА СПЕЦНАЗ!»

После военного совета прилетаем на свой аэродром вместе с командованием 70 ОМСБр и 22 ОБрСПН. С командиром бригады спецназа знакомимся на Кабульском аэродроме при посадке в транспортный самолет. Исполняющий обязанности командира бригады подполковник Александр Тимофеевич Гордеев очень скромный и немногословный офицер. Пока летели от Ка-

була до Кандагара в пустыне Регистан поднялась песчаная буря, которая на двое суток лишила вертолеты возможности летать. Командир Александр Гордеев и начальник политического отдела остались у нас в гостях. Мы вместе с ними в бане попарились, попили чаю, квасу и чего покрепче. Долго разговаривали о боевых делах, а больше за жизнь вообще. О полетах и прыжках с парашютом, о женах и детях, о мирной жизни. Чаще всего звучали тосты: «За вас, за нас и за спецназ!» и «За ВВС!». Командование вертолетного полка и бригады спецназа обычно не могло себе позволить такого отдыха, а пыльная буря оказалась в этот раз очень кстати. Только на следующий день после обеда пыльная буря улеглась, и вертолеты смогли отвезти в Лашкаргах комбрига и начальника политического отдела. На прощанье они пригласили нас в гости, пообещав достойно расчитаться с нами за теплую встречу.

В первых числах мая мы с Александром Манько на почтовике прилетели в Лашгаргах. Командование бригады встретило нас очень доброжелательно и тепло. Вечером мы посидели в довольно просторной комнате начальника штаба, хорошо поужинали и поговорили. В ходе

разговора я высказал офицерам недоумение по поводу жестокого обращения их бойцов с пленными. Командир бригады Гордеев как-то сразу изменился в лице, задвигались желваки, исчезла приветливость. Он коротко и жестко сказал: «Видели бы вы, что «духи» делают с нашими пленными и убитыми». Разговор на эту тему прекратился и больше никогда не возобновлялся.

На следующий день нам организовали выезд на настоящую рыбалку. На БТР-80 мы довольно долго ехали через окраины Лашкаргаха, затем через полупустынную местность и, наконец, добрались до довольно широкого, метров 6-7, канала. На другой его стороне виднелись невысокие сосны и какие-то кустарники, т.е. обычная зеленая зона – «зеленка». БТР остановился на невысоком бугре, направив пулемет в сторону «зеленки». Сопровождающие нас два сержанта и механик-водитель остались сидеть на броне, положив на колени автоматы и поглядывая кругом. Мы с Саней размотали простенькие удочки с бамбуковым удищем, скатали шарики из мягкого белого хлеба, насадили по одному на крючки и забросили в канал. Поклевки были довольно регулярными, но не слишком частыми. Ловить карасей было приятно,

Подполковники Манько А.Н. и Фролкин В.А.

т.к. клюют они довольно резво и затем активно тянут поплавок в сторону. К БТРу прибежали откуда-то афганские мальчишки (бачата) и с любопытством стали наблюдать за нами. Наши сержанты сердито рявкнули на них: «Бурум! Бурум! Пошли отсюда!» Мальчишки неохотно отошли в сторону на несколько шагов, но через несколько минут уже сидели рядом с нами на берегу канала. Мы сказали сержантам, чтобы не гоняли пацанов.

При очередной поклевке у Сани зацепился за водоросли крючок, который никак не желал отцепляться. Лезть в воду у нас желания не было, мало ли что там, в незнакомом канале, обрывать снасть тоже жалко, т.к. запасной нет. Пока мы тихонько обсуждали ситуацию, один из пацанов постарше, быстро снял одежду и обувь, забрался в воду и отцепил злополучный крючок. Саня кивнул ему и поблагодарил, но тот не отходил от нас и чего-то ожидал. Саня подарил мальчишке сигарету. Тот попросил знаками спички и прикурил. Другие мальчишки, как галчата, прильнули к старшему, который давал им поочередно сделать по затяжке. В середине дня рыба клевать перестала, мы смотали удочки, сложили улов в целлофановый пакет. Рыбы мы наловили довольно много, хватит на уху и на жарёху. Остатки хлеба отдали мальчишкам, которые его немедленно разделили и тут же съели. Наш БТР быстро помчался по рытвинам и ухабам в гарнизон. Бачата долго бежали за нами в облаке пыли. Они подбирали пустые жестяные банки из-под сока, выброшенные нашими бойцами.

Конечно, рисковая была вылазка за пределы охраняемой зоны в «зеленку», где рыбаки несколько часов сидели на вид-

ном месте. Мы знали про опасность затеи, но были еще довольно молоды, а значит еще жил в нас дух риска. Успокаивало нас то обстоятельство, что командование бригады иногда ездило в это место на рыбалку и у них все проходило благополучно. Вечером, поблагодарив Гордеева, мы улетаели на почтовике в Кандагар. Комбриг подарил нам с Саней спецназовские комбинезоны, так называемые «песочки» и еще один такой же передал для Игнатова. Рыбу, замороженную в холодильнике, мы успешно перевезли с собой в Кандагар. К празднику – Дню Победы 9 Мая мы с Саней устроили шикарный обед, состоящий из рыбных блюд. Нам-то мало чего из этих блюд досталось, т.к. нагрянули с поздравлением офицеры – ГРУшники во главе с Рафкатом.

Через один месяц я еще раз летал по служебным делам в Лашкаргах. Меня пригласил мой коллега – начальник политического отдела бригады. У него была спланирована встреча с руководителями неофициального государства Белуджистана, на которую я тоже отправился с ним. Встреча проходила в самом городе Лашкаргах, в дворце, построенном много веков тому назад в восточном стиле с колоннадой, арками, куполо-

образными крышами, внутренним двориком – оазисом. Лидеры Белуджистана встретили нас по-восточному гостеприимно, усадили за стол, понимая, что на достархане нам будет неловко. На стол было поставлено угощение в виде фруктов, жареной бараньей печени и настоящего шотландского виски. Беседа проходила неторопливо и обстоятельно. Общался и вел беседу с нами седовласый, одетый в светлую восточную одежду господин. Большое достоинство и внутренняя сила чувствовались в нем. Он написал много книг по истории древних племен, населяющих пограничные территории Афганистана, Ирана, Пакистана, имел докторскую степень. Этот удивительный человек много лет провел в Пакистанских и Иранских тюрьмах за пропаганду свободы и независимости белуджей и призывы к их объединению. К сожалению, его имя не сохранилось в памяти и моих записях. На прощание он подарил несколько своих книг и богато оформленный Коран. К сожалению, мой коллега со мной книгами не поделился. После встречи мы проехали на УАЗе по древнему городу Лашкаргаху с его своеобразными сооружениями, утопающими в зелени улочками, многочисленными мечетями и

настоящим восточным базаром. На окраине города по проселочной дороге важно шествовали одnogорбые верблюды с разноцветными тюками поклажи на спине и шагающими рядом погонщиками. Впечатление такое, что нет никакой войны, а ты оказался в древнем мире, существующем до нашей эры.

Я попросил коллегу показать мне местный базар. Восточный базар живет своей особой жизнью, которая мало меняется со временем. Овощи и фрукты, мясо, испеченный на камнях хлеб, дрова на развес, роскошные ковры, женская бижутерия – это тот ассортимент товара, который, наверное, и тысячу лет назад был таким же. Японские магнитофоны, предметы советской военной формы – это уже современный ассортимент. Мне нужна модная ткань на платье жене. Материалов было представлено много, но тот, который мне больше всего понравился, стоил очень дорого. Продавец-индус со своеобразной чалмой на голове снизить цену никак не хотел. Как я не торговался, он не уступал ни одного афгани и разговаривал со мной, как мне показалось, высокомерно. В итоге я все-таки купил менее роскошный, но тоже модный материал, который потом жене категорически не понравился.

вился. Другую очень модную на нашей Родине вещь я искал уже у продавца косметики. Косметичка-раскладушка с двумя ярусами была последним пискмоды, а значит предметом мечты и зависти женщин. Без этой дорогой безделушки домой лучше было не возвращаться.

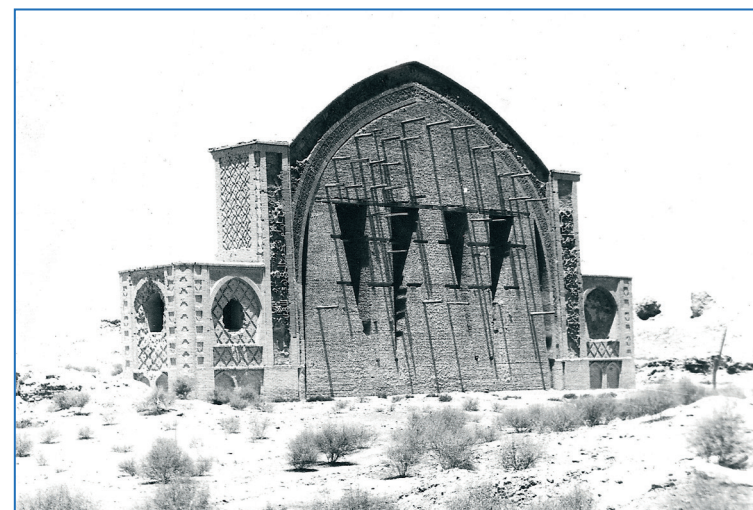
На фоне крепости

Захожу в магазинчик, спрашиваю у продавца товар. Мне предлагают очень большой выбор, в т. ч. и то, что мне нужно, но цену категорически не снижают. Мне много раз говорили, что на востоке обязательно нужно торговаться, тогда обязательно цену снизят, а если не будешь вести торг, то тебя и уважать не будут. Свято следую инструкциям, но совершенно бесполезно. Что делать? Покупаю знаменитый товар за 400 афгани и вы-

хожу из негостеприимной лавочки. Рядом такая же, заглядываю из любопытства и туда. Какое разочарование ждет меня в соседней. Там эта штукавина продается за 300 афгани без всякой торговли. Вот вам и восточная торговля. Продавцы товаров в Афганистане на меня произвели впечатление самых важных и главных людей, элитой общества, с такой важностью и достоинством они себя вели.

На следующий день я отправляюсь на весьма рискованную экскурсию в крепость Калабуст (Кала Бост). Моим экскурсоводом выступает майор – замполит батальона. Едем на бронетранспортере по пустынной полуразрушенной дороге на юго-восток от Лашгаргаха, не встречая ни одной живой души. Вдоль нее не встречается сгоревшая и разбитая техника, но нет ни одного целого строения, а немногочисленные деревья стоят с обрубленными ветвями и черными стволами. Жизнь как будто замерла, или вовсе остановилась в этой местности. Мчимся доволь-

но быстро, притормаживая у огромных воронок, возникших от взрыва мин или фугасов. В подозрительных местах и у мостика через русло небольшой реки, сухой в это время гола, наш бронетранспортер останавливается. Два бойца-сапера с миноискателями спрыгивают с брони и проверяют щупами и миноискателями дорогу. Ребята работают очень тщательно и томительно долго. Мы с майором сидим на броне с автоматами наизготовку и внимательно наблюдаем за местностью. Очередная проверка закончена, саперы забираются на броню, и мы снова мчимся дальше.

Триумфальная арка

Саперы одеты в обычную полевую форму, но на ногах надевают кроссовки. Мне уже неоднократно бросалось в глаза,

что бойцы в спецназе носят не армейские облегченные ботинки, а неуставные кроссовки. Спрашиваю у майора про эту особенность формы одежды, которая меня давно интересует. Он отвечает, что по опыту, если происходит подрыв на противопехотной mine, ногу отрывает по верхнему обрезу голенища сапога или ботинка, а если нога в кроссовке, то только ступню. Кроссовки - вещь довольно дорогая, но бойцы скапливали деньги и все-таки их покупали.

Наш БТР максимально близко подъехал к знаменитой крепости и остановился у её подножия. Даже остатки крепости производили величественное впечатление. Она возвышалась над равниной, в которой сливаются воды рек Аргандаб и Гильменд и по которой проходили многочисленные караванные пути из Пакистана, Ирана, Индии. Дорогу, ведущую непосредственно в крепость, вели-

чает триумфальная арка Александра Македонского, отреставрированная и находящаяся под защитой ЮНЕСКО. Арка имеет

значительные размеры, облицована разноцветными изразцами, создающими определенный орнамент. На этом знаменитом историческом сооружении видны следы от крупнокалиберных пуль. Думаю, что это наши бойцы украсили триумфальную арку Александра Македонского, которой и всего-то две тысячи триста лет. Мы с майором сфотографировались на фоне развалин и медленно поднялись наверх крепости. Жара уже тяжело наваливалась на нас, но еще не достигла апогея, так что надо было поспешать.

Вот и вершина крепости, с которой открывается замечательный вид на равнину и долины двух рек. На вершине из снарядных ящиков, набитых песком, был оборудован обыкновенный блок-пост, из которого торчала антенна армейской радиостанции. Несколько бойцов занимались своими делами, не обращая на нас никакого внимания. Старший поста – сержант проводил нас внутрь крепости. Мы посмотрели только центральную внутреннюю часть, в которой жили наши бойцы. Она представляла собой цилиндрический колодец диаметром не менее десяти метров, огороженный невысоким барьером из необожженного кирпича. Вокруг колодца по спирали опускалась вниз неши-

рокая терраса, на которой стояли заправленные солдатские кровати. Глубина этого колодца метров 25. Внизу прохладно и сумрачно. Мне бросились в глаза цветные портреты членов Политбюро ЦК КПСС, которые россыпью валялись на дне колодца. Я промолчал и никак не прокомментировал это безобразие и аполитичность советских воинов. Внутри моего сознания шевельнулась крамольная мысль: «На фиг нужны в этой древней цитадели, окруженной полудикими враждебными племенами, эти фотографии?». Сидят тут неделями и месяцами советские ребяташки 18–19 лет отроду, пьют плохую воду, едят сухой паек, имеют вполне опрятный внешний вид и при этом ни на что не сетуют. Они иногда вступают в бой с группами душманов, которые пытаются уничтожить блок-пост, а иногда ребята от скуки сами простреливают окрестности. Им представлено одно развлечение – любование на портреты членов политбюро. Мне и сейчас стыдно за такую организацию политработы и досуга, хотя это не мой объект и подчиненные. Нам пора возвращаться на базу. Прощаемся с бойцами. Карабкаемся на бронетранспортер, обжигая руки о раскаленные солнцем поручни. Майор отдает команду механику-водителю, и наш БТР несет-

ся, ныряя в воронки и останавливаясь у подозрительных мест. Саперы опять тщательно прощупывают и прослушивают те подозрительные места, что проверяли пару часов тому назад. Получив добро после проверки, снова трогаемся с места. Очень жарко. Ветерок, обдувающий лицо, не охлаждает, а обжигает. Странно, но пота нет, испаряется он что ли? В расположении бригады я поблагодарил майора и бойцов за обычный для них и совсем необычный для меня выезд в Кала Бост.

В середине дня, в самое жаркое время жизнедеятельность в бригаде замирает. Температура воздуха в тени достигает значения +53°C. Если небольшой ветерок подует со стороны Регистана или Дашти Марго, то он не охлаждает, а обжигает кожу. Настолько жарко, что даже моджахеды, местные уроженцы, закаленные, сухощавые и жилистые, как ветки саксаула, в это время суток тоже не проявляют никакой активности. Не хочется даже представлять себе, как чувствуют себя бойцы, находящиеся на постах и заставах, а уж тем более те, кто находится в засадах, стерегущих караваны. Лашкаргахский военный городок обустроен гораздо хуже, чем Кандагарский. Желто-красные пески кругом, глинобитные сооружения, выгоревшие до

белизны армейские палатки и сборно-щитовые модули – вот и весь пейзаж. Никаких кустов, а тем более деревьев нет и в помине. Кажется, жить, да еще и воевать в этих условиях, невозможно, но советские солдаты и офицеры живут, и еще как воюют.

После 17 часов жизнь активизируется, начинается какое-то движение. Не спеша идет небольшой строй солдат под командой сержанта. Бойцы по пояс обнаженные, загорелые до черноты, на коротко остриженных головах солдатские шляпы с зелеными звездочками. Такая форма одежды принята в Лашкаргахе давно. Группа, вытянувшись в цепочку, заходит в столовую. После них заходит человек в военной полевой форме, без головного убора, с явно невоенной выправкой и возраста не солдатского. Начальник политотдела бригады заметил мое внимание к необычному в военной среде человеку. Это известный писатель Александр Проханов. Он живет, питается, спит, участвует в боевых выходах вместе с бойцами батальона спецназа. Нам это кажется удивительным, но писатель он и есть писатель.

С наступлением темноты я улетел на попутном вертолете в Кандагар. В очередной раз оценил насколько у нас в гарнизоне

уютнее. Во первых температура на 3-4 градуса ниже, во-вторых, есть зелень и достаточно воды. Пройдет совсем немного времени, и мне снова придется лететь в утомленный солнцем, неприглядный Лашкаргах.

ПОЛКОВНИК АНАТОЛИЙ ФИЛИПЁНОК

В начале лета 1988 г. в частях 40 ОА проводилась активная подготовка к выводу войск. Генеральный штаб отменил замену офицеров и прапорщиков, прослуживших в условиях боевых действий установленный срок. Возник вопрос о летном составе, который обязательно один раз в год должен проходить ВЛК (Врачебно-летная комиссия). Больше одного года без отпуска тоже нельзя. Если один год прошел, летчик обязательно должен отдохнуть десять дней в профилактории, потом можно летать еще какое-то время, а вот потом уже никак нельзя подниматься в воздух. У большей части летчиков 205 ОБЭ вышли все сроки основных и дополнительных отпусков, сроки ВЛК и дополнительных медосмотров тоже исчерпаны. О проблеме командир эскадрильи письменно уведомил генерала

Д.Романюка. Я тоже отправил телеграмму ЗАС начальнику политотдела ВВС полковнику Саушину, а старший врач эскадрильи – начальнику медицинской службы ВВС 40 ОА.

Никто из нас и никто из летного состава эскадрильи ничего не требовал и ни от чего не отказывался. Нужен был ответ на вопросы – что дальше, когда замена или вывод целиком всего подразделения, где письменное разрешение на выполнение полетов тем летчикам, у которых нет разрешения медиков. Через некоторое время разбираться в Лашкаргах прилетел генерал-майор авиации Д.Романюк. Как оказалось, лучше бы летчики ничего не спрашивали, а генерал не отвечал. Начальник авиации заявил, что все равно скоро вывод, замены не будет, надо выполнять боевые задачи.

Медработника части беспокоила огромная физическая и моральная усталость летного состава. Старший врач отдельной эскадрильи капитан, невысокий и худощавый, всегда очень заботился о летчиках и о всех своих военнослужащих. Он проверял пилотов перед вылетом, необидно журил их за нарушение режима отдыха и за другие факты халатности по отношению к собственному здоровью. Доктор знал все о здоровье

каждого своего подопечного. Офицеры и прапорщики эскадрильи отвечали ему глубоким уважением и суровой мужской любовью. Так вот, капитан-медик попытался донести свою озабоченность до высокого авиационного начальника. Генерал Романюк уже заранее был взведен, а доктор, сказав несколько фраз, спустил пружину. Крик, оскорбления, мат обрушились на голову капитана. Начальник сгоряча отстраняет его от должности, грозит отправить в Союз с лишением льгот. Капитан просто молчит, ему и сказать-то нечего. Лётчики пытаются довести до командующего свою озабоченность тем, что ответственность за безопасность полетов при таком положении с нарушением соответствующих приказов лежит на них. Они готовы выполнять боевые задания, если будет соответствующий письменный приказ. Романюк взвился еще больше и назвал летчиков трусами. Собрание закончено, генерал улетел в Кабул. Летчики 205 ОБЭ все, как один, написали рапорта по команде, смысл которых состоит в том, что они не гарантируют безопасности полетов, так как нет заключения ВЛК и необходимого по приказам отпуска. Этим офицеры подчеркивали, что они не отказываются воевать, а

ответственность за нарушения приказов с себя снимают и перекладывают на командование авиации армии, т.е. на генерала Романюка.

Эскадрилья ежедневно выполняет боевые задачи, обеспечивая работу спецназа ГРУ. Если не летает эскадрилья, то не работает спецназ, а за это с командования авиации спросят очень крепко. Проблему в штабе авиации армии осознали быстро. Для разрешения конфликта во взбунтовавшуюся эскадрилью отправлен заместитель начальника авиации полковник А.М.Филипенко. Анатолий Михайлович – порядочный, выдержанный и тактичный офицер-летчик. Он прошёл через многие ступени должностного роста, включая командование вертолетным полком в тяжелейших условиях Забайкалья. Все его сослуживцы высказываются о полковнике очень уважительно. Он прилетел на транспортном самолете в Кандагар. Посоветовавшись с командованием нашего полка, летит на вертолете дальше в Лашкаргах. Я лечу с ним, т.к. эскадрилья находится на политическом обеспечении моего политотдела.

Встреча с офицерами эскадрильи проходит очень тяжело. На Филипенса выплескивается весь психологический негатив,

накопившийся у офицеров отдельной эскадрильи. Он отвечает на вопросы, на которые имеет ответ, честно признается, когда ответа нет и быть не может. К раздраженности и некоторой нетактичности отдельных офицеров полковник относится с терпением и пониманием. В конце встречи закаленные в боях и смертельно уставшие летчики говорят старшему начальнику, что все понимают и будут летать столько, сколько понадобится. Им нужно немного внимания, уважения, понимания и участия, но никак не грубость и хамство начальников. Настоящие советские офицеры-летчики, многие из которых второй раз в Афгане, а некоторые и третий, знают себе цену, обладают самоуважением и настоящим офицерским достоинством. Заместитель начальника авиации 40 ОА полковник Филипенко Анатолий Михайлович такой же, как эти боевые ребята, достойный офицер, потому и достигнуто понимание после непродолжительного разговора.

Не задерживаясь в эскадрилье, мы с полковником на Ми-8 возвращаемся в Кандагар. Единственный раз мне пришлось летом лететь в грузовой кабине «восьмерки» в дневное время над пустыней. Раскаленный воздух Регистана врыва-

ется в открытые блистеры и обжигает открытые части тела. Полет длится один томительный час, за который по достоинству оцениваешь всю благодать кондиционера «двадцатьчетверки». По прилету на аэродром снова обсуждаем ситуацию отдельной эскадрильи. Анатолий Михайлович не хочет обсуждать действия начальника, старается просто сгладить его безобразное поведение. По моим наблюдениям, генерал Романюк всегда направляет полковника на самые трудные и проблемные участки.

Через непродолжительное время полковник Филипёнок А.М. снова прилетел в наш гарнизон разбираться с трагической ситуацией. Пара истребителей МиГ-23 по ошибке нанесла удар по посту афганских правительственных войск. Более десяти человек погибло, много раненых. Полковник Филипёнок А.М. должен лететь в расположение афганской воинской части, приносить извинения и как-то объясняться с афганскими военными. Анатолий Михайлович был заместителем по армейской авиации, а еще два заместителя отвечали за фронтовую авиацию. Но с таким страшным случаем снова нужно разбираться именно ему, т.к. этот человек обладает высокими человеческими и нрав-

ственными качествами. Анатолий Михайлович хочет, чтобы я с ним летел объясняться к афганцам. Категорически отказываюсь, т.к. эскадрильи МиГ-23 и Су-25 подчиняются командованию своих полков и находятся на политобеспечении своих политотделов. Анатолий Михайлович морщится, уговаривать меня ему не очень приятно, но лететь одному тоже не с руки. В конце концов, он с командиром эскадрильи МиГов летит на наших вертолетах на тяжелые разговоры с афганцами. Через несколько часов вернулись, значит, сумели как-то объясниться.

Спустя много лет после этого случая, мне стыдно вспоминать свое малодушие. И сегодня жутко представить себе разговор нашего полковника с товарищами и командирами афганских военных, погибших на руинах разбомбленного поста.

Через несколько лет после окончания афганской войны полковник Филипёнок А.М. был назначен на должность начальника авиации Лен ВО и получил воинское звание генерал майор.

ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР РУЦКОЙ

Довольно часто к нам прилетал другой заместитель начальника авиации армии, отвечающий за фронтовую авиацию. Мы познакомились с ним в кабинете командира полка. Евгений Иванович Игнатов представил нас друг другу, мы пожали руки и перемолвились общепринятыми в таких случаях фразами. Александр Владимирович Руцкой был увлечен идеей совершенствования боевого применения самолета Су-25 и его защиты от противодействия противника. Он продемонстрировал нам схемы боевого применения самолета при пикировании и выход из атаки после удара.

При выводе из пикирования после нанесения удара самолет сзади ничем не прикрыт, и становится беззащитным. В это время противник обычно производит пуск ПЗРК, обстреливает самолет из ЗГУ или ДШК. Замысел противодействия состоял в том, чтобы два блока с неуправляемыми РС подвешивались на пилоны самолета развернутыми на 180 градусов. После окончания атаки, на переходе из пи-

кирования в кабрирование, летчик не прицельно отстреливает РСы назад. По этому замыслу, противник после окончания атаки, вероятно, будет выбираться из укрытий, и стрелять по самолету, а его в этот момент и накроют снаряды. В таком случае будет достигаться, как минимум, психологический эффект. О результативности этого новаторства впоследствии слышать не приходилось, но полковник Руцкой А.В. занимался этой темой всерьез. Сам он летал на штурмовике регулярно и много. В наш гарнизон прилетал, как правило, на своем Су-25, а потом уже летал на бомбо-штурмовые удары ведущим звена или пары с летчиками из эскадрильи. Вполне спокойный и выдержанный офицер без видимых признаков чванства. Он не требовал к себе какого-то особого внимания с нашей стороны и не загуливал в отличие от начальника ВВС 40 ОА.

После первого визита полковника в наш гарнизон из Кабула последовал звонок от генерала. Крик, мат, оскорбления сыплются на голову командира полка. Оказывается, мы, т.е. командование гарнизона, организовали неподалеку от жилого городка свалку бытовых отходов. На этой свалке кормятся вороны, которые угрожают без-

опасности полетов. Командующий объявляет командиру полка очередной выговор. Отходы действительно копились почти десять лет, на них вечно кормилось воронье. Вопрос стоял о том – куда это все девать, какими средствами и как обеспечить безопасность, если кругом духи и минные поля? В таких случаях любой здравомыслящий командир отвечает: «Есть!» или «Так точно, будет сделано!» и ничего не делает. Все само собой рассосется. Крутой и плохо воспитанный начальник должен как-то реагировать на доклад заместителя. Он отреагировал, обругав подчиненного, нарушив воинский устав, выполнил командирские обязанности в своем понимании, а дальше ему наплевать на эту свалку.

Мы, конечно, были очень признательны и благодарны боевому летчику полковнику Руцкому А.В. за то, что он обнаружил свалку и доложил командующему. Наверное, случайно он не заметил множества других, очень серьезных проблем гарнизона. Например, некоторые дизельные генераторы, снабжающие городок электроэнергией, вышли из строя, а запчасти на них не поставляются. Поэтому у нас в городке действует система веерных отключений электричества. Вода подается по ча-

сам, канализация неисправна и её испарения в 45-градусную жару несут угрозу инфекций. В это время возникали проблемы с поставками авиационного керосина. Все расходы топлива постоянно контролировались и осуществлялись только с письменного разрешения командира полка.

Как-то к Игнатову Е.И. провалился командир Ан-26, который прилетел на наш аэродром на аварийном остатке топлива. Самолет прилетел к нам для эвакуации госпиталя. Ему нужно было лететь в Ташкент, а следовательно, необходима полная заправка. Если заправить самолет полностью, то наши вертолеты не смогут взлетать для выполнения самых неотложных боевых задач. Держать самолет и экипаж на своем аэродроме тоже нельзя. Командир полка и командир самолета вместе рассчитывают на навигационных линейках минимальное количество топлива, которое нужно заправить, чтобы самолет дотянул до ближайшего аэродрома. Потом Игнатов пишет на полетном листе разрешение на заправку нескольких сотен литров и подписывает. После заправки самолет летит в Шиндант, где производит дозаправку, а потом уже в Ташкент.

Не заметил полковник Руцкой А.В. и того обстоятельства, что хлеб в летной столовой несъедобный, мяса нет, овощей тем более. Много чего важного, действительно плохого, он не хотел видеть, но заметил удобно подвернувшуюся для доклада свалку. Много лет прошло с той поры. Фамилия полковника стала известна всему миру – Руцкой Александр Владимирович. Очень серьезные государственные и общественные посты он занимал, но как-то вот не забывается его доклад о злополучной свалке. Знал Руцкой, что обхаживает нас командующий, но сам промолчал и тихонько проинформировал. Бог ему судья, все это в прошлом, да и тогда это было мелочью житейской.

КАРАВАН

Летом 1988 г. в связи с подготовкой к выводу войск отряды 205 овэ перебазировались на аэродромы Лашаргаха и Фарахруда. Их задачи в районе Кандагара стали выполнять экипажи нашего полка. 18 июля, по разведанным спецназа, серьезный караван с оружием и боеприпасами остановился на дневку в одном из кишлаков километрах в пятидесяти-ше-

стидесяти от нас. Срочно пошли на вылет две пары. Командир эскадрильи В.Купрышкин с замполитом В. Киреевым на «восьмерках» с группой спецназа на борту. Прикрывает моя пара, в которой ведомым полетел начальник ВОТП (воздушно-огневая и тактическая подготовка) майор Михаил Ковалёв. Летим на ПМВ в восточном направлении среди невысоких пологих гор по долинам и неглубоким ущельям. Место предполагаемой дневки каравана известно конкретно. Прилетев туда, сразу натываемся на мчащийся по дороге Симург. Короткая очередь из носового пулемета ведущей «восьмерки» перед автомобилем, который немедленно останавливается. Из него врассыпную убегают вооруженные люди, а еще двое бородатых «духов» скатывают из кузова небольшие мотоциклы и, запустив их, пытаются на скорости уйти в горы.

Наши «восьмерки» с ходу без зависания приземляются неподалеку от Симурга. Душманы на мотоциклах далеко удрать не успевают. Одного из них расстреливает из носового пулемета бортовой техник майора Владимира Киреева, а другой мотоциклист неудачно наскочил на валун и упал. Невезучего «духа» десантники захватили в плен и

за несколько минут получили от него все необходимые данные. Мы летаем невдалеке от «восьмерок», не приближаясь ни к горам, ни к зеленке. По небольшому полю с недавно скошенными злаками, собранными в копны, в сторону гор быстро идут двое мужчин. Они в моем прицеле как на полигоне. Можно нажать боевую кнопку, и все закончится. Нет! Зачем? Они идут себе по полю, хорошо по-восточному, одеты и без оружия. Отпускаю их с миром. Потом, спустя какое-то время, я размышлял сам с собой: «А чего днем в жару на пустом поле делают двое хорошо одетых мужчин?».

Проношусь над ними, справа в сотне метров вижу еще двоих бегущих по руслу высохшего ручья вооруженных «духов», один из которых – с ручным пулеметом, а другой – с автоматом. Не останавливаясь, на ходу они стреляют по моему вертолету. Попадания пуль в вертолет ощущаю всеми своими нервными окончаниями. Взгляд на приборы. Все работает, ни одно аварийное табло не горит. Запрашиваю по СПУ: «Штурман! Живой?» Тот сразу отвечает: «Порядок, командир».

Мы видим «духов» совсем рядом, но сделать ничего не можем, т.к. они в мертвой зоне. Пролетаю, чуть не задев

ловы «духов», затем разворачиваюсь на 180 градусов и ищу их в прицеле. Не вижу, исчезли. Штурман первым увидел распластавшихся в ложе ручья «духов». Они почти слились с местностью, укрывшись темными плащами. Не сразу, но я их тоже увидел. Делаю короткую очередь из носового пулемета. В разные стороны летят осколки камней, а попал – не попал нам не видно. Скорее всего, не попал. Пулемет после очень короткой очереди заклинило. Это обычное явление для носового четырехствольного пулемета, установленного на вертолете Ми-24В. Делаю одну перезарядку, затем другую, все бесполезно. Скорость вынужден выдерживать не менее 100 км/час, т.к. все наши маневры происходят на высоте порядка 1500 м над уровнем моря, да еще и температура наружного воздуха не ниже + 30°C, а поэтому опять проскочил над «духами».

Сейчас мы сделаем еще один заход, и тогда от РСов никто не уйдет. Переключаю вооружение, но в это время ведущий группы по радио сообщает, что десантники на борту. «Восьмерки» взлетают. «Духам» повезло: нам не до них, уходим. Выхожу из боя, ищу взглядом «восьмерки». Вот они, взлетают, задрыв хвосты. А где мой ведомый?

Ковалев носится над полем, подалее от гор и методично бьет из пулемета по копнам убранного хлеба, которые от трассеров загораются и весело, почти без дыма горят. Сердито спрашиваю: «Ты что делаешь?» Михаил спокойно и уверенно отвечает: «Там «духи» с пулеметами, вот я по ним и бью». Теперь я уже ругаюсь: «Нет там никаких «духов», а кишлак ты без хлеба оставил. Пристраивайся к группе».

Прилетаем на аэродром. Ругаю ведомого: «Твоя задача прикрывать ведущего и работать только по его команде. Ты вышел из строя, летал в стороне от боя, не прикрывая «восьмерки», сидящие на земле. Далась тебе эти копны хлеба. Хочешь летать со мной в паре, будь добрым, всегда виси на хвосте». Михаилу обидно. Он пытается что-то доказать и объяснить. Но нашему экипажу не до нежностей. Был бы ведомый на месте, по нам бы не осмелились стрелять.

А пока на нашем вертолете техники осматривают пробойны от пулеметных пуль. Инженер эскадрильи докладывает мне, что сильно пострадали лопасти несущего винта и теперь не подлежат восстановлению. Другие пробойны в фюзеляже и хвостовой балке специалисты заклепают. К нам подошли Купрышкин с Киреевым и коман-

дир группы спецназа, все очень довольны, т.к. в Симурге нашли документы английского военного советника, подтверждающие его участие в боевых действиях на стороне душманов. Спецназовец показал мне ежедневник с записями на английском языке с каллиграфическим почерком и билет на самолет Кветта – Исламабад.

После разговора с радостными спецназовцами иду на КП, звоню в Кабул на КП авиации. В мой разговор с дежурным офицером вмешивается начальник авиации армии генерал-майор Д.Романюк, который оказался на командном пункте. Услышав мой доклад о боевом столкновении с душманами, о повреждениях моего вертолета, генерал, в свойственной ему манере, начал орать. Смысл нагоняя был в том, что стоит задача избежать столкновений и потерь, что я как старший группы, как политработник должен правильно понимать задачи текущего момента, и что он с меня еще спросит за этот вылет.

Такой разговор, вернее, взбучка, меня конечно расстроили. В жилом городке я зашел в кабинет начальника штаба полка подполковника Тиберия Эрфана. Мы с ним пошли в баню, забрались в бассейн, где, плавая в прохладной воде, я эмоцио-

нально рассказывал Тиберию о бое. Не успел я рассказ закончить, как в баню забежал солдат – посыльный, и доложил, что меня срочно вызывают на КП. Я связался по телефону ЗАС с КП авиации в Кабуле. Начальник штаба ВВС 40 ОА приказал снова лететь нашей группе вертолетов со спецназом на борту в район, в котором у нас произошла стычка с «духами». Командир спецназовцев знает, что там надо делать. Оказывается, документы, которые были обнаружены в брошенном Симурге, принадлежат важному английскому специалисту, работающему на моджахедов. Очень важно захватить его в плен, а потому так срочно нужно вылетать.

Мне стало понятно, что за особы были в прицеле моего вертолета. Лететь так лететь, но очень возможно сильное противодействие со стороны душманов, сопровождающих такую знатную персону. Прошу разрешения взять на прикрытие еще пару Ми-24. Начальник штаба авиации 40 ОА отвечает, что рисковать еще одной парой «двадцать четвертых» он не хочет и говорит: «В первом вылете тебя продырявили, ты хочешь, чтобы теперь еще больше вертолетов вывели из строя!» Теперь уже я возмущаюсь: «Товарищ полковник! Нас теперь наверня-

ка ждут. Соппротивление будет сильнее, могут сбить кого-нибудь из нас!» Начальник соглашается: «Поступай, как считаешь нужным. Ответственность по-всякому лежит на тебе».

Даю команду лететь в нашей группе еще паре «двадцатьчетвертых» из состава дежурного звена. Коротко обговариваем порядок действий с подполковником Купрышкиным и командиром группы спецназа, расходимся по вертолетам. На ходу потихоньку бурчу на ведомого Михаила Ковалёва: «Виси у меня на хвосте, делай то же, что и я. Из строя не вываливайся». Пилотам второй пары провожу инструктаж: «Ваша пара должна лететь за нами и подавлять огневые точки «духов», если те будут возникать! Вперед, мужики! Запускаем!».

Шестерка наших бортов разбегаются по раскаленной дневным зноем бетонке и в рассредоточенном боевом порядке уходит в горы по знакомому маршруту. Солнце почти в зените, оно заполняет все своим горячим ярким светом, и только в небольшой зеленой зоне, примыкающей к кишлаку, есть тень. Кишлак прилепился к невысоким отрогам гор, находящимся справа от линии нашего полета, а слева – знакомое поле со сгоревшими копнами хлеба.

На краю, в начале поля невысокий обрыв-уступ, разделяющий поле на два уровня. Почти под уступом вьется грунтовая дорога. Все спокойно, ни души кругом.

Я и мой опытный старый штурман - он же начальник РЭБ полка, одинаково чувствуем опасность и не ошибаемся. Вертолет Ми-8 майора В.Киреева окутывается белым облаком распыленного в воздухе топлива и затем тянет за собой белый шлейф. Говорю ему по радио: «Тебя подбили, сзади шлейф топлива, садись». Киреев отвечает: «Садиться пока некуда, ищу площадку». Мой штурман в это время кричит по СПУ: «Командир! Под обрывом, прямо перед нами – «духи!». На границе поля и дороги под обрывом вижу активное движение чего-то живого. Откуда-то отсюда стреляли по вертолету Киреева. Раздумывать некогда. Перекрестие прицела навожу на подозрительное место и два раза нажимаю кнопку пуска ракет. Четыре шлейфа мчатся к обрыву, взрывы следуют один за другим, окутывая все желтым облаком песка и пыли. Все кончено, отворачиваю на 90 градусов вправо и приказываю по радио ведомым: «Работу запрещаю! Прикрываем «восьмерки».

«Восьмерки» приземлились метрах в двустах от кишлака. Спецназовцы и в этой ситуации действовали по обычной схеме. Несколько бойцов остались на прикрытие вертолетов, а остальные цепью побежали к кишлаку. Экипаж Киреева в это время осматривает поврежденный вертолет. Командир экипажа докладывает: «Пробит подвесной топливный бак, идет утечка топлива. Запаса в расходных баках должно хватить до аэродрома, но нужно быстрее улетать».

Рядом с вертолетом подполковника В.Купрышкина появляются белые облачка разрывов от мин. Начался активный минометный обстрел. Сердито ругается по радио Купрышкин: «Задавите этих «духов», они наши вертолеты сожгут, мне уже всю кабину пилотскую изрешетили». Четыре вертолета прикрытия крутятся над беспомощными в этот момент «восьмерками», готовы всей огневой мощью подавить врага, но ничего не делают, т.к. не видят огневые точки противника.

В эфире появляется голос командира эскадрильи штурмовиков: «Внимание, вертикальные! Группа Су-25 над вами. Прикрываем вас, ребята, говорите куда работать!».

Я отвечаю: «Понял, спасибо! Скажем!».

Надо скорее улетать из этого проклятого района. Слишком сильное сопротивление опытных духов, которые хорошо замаскировались и успешно бьют по нам. Неясно конкретно, что получается с вертолетом Киреева. Я боюсь, что при такой высокой температуре наружного воздуха керосин из пробитого бака вертолета может воспламениться от шальной пули или взрыва мины. Даю команду на КП полка: «Поднимайте поисково-спасательную группу с прикрытием и направляйте в наш район». Командир спецназовцев, услышав мои переговоры по радио, встревожено кричит скороговоркой по своей радиостанции, настроенной на нашу частоту: «Нет! Нет! Не оставляйте нас тут. Мы возвращаемся».

Видно, как от кишлака к вертолетам быстро бегут бойцы. Они все, включая группу прикрытия, забираются в вертолеты. Купрышкин спрашивает ведомого, а тот отвечает: «Буду тянуть до аэродрома, а если топливо кончится, сяду на дорогу. Пусть поисково-спасательные экипажи будут в готовности к немедленной помощи». Пара «восьмерок» начинает взлетать, а в кишлаке в это время взрываются автомашины с боепри-

пасами, заминированные и подорванные спецназовцами. Огромные огненные клубы вырастают над деревьями маленького кишлака. Внутри их периодически что-то еще взрывается, придавая новые импульсы огненной феерии. Срабатывает зажигание у ракетных двигателей и из огня вылетают во все стороны различные реактивные боеприпасы. На вершине огненных клубов вертится волчком огромное автомобильное колесо, поднятое на большую высоту чудовищной силой взрывов, и долго не падает, подбрасываемое новыми взрывами. Мы на боевых вертолетах поочередно пускаем неуправляемые ракеты по мятежному кишлаку, давшему приют большому каравану и обстрелявшему наши вертолеты. Выходим из карусели и догоняем «восьмерки». Сообщаю братьям-штурмовикам, что они могут работать по горящему кишлаку. И теперь уже они пикируют, завершая дело мести и наказания.

Вертолет майора Владимира Киреева тянет за собой белесый шлейф. Визуально заметно, что топливо все еще уходит из пробитого бака. Протектированные подвесные баки могут самостоятельно затягивать пробойны специальной смесью сырой резины и специальных присадок.

Внутри баков закачан специальный инертный газ, препятствующий взрыву паров керосина. Все эти методы защиты срабатывали, но пробойны большие, поэтому топливо все-таки терялось. Остальные вертолеты в ходе полета непроизвольно держались подальше от поврежденного борта. Мы успешно долетели до аэродрома, приземлились и отрулили с полосы. Киреев сразу выключил двигатели, т.к. сохранялась опасность возгорания, да и топливо закончилось.

После полета разбираемся с состоянием вертолетов. «Восьмерка» Купрышкина посечена минными осколками, но без серьезных повреждений основных агрегатов, а вот остекление пилотской кабины пострадало сильно. У Киреева пробит один топливный бак, обшивку фюзеляжа и хвостовой балки. Повезло бойцам, которые находились в грузовой кабине, пробойн много, но всё прошло мимо. На моем втором за день вертолете выведен из строя комплект лопастей. Пробойны в лонжероне лопасти не позволяют её восстанавливать. Три вертолета за вылет выведены из строя. Командир эскадрильи подполковник Купрышкин получил осколочные ранения в грудь (слава Богу, неопасные). От верной расправы генерала Романюка

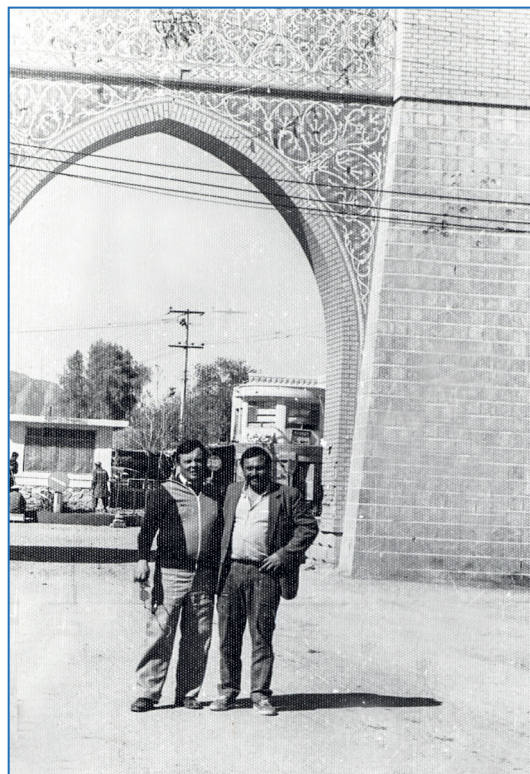
меня убергло то обстоятельство, что командир спецназа и их комбат оперативно доложили в Кабул о разгроме каравана и уничтоженных «духах». По распоряжению начальника штаба 40 ОА участники боя должны быть представлены к наградам. Мне пришлось приложить немало усилий для того, чтобы замполит эскадрильи майор Владимир Киреев был представлен к награждению орденом «Боевого Красного Знамени».

РАФКАТ

Командование полка работало в тесном контакте с офицерами ГРУ. Значительное количество полетов наши вертолеты выполняли в их интересах. Они снабжали нас разведывательной информацией, что называется, из первых рук, по горячим следам. Мы, в свою очередь, выполняли весьма опасные полеты в так называемые, «духовские» районы, где у ГРУ были агенты. Душевный контакт сложился между нами и разведчиками сразу, с первой встречи и сохранялся во всё время нашей совместной работы в Афганистане. Чаще других мы летали с подполковником

Рафкатом Муксиновым. С ним, в первую очередь, и установился контакт как служебный, так и личный.

Рафкат располагал к себе манерами, речью, умением беззлобно подшучивать. Он ненавязчиво и быстро сблизился с командиром, мной и Александром Манько. Большая часть полетов с Муксиновым выполнялась в район, прилегающий к Афгано-Пакистанской границе. Там наши разведчики органи-

С Рафкатом Муксиновым в Кадагаре март 1988 г.

зовали разветвленную агентурную сеть, и оттуда тайные агенты на мотоциклах переправлялись в сопредельные государства. Мы не знали тайных агентов, чаще всего не видели их, а иногда, если приходилось перебрасывать к границе, они закрывали лица даже от нас. Излишнее любопытство на войне дело опасное и совершенно нам не нужное, поэтому летчики получали информацию от ГРУ только о том, куда лететь и к чему быть готовым.

В Кадагаре. Март 1988 г.

Рафкат Муксинов и его товарищи выполняли свою работу настолько качественно, что при наших регулярных полетах в опасные районы никогда не

случались какие-либо недоразумения или, тем более, боевые стычки. По заданиям ГРУ мы летали в обычном боевом порядке, т.е. два Ми-8 и два Ми-24. Полет в приграничный район через Регистан длился около 45-50 минут, столько же времени требовалось на обратный путь. Времени для контакта у Рафката оставалось совсем немного, а с учетом восточных традиций, совершенно мало.

В начале нашей совместной работы мы высаживали его у окраины кишлака, а сами улетали в сторону на 4-5 км. Там в отдалении вертолеты крутились, поджидая наступление назначенного времени. Потом «восьмерки» забирали разведчика на борт и уже всей группой возвращались на аэродром. Эта деятельность была слишком заметной для посторонних глаз и демаскиро-

вала нашего человека. Кроме того, топлива у вертолетов хватало на 15-20 мин. дежурства в воздухе, а потом мы должны были возвращаться. Почти всег-

да Рафкат задерживался минут на 5-7 сверх установленных, заставляя нас всех нервничать, а «восьмерки», находящиеся в назначенное время на земле, подвергались опасности обстрела, т.к. представляли собой легкую мишень для врагов. Если подполковник гарантировал, что уложится с переговорами за 15 мин., то «восьмерки» ожидали на земле, не убирая обороты двигателей и находясь в готовности к немедленному взлету. Вертолеты прикрытия крутились в воздухе неподалеку от кишлака, бдительно наблюдая за окружающей обстановкой. По обоюдному согласию с Рафкатом мы перешли на другую методику. Утром перебрасывали офицера в нужное ему место и немедленно возвращались на аэродром. Там проводили дозаправку топливом, осматривали вертолеты и летели, чтобы забрать нашего человека. Теперь получалось, что он 2 - 2,5 часа оставался в афганском кишлаке без нашего прикрытия и поддержки. Нам, летчикам, было от этого как-то жутковато. Я высказал свои опасения Рафкату, на что он ответил совершенно спокойно, без малейшей рисовки: «Мое местонахождение, случись что, вы всегда обнаружите по взрыву гранаты». При этом он достал из кармана и показал мне небольшую, с куриное яйцо,

итальянскую гранату с взрывателем.

Я спросил у него: «Рафкат! Как же мы увидим взрыв гранаты, если мы улетаем, и нас нет несколько часов?»

Он согласился с моими сомнениями и предложил новый вариант: «Если в назначенное время я не пришел к вертолетам, через 10-15 минут улетайте. Значит меня уже нет».

Эти полеты были очень опасными для нас, т.к. они всегда выполнялись в отдаленные районы, на которые правительственная власть фактически не распространялась. наших частей или разведывательных групп спецназа тоже там не было. Случись что, помощь придет нескоро. Выполнение этих заданий было хождением по острию бритвы для нас, а для офицеров ГРУ тем более.

Большой риск в совместных полетах, острота взаимных переживаний за жизнь друг друга очень серьезно сблизили нас. Рафкат с коллегами регулярно приезжал к нам просто посидеть и поговорить о жизни, попить зеленого чая. Вместе мы отмечали праздники и награды. Спустя многие годы, вспоминая совместную боевую работу, восхищаюсь профессионализмом, выдержкой и мужеством наших боевых друзей офицеров-разведчиков ГРУ.

КАРАВАННЫЙ ПУТЬ

В середине лета 1988 года военно-политическая обстановка в Афганистане обострилась. Численность советских войск в соответствии с планом постепенно уменьшалась. В первую очередь выводились небоевые части и подразделения: ПАРМ, ТЭЧ полка, некоторые подразделения авиационно-технической базы и батальона связи. Автомобильная техника колоннами в сопровождении бронетехники шла своим ходом. Часть грузов вывозилась на вертолетах Ми-6, которые по ночам на максимальных высотах выполняли челночные рейсы. Наши действия по подготовке и осуществлению вывода не остались незамеченными противником. Руководство моджахедов использовало подходящие моменты для нанесения ударов по нашим частям в местах их дислокации и на марше.

Наши разведчики захватили план нападения на наш аэродром, в котором предусматривалось уничтожение вертолетов и самолетов. По ночам или в пыльные бури «духи» приближались к аэродрому, быстро выпускали несколько мин по стоян-

ке авиатехники, а потом стремительно исчезали. Иногда эти атаки наносили значительный ущерб летательным аппаратам. Инженерам пришлось даже возвращать уже уехавших в Союз специалистов-клепальщиков. Командир полка Е. Игнатов регулярно требовал от подчиненных повышения бдительности, лично проверял состояние охраны.

Через Кандагар колонны с грузами и топливом прорывались только с боем. В июне 1988 г. при проходе нашей колонны через город завязался сильный бой, в котором погиб опытный командир батальона 70 ОМСБр. В большом, самом южном гарнизоне советских войск в Афганистане возник дефицит всех видов горючего, боеприпасов, продовольствия. Колонны с топливом прорывались с большими потерями. Боеприпасы, топливо, продовольствие пришлось жестко экономить. Как провести колонны без потерь через город и прилегающие окрестности при выводе войск? Дорога на север одна, идет она через Кандагар, других вариантов нет. Риск большой, а людей надо беречь.

Возникает вариант вывода частей через пустыню Регистан по древнему караванному пути. Маршрут предполагался совер-

шенно необычный. От Кандагара в направлении к границе с Пакистаном по бетонной дороге до южной границы пустыни Регистан. Дальше через ущелье в небольшой гряде гор Тангай Чар начинается караванный путь в направлении северо-востока до Лашкаргаха. Предполагалось, что далее дорога через Фарахруд – Шиндант – Гардез – Кушка не столь опасна. Итак, самое главное миновать опасный Кандагар, и пройти через пески и жару Регистана. По замыслу командования армии формировалась группа разнотипных грузовых и спецавтомобилей, тягачей с артиллерийскими установками, систем залпового огня, тяжелых самоходных установок под прикрытием танков, БТР, БМП и БРДМ. Эта группа должна пройти по караванному пути с целью определения возможности прохождения по нему всей группировки выводимых из под Кандагара войск.

Собрались на нашем КП аэродрома заместитель командующего 40 ОА г-м Пищев, командир 70 ОМСБр п-к Гришин Н.Н., к-р 22 ОВДБр СН подполковник Гордеев А.Т., начальник отдела АА ВВС Турк ВО п-к Самарин С.Н.. Военачальники решили не привлекать внимания к этому полету со стороны противника и выполнить его на одном вер-

толете Ми-8 без прикрытия с соблюдением скрытности сроков вылета и самой посадки пассажиров на борт. Пилотами вертолета были п/п-к Игнатов Е.И. и п-к Самарин С.Н. На предельно малой высоте, огибая рельеф местности, пролетели потихоньку отцы-командиры вдоль караванного пути. Они сделали вывод, что есть смысл в дальнейшей разведке пути составом группы с различными видами наземной техники.

Командование армии утвердило план и время начала этой операции. Накануне выхода группы на караванный путь вход на него должны заблокировать десантники спецназа. Высадка 50 бойцов будет выполнена с четырех вертолетов Ми-8, а прикрытия обеспечат четыре Ми-24. Задача ответственная. Контроль за ней осуществлял Ген.штаб МО СССР. Группу Ми-8 возглавил командир полка. В её составе полетят командир эскадрильи п/п-к В. Купрышкин и замполит В. Киреев и еще один хорошо подготовленный экипаж. Прикрытие выполнит моя группа на Ми-24. В её составе мой постоянный ведомый начальник разведки м-р В.Карпов, а вторая пара в составе командира эскадрильи п/п-ка В. Андреева и замполита м-ра В.Лузик.

При подготовке к вылету я предложил план, по которому в районе высадки десанта мы не должны ждать огневого противодействия противника, а предотвращать его путем предварительного мощного удара по местам, где есть вероятность его нахождения. Исходя из этого замысла, должен выстраиваться боевой порядок, схема нанесения удара и взаимодействия обеих групп. При перелете к заданному району впереди пойдет моя пара, затем четыре «восьмерки» командира полка, а прикрывать сзади будет пара В.Андреева. С планом полета, ракетно-пушечных ударов и десантирования все командиры экипажей согласились, а командир полка его утвердил.

Ранним утром следующего дня, пока не наступила жара, экипажи прибыли на аэродром. Все здоровы, бодры, очень собраны и полностью готовы к выполнению боевого задания. Пилоты хорошо себя чувствуют и сохраняют возвышенный тонус тогда, когда все идет по плану, нет проволочек, тягомотины неопределенности и нудного ожидания. Все в этот раз соответствовало качественному выполнению задания. Вертолеты исправны, полностью заправлены, снаряжены боеприпасами и ждут нас с пока еще опущен-

ными вниз лопастями несущего винта. Командиры экипажей приняли доклады от бортовых техников, вместе со вторыми пилотами или летчиками-операторами провели ритуал предполетного осмотра и собрались у КП полка. Все доложили командиру о готовности к вылету.

Точно по времени на аэродром примчались два закрытых тентами грузовика, плавно затормозили и остановились у готовых к вылету Ми-8. Без суеты и заминок через задний борт спешили десантники в песочной спецназовской форме. Никаких громких команд или окриков. Каждый четко знает, что делать. Построения перед вылетами у этих парней по моему и не проводились. Старший группы – заместитель командира батальона подошел к нам, поздоровался. Уточняем, что все идет по плану, все готовы, значит: «По коням, т.е. по вертолетам!»

Элита вооруженных сил и ВДВ 19-летние спецназовцы – бойцы срочной службы за секунды исчезают через открытые боковые двери в грузовых кабинах «восьмерок». Дружно завывали двигатели автономных источников питания восьми вертолетов, через 30 сек. вой превратился в однотонное сильное гудение, забивающее свои-

ми децибелами все остальные звуковые волны аэродрома. Дружно закрутились лопасти несущих винтов и замельтешили короткие хвостовые. Через 5-6 мин. вижу, как дружно закрываются люки командирских кабин у Ми-24, а на «восьмерках» бортовые техники, обежав кругом свою машину, затаскивают внутрь лестницы-стремянки и сдвигают двери. Еще одна-две минуты, чтобы убедиться в нормальной работе всех систем, что все красные табло погасли, а все нужные зеленые горят. Оператор по СПУ докладывает о готовности, а в эфире раздаются доклады командиров: «Двести второй готов! Двести пятый готов!» Семь докладов. Восьмой говорит командир: «Двести первый готов! Выруливаем!»

Каждый из нас, летящих сегодня в этой группе – воздушный ас. Никому не нужно рассказывать о том, кто за кем и куда рулит и что должен делать. Первой по рулежной дорожке бежит моя пара, затем пары Игнатова, Купрышкина, Андреева. С разрешения РП выруливаем на полосу, разбегаемся и, почти не набирая высоты, на 10-15 м левым разворотом уходим от аэродрома. Темп взлета и построения боевого порядка довольно высокий, поэтому шасси убираем в процессе первого разворота.

Летим над красными песками сказочно красивой пустыни. Северную оконечность пустыни венчает небольшая гора, похожая на египетскую пирамиду, не тронутую временем. В южную часть её отрогов затекают языки песка из пустыни Регистан, а дальше они по каким-то неведомым нам законам не движутся. Гора шириной не более одного километра, раскинув небольшие руки-отроги не пускает пустыню на север в оазисы, расположенные вдоль реки от Кандагара до Лашкаргаха, а это не менее 250 км. Обычно при пролете мимо этих горюшек мы проверяем работу всех видов оружия. Сегодня мы бережём ракеты, но пушки все-таки пилоты проверяют. Неподвижная марка прицела наводится на выступ скалы, короткое нажатие на боевую кнопку. С дистанции около 1000 м два-три снаряда ложатся точно там, куда направлена неподвижная марка прицела. Отменное оружие пушка ГШ-30. Можно стрелять из неё как из пистолета по одному снаряду за нажатие боевой кнопки. Другой вариант – короткая очередь из нескольких снарядов, а можно и длинную очередь с высоким темпом стрельбы. При стрельбе очередью с высоким темпом создается впечатление, что воздух рвется в клочья, а вертолет

конкретно тормозит и рыскает в сторону борта, на котором закреплена пушка. Каждый из боевых вертолетов долбанул по знакомой горе из пушек, и вот мы уже всей ревущей мощными двигателями группой несемся над барханами Регистана.

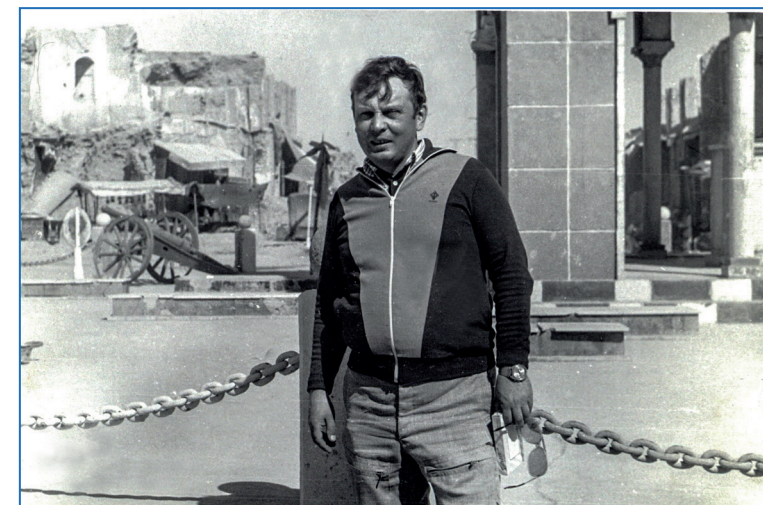
В пустыне жизнь мало изменилась за тысячи лет. Основа основ в этой жизни – верблюжья колючка, вешняя вода и овцы. Последние дают мясо, шкуры, шерсть, молоко и жир. Едят они колючку, которая для кочевников является еще и топливом. Время здесь остановилось, но в это остановившееся время, но не остановившееся пространство, вторглась война. Она запустила по проторенным тысячелетиям назад караванным тропам «духовские» караваны.

Караваны внешне, наверное, похожи на прежние. Так же неторопливо шагают одногорбые голенастые верблюды, рядом с ними шествуют погонщики в чалмах с посохом на плече. Но многие из караванов имеют в багаже суперсовременное оружие, ПЗРК Стингер – это

смертельное жало для вертолетов.

В июле пустыня безлюдна, её жару и безводье не выносят ни люди, ни животные. Через пустыню с севера на юго-запад, от столицы южного Афганистана Кандагара к Пакистанскому городу Чаман пролегает бетонная автотрасса. За время долгой войны она изрядно пострадала от взрывов, но все же остается проезжей. По этой дороге пойдет группа наземной техники, а потом свернет вправо к горам, от которых начинается караванный путь через Регистан. Это будет завтра, а сегодня, пугая редкие машины, вдоль дороги мчатся наши восемь вертолетов.

Пустыня ограничивается грядой гор Тангай Чар, которые

В Кандагаре

и являются целью нашего полета. Протяженность гор всего 4-5 км, ширина 500-1000 м, высота 200-250 м. Прилегающая местность довольно равнинная, поэтому эти небольшие, даже не горы, а горюшки имеют доминирующий, грозный вид. Узкое ущелье с вертикальными откосами-стенами разделяет горы на две неравные части. Одна из них, меньшая по размерам, является как бы обломком большей части. На северной стороне меньшей горы расположен заброшенный полуразрушенный кишлак. На южной, у входа в

После вылета

ущелье наверху, прилепилась небольшая крепость. Сторожевая башня этой крепости, построенная в виде шахматной лады, прилепилась на краю пропасти, по дну которой проложена дорога, ведущая в пустыню.

Наша группа при подлете к горам разделилась на две части. Группа Игнатова на расстоянии 2-3 км от гор образовала карусель над пустыней, а боевые вертолеты нанесли удар управляемыми ракетами по развалинам кишлака и прилегающим подозрительным отрогам. Завершив удары, двадцать четвертые вертолеты отвалили в стороны и встали в вираж неподалеку от кишлака, а «восьмерки» Игнатова выполнили залп ракетами, приземлились у кишлака в еще не полностью осевшую пыль от разрывов ракет. Десантники за несколько секунд высыпались из вертолетов и исчезли из виду, слившись с местностью. Вертолеты обогнули горы и начали огневую обработку входа в ущелье с другой стороны. Группа «восьмерок» также, как и раньше, встала в круг над равнинной местностью. Моя пара обрабатывала ракетами вход в ущелье и вершины меньшей горы, а пара В. Андреева все подозрительное на большой горе. К югу от гор местность

была густо заселена местными племенами. Видны возделанные участки земли, шатры из черных овечьих шкур, пасущиеся отары овец и одногорбые верблюды. Над таким густонаселенным районом летать опасно, поэтому летим на высоте 5-7 м. От рева многочисленных двигателей ужас овладевает отарами овец, и они рассыпаются на множество несущихся в разные стороны животных. Даже невозмутимые верблюды бегут, куда глаза глядят, высоко задирая головы.

Подлетаем к основанию горы на максимальной скорости, и энергично задирая носы вертолетов, переходим на кабрирование. После выполнения маневра мы выскочим на опасную большую высоту и станем хорошей целью для ПЗРК. По моей команде оператор включает отстрел АСО. От вертолетов в разные стороны посыпались огненные искры тепловых ловушек. Система инфракрасного противодействия ПЗРК была включена раньше при подлете

к опасному району. Скорость падает, падает и еще падает, подходя к минимально допустимому значению. Нос задирайте больше нельзя, угол кабрирования достигает критических значений так, что становится видно только небо. Отдаю ручку управления от себя, не позволяя вертолету увеличивать дальше угол тангажа. Теперь вижу вершину горы и прилепившуюся к склону старинную крепость. Интуитивно чувствую, что пора. Нажимаю боевую кнопку. Четыре ракеты ушли к горам,

Гора Тангай Чар на южной границе пустыни Регистан

оставляя за собой бурый след отработанных газов. Еще не вижу разрывов, но понимаю по направлению шлейфа, что прицелился правильно и еще раз

нажимаю кнопку. Еще четыре ракеты пошли с обеих сторон вертолета и понеслись к горе. Ракеты первого и второго залпов точно накрывают вершину, обозначая разрывы бурными облачками. Мой вертолет почти завис с задраным носом и скоростью близкой к нулю. Правая нога идет почти до упора, вертолет мгновенно разворачивается вокруг собственной оси и вот уже стремительно пикирует в сторону от горы. Чуть поворачиваю голову вправо и вижу ведомого, зеркально выполнившего мой маневр и тоже после удара пикирующего параллельно с моим вертолетом. Разогнав скорость, выполняем форсированный разворот на 180 градусов и вновь несемся к горе. Вижу, как неподалеку от нас также работает пара В.Андреева.

Повторяем маневр по прежней, оказавшейся удачной схеме. Снова работаю ракетами по склонам гор у входа в ущелье. Достигнув минимальной скорости, ногой и ручкой управления сваливаем вертолет в крен, а затем переводим в пикирование. Обработка гор на входе и выходе из ущелья с обеих сторон завершена. Ракеты у всех закончились, в азарте боевой работы пилоты не оставили резерва на обратный полет. Случись что, рассчитывать остается толь-

ко на пушку. Высадка десанта прошла вполне благополучно, а после массивной обработки гор ракетами, противодействия от «духов» не было. Собираем вертолеты в боевой порядок для обратного полета и летим вдоль дороги к аэродрому. Старший группы высаженного нами десанта доложил по радиостанции, что у них все нормально, противодействия нет.

Утром следующего дня группа разномастной боевой и специальной техники прошла по караванному пути от Кандагара до Лашкаргаха без потерь и огневого противодействия. Вывод о возможности прохождения колонн был положительным, но представлял собой большую трудность, особенно для машин обычной проходимости и тяжелой артиллерии. Впоследствии этот вариант не был использован. Руководители моджахедов были заинтересованы в скорейшем уходе наших войск из Афганистана и не оказывали серьезного противодействия колоннам наших войск.

ПОДГОТОВКА К ВЫВОДУ ВОЙСК

По плану генерального штаба воинские части из-под Кандагара должны выходить в первых числах августа. Непосредственная подготовка частей к перебазированию проводилась с начала июня. Колонны автомобильной техники с грузами под прикрытием брони поэтапно уходили на территорию Союза, а потом из Кушки эшелонами перевозились к местам постоянной дислокации. Наш 280 ОВП с частями обеспечения должен перебазироваться на аэродром Пружаны, что под городом Брест в Белоруссии. Туда и отправились два железнодорожных эшелона с людьми и техникой. Полностью перебазировалась ПАРМ, так что случись серьезные повреждения вертолетов, специалистам ТЭЧ полка туго придется. Так и произошло.

В июле во время пыльной бури ночью душманы обстреляли из минометов наш аэродром, в результате разрывов мин получили серьезные повреждения несколько вертолетов. Инженерам снова пришлось отзывать из Союза клепальщиков и

специальный инструмент. В результате круглосуточной работы отменных специалистов за несколько суток вертолеты отремонтировали.

Перевозка технического имущества осуществлялась на вертолетах Ми-6, которые выполняли по ночам на максимальной высоте челночные рейсы в Мары и обратно. Их максимальная загрузка составляла всего 2,5 т, т.к. даже по ночам температура воздуха была не ниже +25°C, заправка топливом полная, а высота полета 5 тысяч метров. Экипажи летали без кислородных масок, т.к. в боевых условиях кислородное оборудование взрывоопасно.

В середине июля командир полка Е.Игнатов конфиденциально шепнул на ухо, что начальник отдела армейской авиации из Турк ВО полковник С.Н.Самарин предупредил его, что выводят нас не в Пружаны, а в Леонидово на о.Сахалин. Командование ВВС ТуркВО официально сообщать нам об этом не будет, пока мы не перелетим на территорию Советского Союза. Мы вдвоем с Евгением Ивановичем решили не говорить об этом никому, даже заместителям. Информация может разойтись по гарнизону, тогда работать с людьми будет тяжелее. Поскольку официального распо-

ряжения о передислокации на о. Сахалин нет, то когда перелетим на Родину и командование поставит задачу, тогда и сообщим подчиненным.

Одним из вариантов для 280 ОВП, был вывод на приграничный аэродром Теджен в Таджикской ССР. Руководство СССР предусматривало возможность резкого обострения военной обстановки в Афганистане после ухода наших войск. В соответствии со стратегическим планом ГШ МО СССР некоторые советские воинские части должны разместиться в ТуркВО в приграничных районах. Это было доведено официально до командования полка, которое должно разработать план перебазирования и провести рекогносцировку.

Командование ВВС 40 ОА выделило нам Ан-26, на котором полетели командир полка, начальник штаба, начальник политического отдела, заместитель по ИАС и командиры частей обеспечения. Перелетев на территорию СССР, наш самолет приземлился на полевой аэродром Калай Мор. При перелете на аэродром Мары в случае каких-либо отказов авиатехники или нехватки топлива наши вертолеты могли приземлиться на этот аэродром. Он был совершенно пустым без каких-либо

построек и средств навигации. Решено было на время нашего перелета через границу разместить на аэродроме БПРС, топливозаправщик и дежурного врача. Дальше был Теджен, в который мы прилетели уже в середине дня. Мы с командиром полка поехали в райком партии на черной «Волге», которую за нами прислало руководство района.

Небольшой городок с геометрически правильно расположенными и довольно чистыми улицами, состоящими из однотипных одноэтажных домов. Зелени очень мало, т.к. её сжигает беспощадное солнце. На улицах совершенно безлюдно, жизнь от жары как-будто остановилась. Здание райкома КПСС типовое для районных структур. На флагштоках рядом с входом в здание обвисшие в безветрие флаги СССР и Таджикской ССР. В здании нас встречает второй секретарь райкома – русская полноватая женщина на вид лет 45-ти. Она рассказала нам, что первый секретарь уехал на совещание в ЦК республики, поэтому обязанности исполняет она. В то время первыми секретарями райкомов и горкомов КПСС назначались лица коренной национальности, а вторыми секретарями обязательно русской. Разговор был непродол-

жительным. Второй секретарь объяснила нам: «Возможности для размещения большого количества военных у города весьма ограничены. Свободного жилья, мест для работы членов наших семей нет, свободных мест в школах и детских садах тоже. Много чего необходимого нет. Конечно, если партия скажет надо, райком ответит – есть. Все, что от нас зависит, мы для военных сделаем».

Она проводила нас до выхода из здания райкома, пожелала скорейшего возвращения на Родину. Измученный жарой экипаж самолета с радостью готовит самолет к вылету. Все делается очень быстро, нужно скорее запустить двигатель и включить кондиционер. В салоне самолета под потоком прохладного воздуха начинаем обдумывать и обговаривать результаты рекогносцировки. Вывод возникает такой, что лучше бы нам еще в Афганистане остаться, чем в Теджене на голом месте обустроиваться. Но нас, впрочем, никто не спрашивает о наших желаниях.

В наш гарнизон зачастило высокое начальство. Регулярно прилетали заместители командующего армии, начальники родов войск 40 ОА. Даже главный санитарный врач МО СССР генерал лейтенант прилетел на

пару дней. Он собрал офицеров и прапорщиков и выступил с лекцией о состоянии эпидемиологической обстановки в частях ограниченного контингента советских войск в республике Афганистан и мерах по сохранению здоровья военнослужащих и служащих СА. Генерал рассказал, что наши скважины бурятся на глубину всего до 25 м. На этой глубине вода не обладает необходимой степенью естественной очистки от загрязнений разного рода и требует дополнительной обработки, как минимум в виде кипячения. А вот американцы, оказывается, имеют техническую возможность бурить до глубин порядка 80 м, а там вода уже обладает высокой чистотой. Это все было интересно познавательно, но мы больше страдали от веерных отключений электричества, вышедших из строя кондиционеров, плохо пропеченного хлеба и надоевшей тушёнки в столовой. По нашим сведениям дрожжи идут на изготовление браги ушлыми тыловиками-снабженцами мотострелковой бригады, а мука смолота из незрелого зерна. Все невзгоды советские военнослужащие переносили стойко, но самое тяжелое испытание состояло в неведении о сроках вывода. Наш полк по первоначальному плану должен

был уходить в мае, но июль наступил, а мы еще в Кандагаре.

Высокопоставленным гостям мы не слишком радовались. Они требовали к себе повышенного внимания, произвольно нарушали устоявшийся режим работы и жизни. У командиров на войне режим жесткий и ритм жизни весьма напряженный. Командир авиационного полка – летчик, поэтому летает систематически на боевые задания или контрольные проверки с подчиненными. Война войной, но организм требует отдыха, который тоже имеет свою специфику у авиационных командиров. Но вот прилетают начальники, а их нужно не просто встретить, разместить, напоить и накормить, но еще и постоянно находиться с ними. При этом неважно, как себя ведут гости, скромно или совсем иначе. В любом случае они нарушают наш режим, а это очень мешает нормально работать. Если начальников одновременно несколько в одно время и в одном месте, то нижестоящим командирам становится совсем нерадостно.

В наш гарнизон прилетели одновременно командующий ВВС ТуркВО гегнерал-лейтенант Шканакин и начальник авиации 40 ОА генерал-майор Д.Романюк. Командир полка

накануне ночью улетел на Ми-6 на территорию СССР, а вернуться планировал следующей ночью. В отсутствие командира обязанности исполнял п/п-к А.Манько. В этот раз начальники нам особенно не мешают, им нужен именно Игнатов, и они сидят в его кабинете. В это время по линии оперативных дежурных поступает доклад о том, что на аэродроме Баграм в результате сильного обстрела сгорели сразу несколько вертолетов Ми-24 и Ми-8, а в Джелалабаде сбиты сразу два Ми-24. Ущерб очень большой, особенно в преддверии близкого вывода. Начальники висят на телефоне, получают доклады, раздают указания, а потом в какой-то момент выходят на улицу. В кабинете остается только п/п-к Манько А.Н. Очередной звонок телефона ЗАС, Саня поднимает трубку, представляется. Строгий голос из телефона сообщает: «Товарищ подполковник! Будете говорить с министром обороны!». Саня – мужик не робкого десятка, он недаром служил срочную службу в спецназе ГРУ, был кандидатом для поступления в Академию Советской Армии, готовившей разведчиков. Он отвечает, как положено: «Есть! Так точно!» Выскакивает на улицу и докладывает: «Товарищи командующие, на связи Министр обороны!».

Генералы дружно машут руками и шепчут: «Сам! Сам разговаривай! Скажи министру, что мы находимся у мотострелков». Подполковник нехотя возвращается в командирский кабинет. Снова звонит телефон, снова Саня представляется: «Заместитель командира полка подполковник Манько!» Из телефонной трубки раздается мат. Такого боевой офицер за свою жизнь еще не слышал. Министр обороны объясняет ни в чем не повинному заместителю командира кандагарского полка: «Иза таких, как ты, такие большие потери. Почему сбиты экипажи, почему сгорели вертолеты? В то время, когда на Родине ждут живых героев, вы не бережете их жизни. Вы убийцы! Я с вас очень строго спрошу!». Такой или примерно такой разговор Александр Николаевич хорошо помнит и сегодня.

Ночью прилетел из Когана командир полка Игнатов. После общения с ним генералы улетели в Кабул, а через один-два часа, не дожидаясь ночи, на Ан-26 прилетел к нам командующий Б.В.Громов. Как всегда подтянутый, в аккуратно выглаженном летном камуфлированном комбинезоне с полевыми погонами и подшитым белоснежным подворотничком. В глазах, движениях и речи чувствовалась

усталость от огромного напряжения, постоянно присутствующего у человека, ответственного за жизни десятков тысяч людей. . Никакой свиты кроме офицера для поручений у командующего не было. Он поздоровался с встречающими его офицерами за руку и коротко спросил у Игнатова: «Командир! Ты когда людей гробить прекратишь?». Командир вертолетного полка попытался объяснить командующему, что вертолеты с людьми на борту гибнут не только и не столько от огневого воздействия противника или плохой подготовки экипажей. Взаимная проблема авиации и других родов войск в нецелевом или неоправданном использовании вертолетов. Часто случается так, что за бойцом, заболевшим гепатитом или легко раненым в бою, летят четыре вертолета с количеством офицеров – членов экипажей 12 человек.

Командующий не стал долго выслушивать Игнатова. Он снова, но уже жестче сказал: «Перестань гробить людей! Лучше готовь лётчиков!». После недолгого разговора с командирами частей Кандагарского гарнизона командующий Б.Громов с командиром 70 ОМСБр полковником Гришиным Н.Н.и нашим командиром поехали в расположение бригады. Игнатов захва-

тил с собой пару трехлитровых банок хлебного кваса, произведенного великим искусником Саней Манько. После совещания по выводу войск Кандагарского гарнизона командиры немного отдохнули в бане бригады. Громов пил только чай и квас, поэтому Игнатов и забрал в баню наши запасы. После встречи с командующим Е.Игнатов назвал точную дату нашего перелета в СССР. Нам предстояло перебазироваться 3 и 4 августа 1988 г. вместе с 205 ОВЭ. Необходимо еще оставить на месте на один-два дня для решения экстренных задач одно звено Ми-24 и одно Ми-8. Командование полка должно составить план воздушного эшелона и согласовать его с генералом Д.Романюком, Началась непосредственная процедура вывода войск.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Вывод войск по времени и количеству людей и боевой техники был согласован на Женевской конференции. Колонны с наземной техникой под прикрытием брони 70 ОМСБр потянулись через Кандагар к Лашкаргаху, Фарахруду, Шинданту и далее через Кушку в

Мары. Офицеры политотдела ехали в колоннах, выполняя задачи политработы помогать командирам, поддерживать людей морально и психологически, заботиться об отдыхе и обеспечении. Все они выполнили задачи отлично, получив добрые отклики солдат и офицеров. За несколько дней до вывода я представил их всех к государственным наградам, а заместителя начальника политотдела майора Березкина В.П. к присвоению звания подполковник, на ступень выше занимаемой должности. Документы партийного учета вместе с секретной частью были отправлены специальным рейсом на Ан-26 в сопровождении инструктора партийного учета прапорщика Кожина. Начальник офицерского клуба ст. л-т Виктор Куделькин уехал с клубным имуществом вместе с колоннами техники и людей в Белорусские Пружаны. Эскадрилья МиГ-23 улетела раньше всех, сразу на один из аэродромов Союза, освободив стоянки самолетов и жилые модули.

В нашем гарнизоне появились наблюдатели ООН в голубых беретах. Они приезжали на аэродром непосредственно перед вылетом самолетов. Ил-76 стояли на перроне аэропорта Ариана с открытыми рампами

и ожидали прибытия пассажиров. К самым рампам самолетов подъезжали КАМАЗы, из которых бодро выгружались нарядные, отвоевавшие свое бойцы. Медаль от благодарного афганского народа у всех, у многих боевые медали, а то и ордена. Ребята весело, с улыбками на лице загружались в самолет, махали руками теле- и фотокамерам налетевших со всего мира корреспондентов. При посадке в самолет наблюдатели тщательно пересчитывали бойцов, записывали количество в специальные ведомости и ждали вылета самолетов. Самолеты загружались под завязку, взлетали и набирали над аэродромом высоту. Наблюдатели ООН и журналисты быстро исчезали с аэродрома.

Через 10-15 мин. на аэродроме приземлялись снова те же самые Илы, заруливали на стоянки подальше от аэропорта и открывали рампы. Снова подъезжали крытые автомобили и задним бортом вставляли к самолетам. Быстрая перегрузка из самолета в грузовик тех бойцов, которые как бы домой улетели. Дальше автомобили с бойцами в кузове разъезжались по своим частям. Этих закаленных бойцов уже сегодня, а может быть завтра, мамка увидит по телевизору, будет родню обзванивать и соседям хвалиться. А сын

еще дальше воевать будет, и не все из попавших в телекамеры, может быть, домой вернутся. Циничная была показуха, на дураков рассчитанная. Перед этим мероприятием мне позволил начальник политотдела 70 ОМСБр, и сказал, что для программы «Время» будет сниматься сценарий вывода войск, а он будет давать интервью. Коллега предложил мне: «Постоишь рядом, радостно улыбнешься и помашешь рукой. Тебя весь Союз увидит, семья, родители». Это действительно было соблазнительно, но как-то не по мне. Я отказался.

Не менее циничной, но еще и очень опасной была и другая показуха, тесно связанная с вышеописанной. Опытные, закаленные в боях бойцы нужны были для участия в непрекращающихся ни на один день боевых действиях. Необходимо было ежедневно, в соответствии с графиком, отчитываться о сотнях и тысячах выведенных из Афганистана солдат и офицеров. Этих ребят не увольняли из армии по дембелю, пока подразделение или вся воинская часть на Родину не вернутся. Ну, показали ребят один-другой раз наблюдателям ООН и по телевизору, а дальше что делать? Стратеги в высоких штабах быстро придумали выход из положения.

Молодых солдат, только что призванных на службу и принявших присягу, загружали в Ташкенте на военном аэродроме в самолеты Ан-12 и привозили сотнями на аэродромы Афганистана. Там они выгружались из самолетов, размещались прямо на бетоне или голой земле и ожидали, иногда сутками, очередного показушного рейса на Родину. Бойцы в неловко сидящем, еще необмятом обмундировании питались сухим пайком, что-то пили, куда-то бегали в туалет и много спали на земле, положив остриженную под ноль голову на солдатский вещмешок. Поступала команда, бойцы строились, сбивали пыль с обмундирования и поднимались в самолет. Их перевозили на другой аэродром, где они демонстрировались очередным наблюдателям и снова куда-то перелетали. Не знаю, долго ли продолжались мытарства этих воинов интернационалистов, очень надеюсь, что не слишком. Не знаю и сегодня ответов на несколько вопросов по этим пацанам-новобранцам, назначенным играть роль, отвоевавших свое бойцов. Перечислю эти вопросы, заранее не имеющие ответа:

– Наблюдатели ООН не понимали, что за бойцы им демонстрируются?

– Как на Ан-12 в негерметичной грузовой кабине перевозить людей на высотах не менее 5 тыс. м над уровнем моря, где холодно и мало кислорода?

– Какое здоровье нужно пацанам для того, чтобы несколько суток жить на голом аэродроме, без укрытий от солнца, без нормальной пищи и хорошей воды?

Не задаю вопроса о совести и выполнении суворовской заповеди про заботу о солдате. Не задаю вопроса о том, были ли среди тех, кто в штабах принимал решение об этой показухе люди, которые бы задумались о здоровье и жизни пацанов в угоду статистике ООН. Не задаю, потому что ответ мне и так очевиден.

Наш военный городок, обжитой за годы войны, пустел на глазах. В модулях становилось все больше свободных комнат. Улетели на Ил-76 многие женщины-служащие СА. Их провожали чуть ли не всем гарнизонном. В летно-технической столовой вместо девушек – официанток теперь были солдаты из ОБАТО, а это совсем не то. Жизнь продолжалась, но совсем другим чередом. Суетно как-то стало, воинская дисциплина ослабела. «Духи» наоборот активизировались, обстрелы участились, нанося ущерб вертолетам и ранения людям.

В один из дней Игнатов сообщил мне, что по его наблюдениям, на перроне аэродрома несколько дней находится бесхозный штабель ящиков с патронами к автоматам калибра 7,62 мм. Эти патроны к нашим автоматам не подходят, т.к. в наших войсках давно перешли на калибр 5,45 мм, значит, они предназначены для афганцев, а те не забирают. Патроны, не дай Бог, уйдут к «духам». Посоветовавшись, мы решили передать патроны в качестве прощального подарка белуджам. По моей команде патроны быстро загрузили в ГАЗ-66, а я сел на УАЗ, и помчались мы в лагерь кочевников.

В лагере меня и наш подарок встретили, как всегда, приветливо. Мы обнялись с Якуб Ханом, обменялись любезностями. По статусу вождя племени радость показывать ему не пристало, поэтому он вежливо поблагодарил и сразу стал просить гранатометы и пулеметы. Я посоветовал ему обращаться с этим вопросом в приемную генерала армии Варенникова. По ходу разговора огорчил вождя сообщением о том, что улетаю на Родину в ближайшие дни, и мы с ним должны попрощаться. От угощения я отказался, не до него уже было. Тогда вождь предложил мне в качестве подарка часы фирмы

«Сейко». Я показал ему запястье своей руки, на котором были пристегнуты отечественные штурманские часы и отказался от подарка, ссылаясь на то, что меня всем обеспечивает государство. Теперь немного жалею о своем принципиальном отказе. Сейчас могла бы быть у меня такая памятная штука. Уехав из лагеря белуджей, я посчитал, что мой визит был последним, но ошибся.

ЖУРНАЛИСТЫ

Кавиаторам из Союза нагрянула группа газетчиков-журналистов, писателей, фотокорреспондентов. Среди них наиболее известными были Александр Олейник от газеты «Красная Звезда» и Евгений Бай от «Известий». Знакомимся, пьем травяной чай, беседуем обо всем сразу. Ребятам нужны интервью, интересные факты, кадры для фотографирования. Знакомлю их с некоторыми летчиками и техниками. Представляю для интервью майора Володю Киреева, который на подбитом вертолете вывез с поля боя группу спецназа. После разговора с ним журналисты попросили меня рассказать про тот боевой вылет. Видимо я рас-

сказал интереснее, чем Киреев, потому-то в газете «Известия» через некоторое время появилась моя версия рассказа о вылетах того злополучного дня.

Узнав из разговора о моих контактах с кочевниками-белуджами, Евгений Бай настойчиво, как умеют журналисты, попросил о поездке в их лагерь. Мне совсем не хотелось выезжать за охраняемую зону, тем более, что я уже попрощался с вождем и старейшинами племени. В ходе нашего разговора Евгения активно поддержал Олейник: «Владимир Александрович, мы будем последними советскими корреспондентами, побывавшими у белуджей. Это же бесценный материал. Век будем Вам обязаны. Ну, пожалуйста!». С огромной неохотой я сдался, и мы на УАЗе поехали в лагерь кочевников. Там нас явно не ожидали увидеть, долго искали вождя Якуб Хана и переводчика. Евгений и Александр моментально выскочили из машины и защёлкали затворами фотоаппаратов, ловя в объективах шатры, хижины, живописно одетых кочевников, которые быстро собирались вокруг нас. Вождя все еще не было, но подошли старейшины с мрачными лицами и агрессивным видом. Перед тем, как выйти из кабины автомобиля, я передал свой

автомат солдату-водителю Павлу и проинструктировал: «Если обстановка совсем ухудшится, и ты это поймешь, стреляй в воздух и уезжай в часть. Автомат положи на колени и сними с предохранителя, двери все заблокируй».

Старейшины племени без всякого переводчика, активно жестикулируя и перебивая друг друга, спрашивали: «Почему вы уходите? Почему оставляете нас без военной поддержки? Дайте нам оружия: минометов, гранатометов, пулеметов!». Я ничего внятного не сказал в ответ, а старейшины и не ждали моего ответа, они были в панике и растерянности от того, что советские войска уходят. Видимо, на помощь от афганских правительственных войск они не надеялись. Я потерял из виду фанатиков – журналистов, фотографирующих все вокруг и пытающихся взять интервью у белуджей.

Неторопливо, как положено вождю, подошел Якуб Хан с переводчиком. Мы поздоровались и традиционно обнялись. Вождь пытался о чем-то поговорить, но мне было не до того. Я объяснил, что привез к ним советских журналистов, которые напишут в газетах о белуджах, а значит, их будет знать весь мир, и тогда никто не обидит. Якуб Хан кивал

головой в знак согласия, но по выражению лица было понятно, что не верит моим словам. Для меня, впрочем, это было уже не важно, я увидел бегающего по кишлаку с фотоаппаратом Евгения Бая, ухватил его за рукав и насильно затащил в машину. Александр Олейник был военным журналистом, имел звание подполковника, поэтому тревожную обстановку почувствовал быстрее и из толпы белуджей выбрался раньше нас. Я снова попрощался с вождем Якуб Ханом, вскочил в УАЗ, забрал с Пашкиных коленей автомат, и мы помчались в охраняемую зону. Я понимал сам и объяснил журналистам, что ничего страшного не должно было с нами случиться, но за несколько дней до вывода войск опасность за пределами охраняемой зоны многократно выросла. Честно говоря, и выжить теперь хотелось больше. Впрочем, журналисты, отчаянные люди, об этом всем не переживали, т.к. получили массу бесценного материала. Командир полка по поводу нашей поездки только покачал головой: «Куда вас, братцы, к черту понесло? А ,Владимир Александрович, зачем туда поперся, за пару дней до вывода?». Журналисты на прощанье подарили мне свои книги с дарственными надписями, вручили визитки, и

мы расстались друзьями. Впоследствии, когда через газеты пришлось отстаивать честь всех вертолетчиков, знакомство с ними очень пригодилось.

ГЕНЕРАЛ ЗАХАРОВ

На аэродроме приземлился транспортный самолет, на борту которого находился член Военного Совета 40 ОА генерал-майор Захаров Александр Имамединович. Он интересовался нашей подготовкой к перебазированию и настроением летчиков. Генерал не приказал, а попросил выделить ему вертолет для перелета в Лашкаргах, а затем в Шиндант. Я сразу отреагировал на эту просьбу тем, что предложил отправить его с усиленной группой из четырех вертолетов Ми-8 и четырех Ми-24. Нам было очень выгодно отправить на перевозку генерала Захарова А.И. больше вертолетов. Этот перелет будет выполнять днем через безлюдную пустыню и вдоль автодороги, хорошо охраняемой при выводе войск. Следовательно, перелет будет довольно безопасным для начальника такого уровня, сопровождающих экипажей и спецназовцев сопровождения. Поскольку основная

группа вертолетов будет перелетать ночью на временных и высотных эшелонах, то мы просто не сможем за две ночи отправить такое большое количество. Кроме того, часть молодых командиров экипажей имеет слабую ночную подготовку, следовательно, такие экипажи тоже лучше отправить днем.

На КП авиации в Кабуле сразу согласились с нашим предложением. До этого командир полка уговаривал командующего генерала Романюка выполнить перелет полка одним днем на предельно малых высотах, но командующий не согласился. Теперь представилась возможность отправить сразу восемь вертолетов. Захаров оставил этот вопрос на наше решение: «Поступайте так, как считаете целесообразным». Командиры эскадрилий быстро выбрали экипажи, которые полетят с генералом и в Кандагар уже не вернутся. Собраться им было недолгим делом, да и у техников все давно готово к перелету.

Генерал-майор Захаров А.И. встретился с командованием 70 ОМСБр, поговорил с командиром бригады и начальником политотдела, которые крутились денно и нощно, отправляя колонны с техникой и людьми, раненых из госпиталя на санитарных Ан-26. Убедившись в

высокой организованности при выводе подразделений бригады, он переехал в расположение батальона спецназа, где его очень тепло встретил комбат Горатенков с заместителем по политчасти. Там генерал тоже задержался недолго, спросил о проблемах, на которые десантники жаловаться не привыкли. Подполковник Горатенков предложил Александру Имаметдиновичу выпить по рюмке коньяку за благополучный вывод войск, не преминув при этом напомнить, что в их батальоне и 22 бригаде хорошо помнят, что генерал Захаров – выходец из ВДВ и гордятся этим. Под знаменитый тост: «За вас, за нас и за спецназ!», мы выпили по рюмке-другой хорошего коньяку. Без лишних церемоний попрощавшись с боевыми офицерами, мы с генералом поехали снова на аэродром. Вертолеты и экипажи были в полной готовности и уже через 15 минут с генералом и его охраной на борту помчались в сторону пустыни.

ПОСЛЕДНИЙ БОЕВОЙ

Аэродром теперь еще больше опустел. Людей оставалось немного. За два-три дня до нашего перелета в Союз на аэродроме приземлился афганский самолет, из которого выгрузились бойцы национальной гвардии президента Наджибулы. Они выгрузили из самолета свой скарб и, приехав в наш жилой городок, заняли освобожденные модули. Гвардейцы все, как один, были шустрými и подвижными как ртуть. Одеты они были в сетчатые камуфлированные костюмы и почему-то все очень лохматые. Про их высокую профессиональную подготовку ходили легенды, что уже заранее вызывало к ним уважение. Тем не менее, в опустевшем городке, где еще несколько дней назад кипела жизнь, а теперь изредка появлялись только одиночные фигуры наших военных и мельтешащие везде афганцы, было как-то не по себе. По мере того, как тыловики передавали городок афганцам, наша жизнедеятельность перемещалась на аэродром и концентрировалась вокруг КП. Задачи на боевые действия ставились уже не в классе штаба, а непосред-

ственно на аэродроме в присутствии всего летного состава.

Наступил момент постановки задачи всему полку на перелет по маршруту: Кандагар – Шинданта – государственная граница СССР – Мары. Перелет должен был осуществляться только ночью на двух эшелонах 3600 и 3900 м. над уровнем моря с временным интервалом в десять минут. По количеству вертолетов мы с трудом вписывались во временной интервал двух ночей. На все вертолеты Ми-24 подвешивались по два подвесных топливных бака, что позволяло долететь от Шинданта до аэродрома Мары, а от Кандагара до Шинданта могли обойтись и без них. Конструкция подвесных баков имела серьезный изъян. Поплавки, открывающие топливный трубопровод, иногда залипали. Могло получиться так, что топливо на борту есть, а в двигатели оно не поступает. Инженер полка дал команду бортовым техникам подвязать злополучные поплавки контрольной проволокой таким образом, что бы трубопровод был всегда открыт. Команду дали, а вот проверить или помочь неопытным бортовым техникам не все техники звеньев удосужились. Это обстоятельство впоследствии сыграло злую шутку с некоторыми экипажами, в т.ч. с моим.

Постановку задачи командир полка подполковник Игнатов Евгений Иванович проводил на улице под защитой стены КП. Прикрытие, хотя и не очень серьезное, но все-таки как-то защищает от посвистывающих иногда пуль. Полк построился в каре. Командир зачитал последний боевой приказ. На следующие сутки 2 августа 1998 года полк должен начать перебазирование на аэродром Мары-2. Первым полетит первый заместитель командира полка подполковник Манько Александр Николаевич, а за ним следом ровно столько экипажей, сколько вписывается в темное время суток. При возникновении неисправностей экипажи могут выполнить аварийную посадку в Лашкаргахе. Оттуда уже перебазировалась 205 ОВЭ, но оставался командир эскадрильи подполковник С. Косенков и небольшая группа обеспечения. Так же оставался запасным вариантом Фарахруд, где тоже оставался командовать до нашего пролета один из командиров отрядов. На следующую ночь 3 августа Манько перелетает из Шинданта в Мары со своей группой, а из Кандагара первым взлетает заместитель командира по летной подготовке подполковник Вилков Н., затем все другие экипажи. Ко-

мандир Игнатов лично руководит выпуском всех экипажей в течение ночи. Предпоследним должен взлететь мой экипаж на Ми-24, а командир, выпустив меня, забирает на Ми-8 группу руководства полетами и улетает последним. Оставшиеся четыре Ми-8 и четыре Ми-24 полетят на следующие сутки после нас днем на предельно малой высоте по команде ГБУ после ухода последней колонны наземной техники 70 ОМСБр и остатков нашей техники частей обеспечения. Другая, последняя боевая задача: пара Ми-8 и пара Ми-24 с офицером ГРУ пролетит по площадкам, которые непосредственно перед вылетом тот укажет. Старшим группы назначался подполковник Фролкин. Закончив постановку задач, командир разрешил экипажам разойтись, порекомендовав при передвижении пригибаться и прижиматься к стенам построек. В последнюю ночь надо быть особенно бдительными и усилить охрану жилых модулей составом наземных авиационных специалистов. После доведения боевого приказа я подошел к командиру. С недоумением спрашиваю:

–Командир! Я не понял, как так? Чего мне в последний день спланировал такой опасный вылет в «духовские» районы?

– Володя! Давай не будем лишних слов говорить. Кто, если не ты? Надо лететь.

– Понял, командир! Я не рвусь, но если надо, значит надо. С кем из ГРУшников летим?

Командир, докуривая очередную сигарету, нехотя посмеивается: «С другом полетишь, с Рафкатом, а он любит летать в «духовские» районы. Просил, что бы ты с ним в крайний раз слетал, так что его и благодари». (Суеверные лётчики, а они все к таким относятся, не используют слово последний. Есть неправильное, с точки зрения грамматики, слово «крайний», его и употребляют. Ещё не применяют на летательных аппаратах номер тринадцатый, и никогда не фотографируются перед полётом).

На аэродроме еще взлетают и приземляются транспортные самолеты. Вертолеты дежурного звена летают только для прикрытия аэродрома и за ранеными бойцами. Полностью ушли эскадрильи МиГ-23 и Су-25, по их

пустым стоянкам ветерок переносит принесенные из пустыни кусты верблюжьей колючки и как потерянные слоняются оставленные технарями, разномастные собаки. Активизировались полеты афганских боевых самолетов и вертолетов. Нагрузка на них резко возросла, они летают с раннего утра до позднего вечера и, к сожалению, несут значительные потери. Днем ко мне приезжал старый добрый знакомый подполковник Юсуф. Он начальник политотдела авиационного смешанного полка и мой одноклассник по военно-политической академии. Я передал ему кое-какие продукты и вещи. Мы не знали, что бу-

Карта начальника политотдела полка Фролкина В.А.

дет с афганскими офицерами и их семьями после нашего ухода. Нам всем было по-человечески очень тревожно за них. Потом, многие годы спустя, я пытался через наших лётчиков, летающих в миссии ООН, что-нибудь узнать про них, но тщетно.

Наша предпоследняя ночь была еще относительно спокойной. Большая часть полка еще не улетела. На постах охранения находился совместно с афганским наш батальон охраны. Правда всю ночь вокруг городка и аэродрома шла стрельба из всех видов оружия. Видимо, наши бойцы из охраны палили то ли от страха, то ли на всякий случай, то ли для развлечения, а скорее всего все сразу.

Утро, как всегда в Афгане, солнечное и с первыми его лучами уже жаркое. Завтракать не хочется, но нехотя жуем сыр, гречневую кашу с говяжьей тушенкой, пьем чай. Командир с замами едут на КП. Командиру трудно решать любые вопросы с командующим авиацией генералом Романюком. Евгений Иванович приспособился не возражать особо генералу, но по возможности поступал так, как считал правильным, а потом как в той поговорке: «Все само собой рассосется».

На КП заходит Рафкат Муксинов, как всегда приветливо

улыбается в черные усы, с ходу подначивает Саню Манько, но сразу получает от него сдачу примерно такого смысла: «Ну шо, хохол, прищурился?». Рафкат имеет выраженную восточную внешность и узкие глаза. Друзья без юмора друг с другом обычно не разговаривают. Их слушать, не переслушать после рюмочки. В этот раз Рафкат не очень расположен к юмору, явно грустноват и очень сосредоточен. Мы с ним идем к вертолетам, готовым к вылету. Рафкату необходимо встретиться со своими агентами, договориться о связи и взаимодействии после нашего ухода и передать деньги. Маршрут полета и места посадки вертолетов заранее не обговариваются, следовательно, решать будем вместе с Муксиновым, по обстановке. Он садится в кабину ведущей «восьмерки» рядом с бортовым техником. Я иду и запускаю двигатели своего вертолета. Летим через Регистан к границе с Пакистаном. Через 40-50 минут полета обе «восьмерки» садятся у глинобитного дома на окраине кишлака, указанного Рафкатом.

Мы парой крутимся над сидящими на земле «восьмерками» и внимательно следим за обстановкой. Видим, как Муксинов появился из облака пыли, поднятой вертолетами, быстрым ша-

гом прошел в сторону кишлака и скрылся за дувалом. Тревожное ожидание длилось недолго, и Рафкат снова на борту. Летим вдоль границы к очередному месту, назначенному разведчиком для нашей посадки, где все повторяется. Нужно облететь еще места явок, в предгорьях севернее автодороги Лашкаргах – Кандагар. Места там опасные, нужно будет несколько раз пролетать через зеленые зоны, а приземляться у кишлаков, примыкающих к горам. Топлива на полет к горам не хватает, садимся на дозаправку в Лашкаргахе. Командир 205 ОБЭ подполковник Сергей Косенков предупреждает категорически: «Вдоль «зеленки» на свой аэродром не возвращайтесь, очень опасно, а «зеленку» пересекать вообще почти самоубийство. Закончите свой облет кишлаков, возвращайтесь ко мне, заправитесь и через пустыню вернетесь к себе».

Выполнять рекомендации мудрого Косенкова мы горазды, рисковать зря не хочется, но и когда это мы на свой аэродром прилетим. Обещаю комэске, что прислушаюсь к его совету. Мы расходимся, и я подхожу к своим экипажам. Решаем возвращаться все-таки через «зеленку», предварительно обработав полосу полета ракетами.

Прибегают Рафкат, который изучил у спецназовцев последнюю разведывательную обстановку. Он тревожится за жизнь своих подопечных агентов. Решаем: чтобы не засвечивать их, садиться будем в стороне от кишлаков и затем, после высадки пассажира, улетать в сторону на несколько километров, а потом в назначенное время снова приземляться в обусловленном месте. Это означает, что мы снова будем оставлять разведчика в афганском кишлаке без прикрытия. Такая у ребят из ГРУ работа, а наше дело доставить и забрать их в назначенное место и время.

Вот теперь настал черед действительно последнего боевого вылета. Взлетаем, уходим на север от автодороги и, прижимаясь к земле, на высоте 5-10 м летим к предгорьям, поднимая временами сзади себя пыль от воздушного потока, отброшенного несущими винтами. Очень внимательно следим за окружающей обстановкой и другими бортами нашей группы. Подозрительные места обстреливаем из пушки одиночными снарядами. Рисковать своей жизнью в последнем вылете никто не хочет, поэтому лучше проявить бдительность и пальнуть из пушки лишний раз. Около кишлаков, где высаживаем Мукси-

нова, стрелять нельзя, поэтому отходим в сторону, становимся каруселью и ждем его возвращения.

В точно назначенное время приземляется только ведущий, быстро подбирает дорогого пассажира, взлетает, и мы все несемся к следующему месту встречи. Работа наконец-то заканчивается, и мы летим на аэродром. Дальше полет пойдет через пустыню, но для того чтобы до нее добраться нужно пересечь зеленую зону шириной около одного километра. При полете к ней, выполняем несколько пусков неуправляемых ракет. Разрывы ложатся впереди по курсу между деревьями, прочерчивая наш путь. По мере пролета продолжаем пуски ракет чуть в сторону от линии пути и при этом выполняем противозенитный маневр, переключая вертолеты из одного крена в другой, то задирая, то опуская нос и гоняя его педалями то в левое, то в правое скольжение. Отстрел АСО на этой высоте почти бесполезен, но бережённому бог бережет, и от нас огненными брызгами в обе стороны они все-таки летят.

Но вот «зеленка» позади, все целы, даже без пробоин. Ура! Ракеты закончились. Над пустыней лететь спокойнее, хватает пушек и пулеметов. Через

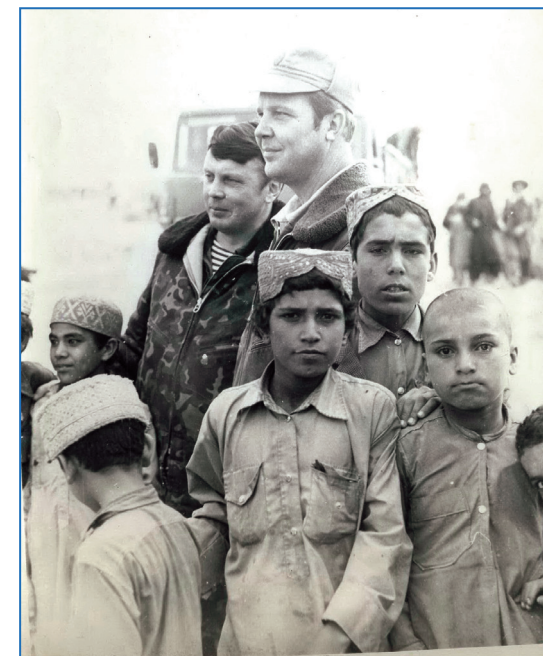
один час полета подходим к безопасной зоне вокруг аэродрома, и вот уже над ней у меня пропадает связь по командной радиостанции. Приземляюсь молча, тем более что заходим на посадку группой. Оказывается, при полете нашей группы к аэродрому кто-то с земли долбанул по нам из стрелкового оружия, и пуля пробил блок радиостанции. Вероятно, стреляли с постов охранения аэродромной зоны, на которых находились уже только афганские правительственные войска. Я зашел на командный пункт и доложил командиру полка Е.Игнатову о почти благополучном завершении последнего вылета над Афганистаном. Пробоины не в счет, т.к. все живы, а радиостанцию техники уже поменяли. Вместе с командиром мы тепло попрощались с подполковником Рафкатом Муксиновым, т.к. дороги наши расходились. Пообещали друг другу обязательно встретиться после войны, что впоследствии и выполнили.

МЫ УХОДИМ

Вжилом модуле, в своей комнате я отдохнул после полета пару часов и уже в темное время вновь приехал на КП. Командир в последние трое –

четверо суток, управлял с рабочего места на командном пункте всеми процессами жизнедеятельности огромного и сложного военного коллектива и непосредственно руководил полетами. Стационарные дизельные генераторы не работали ни в городке, ни на аэродроме. Их обслуживание перешло к афганцам, которые не очень о них умели заботиться, да и топлива не хватало. Все оборудование командного пункта и его освещение были подключены к запасному генератору, работающему от аварийного агрегата малой мощности. В помещении, из которого шло управление полетами, едва-едва светилось несколько лампочек и экраны радиолокаторов. У командира на рабочем столе под настольной лампой была разложена плановая таблица перелета на сегодняшнюю ночь. Рядом лежали сигареты и пепельница, да стоял термос с горячим кофе.

В полумраке виднелись лица офицеров группы руководства полетами и штатного руководителя полетов подполковника Канобеева, который иногда ненадолго подменял командира в кресле РП. Рядом с командиром сидел полковник летчик-инспектор из управления авиации 40 ОА. Он постоянно пытался что-то подсказывать Игнато-

О. Валуев и В. Фролин в окружении детей в племени Белуджей

ву, пробовал распоряжаться и давать всем присутствующим различные указания. Офицеры, присутствующие на КП, знали, кому они подчиняются и чьи команды надо выполнять, а Евгений Иванович просто не обращал на полковника никакого внимания. Я догадался, что так вести себя наш всегда вежливый и корректный командир может только в том случае, если его очень достали.

К аэродрому приближался Ан-12, который должен вывезти остатки имущества и персонала военного госпиталя. По радио командир самолета доложил, что вокруг аэродрома идет

стрельба в воздух трассирующими пулями, которые летят и в его сторону. Командир полка проинформировал экипаж самолета об условиях захода, посадки, предупредил о слабой подсветке полосы и о том, что прожекторы будут включены только перед самым приземлением. Бортовые огни и фары включать следует перед приземлением. Командир корабля доложил о принятии к сведению информации, но скоро доложил, что ошибся в расчете, и ему придется уходить на второй круг. Игнатов дает разрешение на второй круг. Дело обычное, просто штатное исправление ошибки. Самолет с ревом четырех двигателей уходит на второй круг. Все спокойны в группе РП кроме полковника – инспектора. Ему хочется командовать самолетом, но Игнатов не отдает микрофон и внимания на полковника не обращает. Это еще больше подогревает амбиции инспектора, но он вынужден пока смириться.

Самолет снова заходит на посадку, снова вся процедура переговоров проходит в установленном порядке, но вновь летит под углом к ВПП, о чем информирует руководитель зоны посадки. Еще все можно исправить, т.к. экипаж продуманно выполнил четвертый разворот

подальше от полосы. Инспектор неожиданно хватается за микрофон и по радио отдает команды экипажу самолета, обостряя этим ситуацию. Игнатов довольно сильно ударяет инспектора по руке, решительно отбирает микрофон и наблюдая на экране радара положение самолета на глиссаде посадки, спокойным голосом выводит того на полосу. Самолет на полосе, с минимальным остатком топлива заруливает на перрон и выключает двигатели.

Сегодня самолеты больше не прилетят и не взлетят, т.к. пришла очередь вертолетов. Первым, в соответствии с плановой таблицей, пойдет первый заместитель подполковник Александр Николаевич Манько. Мы с Игнатовым провожаем друга Саню до вертолета Ми-24, который стоит на стоянке неподалеку от КП. Манько запускает двигатели, машет нам рукой из кабины и закрывает люк. Через несколько минут вертолет начнет вырубивать на взлетную полосу, а мы возвращаемся.

Аэродром почти не освещен. Тускло светятся синие огни рулежных дорожек, а взлетно-посадочная полоса обозначена немногочисленными белыми. Непривычная тишина аэродрома создает эффект нереальности происходящего вокруг. Черноту

ночи периодически нарушают светящиеся трассы очередей из различных видов оружия. Они возникают почти со всех сторон аэродрома на разном удалении. Чаще всего стреляют из пулеметов, поводя стволом в разные стороны, что приводит к разбросу светящихся трасс во все стороны. Периодически стреляют из ЗГУ, это сразу отличается по размеру огней трассеров и меньшему темпу стрельбы. Звуки глушатся расстоянием и гудением изношенного агрегата, обеспечивающего электричеством командный пункт. Санин вертолет с включенной рулежной фарой разбегается по полосе и нехотя отрывается с дальнейшим медленным набором высоты. Он не размазывает круги, а нанизывает их, как колечки в детской пирамидке, не выходя за пределы ВПП. Командир говорит: «Володя, поезжай в модуль, поспи как следует, а то впереди тяжелые дни нам предстоят. Когда теперь отдохнуть придется. Я тоже попробую поспать немного, когда все взлетят».

В нашем жилом модуле совсем пусто, нет даже обычного дежурного. Электричества в модуле нет, кондиционер не работает, чай подогреть не на чем. Не раздеваясь, ложусь спать, положив рядом на табуретку ав-

томат. Жутковато вот так, одному в пустом неохраняемом модуле, поэтому совсем не спится, а в голове возникает множество мыслей о перелете в Союз, о перелете на Сахалин, о семье. Под утро удается немного задремать, но будят то близкие автоматные очереди, то завывания собаки, то хлопанье дверей опустевших комнат.

Утром совершенно не выспавшийся бреду один в столовую, там еще как-то продовольственники из ОБАТО пытаются нас накормить. Жую гречневую кашу с тушенкой, пью чай. К столу подходит Игнатов с совершенно красными глазами, он почти не спал, т.к. на рассвете пришлось поднимать дежурные вертолеты, нужно лететь за раненым бойцом на блок-пост, а потом уже выпускать последний Ан-12 с госпиталем.

Ночью в нашем городке все прошло спокойно, обстрелов со стороны «духов» не было, афганские гвардейцы тоже вели себя тихо. Офицеры тыла передавали афганцам последние объекты, зачем-то ругались с ними и спорили из-за актов приема-передачи. Думалось, что никому эти акты не нужны будут, т.к. объекты, переданные афганским военным, немедленно подвергались разграблению.

Я проверил свои немудреные пожитки, которые забирал с собой. В парашютную сумку плотно укладываю повседневное и летное обмундирование, если что-то не уместается – оставляю в шкафу. Я полностью готов. Ко мне заходит Миша Сорокин полковник, инспектор из ВВС 40 ОА – однокурсник по военному училищу и сослуживец по Дальнему Востоку. Миша общительный и беззлобный мужик, всегда оптимистично настроенный бард и знатный юморист. Он прилетал к нам в Кандагар довольно часто, работать не мешал и ни во что не вмешивался, но настроение нам поднимал и морально поддерживал. Мы с ним сходили в одну из еще действующих бань и поплавали в бассейне. Дел особых не было, просто ждали ночи, а, как известно, ждать да догонять – нет хуже.

3 августа 1988 г. наступила наша ночь, наш черед уносить ноги из далекой враждебной страны. Снова поочередно разбегаются по ВПП, взлетают и, ввинчиваясь в черное безлунное небо, уходят на северо-запад вертолеты. Высота первого 3600 м, следующего за ним через десять минут 3900 м. Набрав заданную высоту, очередной экипаж докладывает: «Триста первый три тысячи шестьсот занял,

на курсе, на борту порядок!». Руководитель полетов отвечает: «Триста первого принял, выполняйте задание, связь по направлению доложите, счастливо!» Недолгая тишина в эфире, затем переговоры со следующим экипажем разрешающие запуск, выруливание, взлет и снова «... на борту порядок!». Слышишь голоса летчиков в эфире и узнаешь их не по позывным, а по голосам, лётчиков, ставших близкими. Текст радиобмена скупой и одинаковый, но интонации голосов и ударение у каждого свое. Нет, наши мужики не оловянные солдатики в одинаковой униформе. Каждый из них личность, причем опытная, в исключительном большинстве глубоко порядочная и патриотичная. Очень уместна песня ансамбля «Голубые береты»: «... мы уходим, уходим, уходим. Прощайте горы!» А вокруг не прекращается стрельба из всех видов оружия, и небо расцвечено трассами, не столько красивыми, сколько опасными, и поэтому вертолеты медленно набирают высоту над полосой. От трассеров загорелись сухие камыши, быстро пожираемые ярким в ночи огнем. Пожарище подковой охватывает аэродром с северо-восточной стороны и при отсутствии ветра перемещается медленно. Такая

обстановка отрицательно воздействует на психику человека, вызывает тревогу, заставляет быть сжатым, как пружина и собранным до предела.

Мы сидим с Мишей Сорокиным в пустой курилке рядом с КП. Переговариваемся о чем-то, связанном с сиюминутной обстановкой, нашими действиями, предстоящими в ближайшие часы и минуты. Далеко вперед заглядывать не имеет смысла, и нет на это нашего желания. Миша обычно не слишком расположенный к душевности и мужской нежности, в этот раз почувствовал необходимость моего хоть небольшого и недолгого, но все-таки расслабления. Он советует: «Ты ложись прямо на скамейке и отдохни, а я посижу рядом, посторожу». Хорошо лежать вот так на узкой жесткой скамейке под ночным небом под охраной спокойного и уверенного в себе однокурсника по родному СВВАУЛ. Я ненадолго задремываю. К нам неслышно подходит Игнатов: «Ну, вот, мужики, и наш черед наступил, иди Володя запускай, а мы тоже пойдем готовиться». Он с Сорокиным полетит на Ми-8, забрав с собой офицеров ГРП, а мне команды будет давать не с КП, а со своего вертолета по бортовой радиостанции.

ПРОЩАЙТЕ ГОРЫ

Мой экипаж ждет меня у вертолета. Традиционный внешний осмотр, посадка в кабину, запуск двигателей, включение оборудования. Доклады экипажа о готовности. Выруливаю на полосу, точно по установленному для моего экипажа времени, разгоняю вертолет по полосе. Отрываюсь, плавно набираю высоту, сразу выключаю рулежную фару и убираю шасси. Внизу под нами удаляются тускло светящиеся огни ВПП, а впереди по курсу приближается подковообразная зона пожара, за которой периодически возникают смертельно опасные трассирующие очереди пулеметов всех калибров и мощных ЗГУ.

Устанавливаю крен 10 градусов, вертикальную скорость 5 м/с и спиралью набираю заданную высоту, не приближаясь к опасной зоне. За 10 минут набрал свою высоту 3600 м над уровнем моря или примерно 2500 м над рельефом местности. Доворачиваю вертолет на заданный курс и докладываю командиру полка. Он принял мой доклад и после доклада его восьмёрка тоже взлетает.

Аэродром, пожары и стрельба остались далеко внизу и позади. Прощай, Кандагарский аэропорт, прощай, Регистан, прощайте, суровые горы.

Сам город Кандагар с воздуха никто из нас вертолетчиков никогда не видел. Даже в окрестности этого полуразрушенного города летать было бы самоубийством: сбили бы сразу. Над Кандагаром никто и никогда на вертолете не летал.

Наш борт полностью захватывает в свои объятия темная ночь. Чуть светятся приборы и табло пилотской кабины, однообразно на одной ноте гудят двигатели, в эфире тишина. Небосвод с яркими звездами захватывает большую часть окружающего пространства. Его опускающиеся вниз края, незаметно для глаз как бы переходят в земную твердь, которая от небосвода отличается только отсутствием звезд. Не видно ни гор, ни пустыни, ни дорог, ни населенных пунктов. На совершенно черной и враждебной для летчиков земле не видно ни огонька. Вокруг царит черное безмолвие. Мне хочется услышать человеческие голоса. Переговариваюсь с летчиком-штурманом о штурманских расчетах по путевой скорости, углу сноса и настройках радиоконпаса.

Наш вертолет оснащен фотооборудованием для воздушной фотосъемки, большая часть грузовой кабины заполнена огромным фотоаппаратом. Передняя кабина на таком вертолете не имеет органов правления, так что летчик-оператор – не помощник в пилотировании, и работает только как чистый штурман. Убедившись, что он ориентируется в определении места и времени, довольно грамотно просчитывает предстоящий маршрут, чувствую себя спокойно и уверенно. На большой высоте довольно устойчиво работает радиоконпас, что придает уверенности мне как командиру экипажа. Все каналы автотопилота работают, подключаю еще и канал маршрута, теперь вертолет сам вводит поправки в курс с учетом угла сноса. Прошу бортового техника налить горячего кофе из термоса. Через минуту-другую он передает чашку с дымящимся кофе без сахара, который я долго пью мелкими глоточками. В эфире слышны доклады экипажей о проходе аэродрома Лашкаргах, а первые взлетевшие экипажи уже заходят на посадку в Шиндандте.

Через полтора часа полета штурман докладывает о пролете Лашкаргаха. Я и сам вижу огни полосы, а в стороне от аэродрома и сам город, неплохо освещенный для военного времени.

Связываюсь с РП. Отвечает хорошо знакомый голос Сергея Косенкова. Он разрешает пролет над аэродромом, о чем-то спрашивает, а я что-то отвечаю. Комэск отдельной эскадрильи под охраной спецназа дожидается утром наших оставшихся в Кандагаре дежурных вертолетов и уже после них последним перелетит в Шиндандт. Еще полтора часа, и мы подлетаем к Шиндандту.

Аэродром хорошо освещен, заход на посадку по классической глиссаде, как в мирное время. Руководитель полетов при доведении метеоданных сообщает, что у них северный ветер 3-4 м/с, температура наружного воздуха +20 градусов. Совершенно непривычные для нас, кандагарцев, параметры ветра и температуры. Приземляемся на хорошую полосу, заруливаем, выключаем двигатели. Я ожидаю Игнатова и Сорокина. Их вертолет через 10 минут также подруливает и останавливается на свободной площадке. Из грузовой кабины выходят офицеры, прилетевшие с командиром, они теснятся вокруг неунывающего и бодрого как всегда Игнатова. Обменявшись информацией и впечатлениями, идем спать в модуль, в котором уже отдыхают наши летчики. Пока

наша группа летела 3 часа от Кандагара до Шиндандта, Саня Манько со своей группой перелетел на аэродром Мары-2, так, что он был уже дома.

В прохладном, относительно спокойном Шиндандте, мы неплохо выспались. Впереди еще один ночной бросок с последующей посадкой на территории Советского Союза. Руководящий состав собирается на КП, где нас ждет генерал-майор Д.Романюк. Составляем плановую таблицу на перелет Шиндандт – Кушка – Мары-2, в которую вносятся две эскадрильи нашего полка и два отряда 205 ОВЭ. За темное время суток наша воздушная армада должна успеть пересечь границу. Инженеры заранее предупредили о несовершенстве системы подачи топлива из подвесных баков на вертолетах Ми-24. Поплавки, открывающие систему подачи топлива, бортовые техники подвязывали контрольной проволокой, но это почему-то не всегда помогало. На такие случаи предусматривался вариант возвращения вертолетов в Шиндандт на специальном эшелоне, а если топлива не хватит на возвращение, то посадку можно выполнить в Калай Море. Командующий авиацией при составлении плановой таблицы первым поставил

командира полка. Е.Игнатов настаивал на том, что при любых нестандартных обстоятельствах он, хорошо зная особенности и возможности каждого экипажа, должен быть на КП Шиндандта и должен управлять сам. Генерал, как всегда при отсутствии серьезных доводов, переходит на грубость и крик. Сопротивляться воле начальника дело бесполезное, поэтому командир полка полетит первым, а начальник политотдела, т.е. я замыкающим.

ПОЛЁТ НА РОДИНУ

С наступлением ночи наши вертолеты поочередно с интервалом в 10 минут начали уходить в черное небо. Генерал-майор Д.Романюк руководил полетами лично сам, а я находился рядом на тесном КДП. Взлетел Игнатов, набрал высоту, доложил о занятии своего эшелона и курса. Через 10 минут пошел следующий, и далее по плановой таблице все остальные. Все пока шло штатно и спокойно. Через два с половиной часа после взлета Игнатов доложил о пересечении государственной границы, о штатной работе топливной системы и достаточном остатке топлива для полета

до аэродрома Мары. Большая часть вертолетов уже была в воздухе, доклады экипажей следовали в соответствии с соответствующими этапами полета. Одни экипажи докладывали о пересечении государственной границы и установлении связи с РП аэродрома Мары, другие информировали о штатной работе всех систем и проходе поворотных пунктов маршрута, третьи о занятии своего эшелона.

Во второй половине ночи цепочку спокойных докладов экипажей нарушил голос старшего летчика из 205 ОБЭ Гены Чекалдина. Топливо из подвесных баков не вырабатывается, остатка не достаточно для полета до аэродрома Мары. Романюк дает команду возвращаться на аэродром вылета. Экипаж Чекалдина уже подлетает к границе, видит огни на той, родной стороне и теперь обязан возвращаться. Дрожащим от расстройства голосом летчик докладывает, что готов лететь до Калай Мора и там приземлиться на дозаправку. Генерал моментально выходит из терпения и орет на летчика: «Я сказал возвращаться! Занимай эшелон 4100 и возвращайся на аэродром!» Чекалдин унылым голосом подтверждает получение команды: «Понял набирать 4100 и брать обратный курс».

Я представляю себе состояние Чекалдина и его экипажа. В Афганистане они почти полтора года без отпуска. Геннадий второй раз воюет в составе 205 ОБЭ. Экипажи теперь почти все в воздухе и наверняка они остро переживают эпизод с возвращением товарища от границы. Через некоторое время еще два или три экипажа доложили об аналогичном отказе топливной системы и тоже вернулись в Шиндандт. Подошла моя очередь подниматься в воздух. Докладываю командующему, который сильно устал от недосыпания. Он желает благополучного полета и встречи с Родиной, вяло пожимает мою руку, не вставая с кресла. Спускаюсь по крутым металлическим ступенькам с КДП в сопровождении Миши Сорокина. Внизу, на земле я говорю Мише, что члены экипажа моего уж больно неопытные, боюсь за топливную систему, но если отказ случится, то в Шиндандт всяко не вернусь, а сяду в Калай Море. Миша бурчит: «Типун тебе на язык! Нельзя думать о плохом перед полетом. Вообще не рискуй и если все-таки топливо не будет вырабатываться как надо, возвращайся. Завтра полетим вместе». Заверяем друг друга, что встретимся в Союзе, обнимаемся на прощанье. Он возвращается к генералу, а

я шагаю к своему борту. Ребята нетерпеливо топчутся у вертолета. Переживают. Все вертолеты улетели, мы крайние. Еще раз дотошно спрашиваю борттехника:

– Поплавки в подвесных баках подвязал, топливо будет вырабатываться? Ночью в афганских горах не сможем сесть, если топливо не пойдет.

Тот уверенно подтверждает:

– Все в порядке, я посмотрел, как это делают опытные техники, и сделал также. Все будет нормально, товарищ командир!».

Мы со штурманом обговариваем порядок взаимодействия. Я требую постоянного расчета необходимого остатка топлива, а поскольку на высоте встречный ветер, рассчитывать все необходимые поправки с его учетом. Ещё раз убеждаюсь, что мой молодой штурман способен грамотно вести штурманские расчеты. Взлетели, набрали высоту 3900 метров и с приборной скоростью 160 км/час поплыли к границе в кромешной темноте южной ночи. Снова ни огонька внизу, а сверху нереально крупные звезды. Через два часа полета стрелка топливомера пошла влево. Все ясно, из подвесных баков топливо не вырабатывается. Через один час полета топливо в расходных баках за-

кончится. Как молодой бортовой техник подвязал поплавки, потом пусть разбираются инженеры, а сейчас мы плывем над горами Гиндукуша и через 30 минут пересечем границу, или немедленно вернемся в Афганистан.

Еще до этого вылета мы тщательно рассчитали, что при таком развитии ситуации, топлива в основных баках и частично в расходных вполне хватает до Калай Мора. На КП Шинданта ничего не докладываю. Знаю, что, если доложить о неисправности, Романюк немедленно развернет на обратный курс. А мы уже хорошо видим государственную границу Родины. Не нужна нам карта, и зрение не надо напрягать, наши экипажи при пролете границы включают отстрел АСО. В черноте безлунной ночи, как в фантастическом фильме, появляются яркие огни, разлетающиеся фейерверком в разные стороны. Видимость отменная, поэтому за многие десятки километров до границы мы наблюдаем, как один, а через десять минут следующий борт салютует Родине и докладывает по радио: «Всем, всем, всем! Я, триста первый в 3 часа 15 минут пересекаю границу СССР!». Затем начинает моргать проблесковый маяк, и ярким светом загораются бор-

товые аэронавигационные огни. (БАНО).

Ближе к границе горы становятся ниже, а затем за рекой и вовсе переходят в равнину. Над территорией Афганистана нет ни одного огонька, а сразу за чертой невидимой границы видны россыпи огней, от которых за время войны мы отвыкли. Вот и наш вертолет пересек границу, и мы тоже отстреливаем (тепловые ловушки) АСО, и я докладываю по радио о её пересечении. Выждав несколько минут, докладываю, что у меня нет выработки топлива из подвесных баков, топлива на обратный путь не хватает, перехожу на снижение и буду садиться в Калай Море.

Далее применяю известную опытным летчикам уловку, т.е. сообщаю, что связь плохая, вас не слышу и перехожу на связь по направлению, т.е. с руководителем полетов следующего на маршруте полета аэродрома. Реально перехожу на связь с аэродромом Мары, где мне отвечает наш командир полка Игнатов. Сообщаю ему, что границу пересек, топливо из подвесных баков не вырабатывается, захожу на посадку в Калай Море. Командир поздравляет меня с возвращением на Родину, дает добро на посадку своим решением, подсказывает частоту

БПРС этого аэродрома и сообщает, что нас ждет там топливозаправщик и доктор. После заправки с восходом солнца своим решением я должен прилететь на аэродром Мары. Запасной аэродром находим быстро с помощью приводной радиостанции и прожектора, который связисты включили заблаговременно. Спокойно, по-вертолетному приземляюсь на совершенно свободную ВПП в свете прожектора, отруливаю на рулежную дорожку и выключаю двигатель. Оркестра нет. А нам и не надо. Нас встречает полковой врач и солдат-водитель. Здорово, мужики!

НОВАЯ БОЕВАЯ ЗАДАЧА

Прославленный 280 отдельный вертолетный полк в полном составе перелетел на территорию Советского Союза. На аэродроме Мары-2 наши вертолеты заняли все свободные стоянки, рулежные дорожки и грунтовое пространство между ними. Жара на юге Узбекистана в августе была невероятная. Лётный и инженерно-технический состав разместился в чрезвычайной тесноте в казарме. Условия размещения людей, вернувшихся из Канда-

гарского пекла были таковы, что мы с сожалением вспоминали добрым словом афганские модули-бараки. Никто из нас не роптал, не возмущался и не претендовал на лучшие условия. Мы вернулись домой на Родину, живые, здоровые и неприхотливые к бытовым условиям.

На построении личного состава полка командующий ВВС Турк ВО генерал-лейтенант Шканакин поздравил нас с возвращением на Родину, с окончанием боевых действий. Он довел новый боевой приказ о передислокации полка и частей обеспечения на о. Сахалин, в поселок Леонидово. От себя он просто добавил, что для нас это новая боевая задача. Приказ был для людей шоком. Все знали и готовились к перелету в Белоруссию на аэродром Пружаны, сообщили об этом семьям. Два железнодорожных эшелона с людьми и автотехникой уже дошли до места и занимались обустройством и заготовкой овощей. Большая часть лётного и инженерно-технического состава воевала больше года. Люди были измотаны физически и психологически, а на родной земле снова ждала тяжелая задача. Одно – теплая и приветливая западная Белоруссия, а совсем другое – суровый и далекий Сахалин, где нас явно ничего хорошего в плане обу-

стройства не ждет. Офицеры и прапорщики оцепенели от такой новости, но не надолго. Народ молодой, боевой, здоровый, закаленный морально и физически, обладающий здоровым оптимизмом. Генерал Шканакин очень опытный и все понимающий военачальник, огоршив нас таким приказом, сразу подсластил горькую пилюлю. В соответствии с приказом МО СССР офицеры и прапорщики в нашей части могут остаться служить только по желанию. В Марах вы будете находиться четыре дня, необходимых для подготовки экипажей к дальнему перелету и подготовки авиатехники, после передачи на склады авиационных боеприпасов. У военных людей серьезных вопросов быть не могло. Желание было одно – как можно скорее лететь по установленному маршруту на место новой дислокации и потом получить заслуженный отпуск.

Командир эскадрильи подполковник Андреев В.Т. все-таки задал вопрос командующему. Смысл вопроса заключался в том, что обмундирование офицеров изношено до предела, оно многократно заштопано и до белизны застирано. Такой наш внешний облик при перелете через всю страну может у советских людей вызывать не-

доумение, а мы при нахождении на аэродромах Забайкалья и Дальнего Востока в конце августа будем замерзать. Командующий на этот вопрос ответил, что одеть нашу армаду в новое обмундирование он не может, а перелет должен пройти максимально быстро, т.к. нам разрешат лететь не только в будние, но и в выходные дни. Он будет лично контролировать и помогать в получении разрешений на каждый очередной этап перелета. Для оказания помощи в организации перелета и решения текущих организационных проблем с нами полетят старшие лётчики-инспекторы полковники Георгий Будейкин и Валерий Михайлиди. Сразу после окончания построения ко мне подошли два полковника, представившиеся инспекторами Политического Управления ВВС. Они прилетели из Москвы в Мары специально для встречи со мной по поручению начальника управления генерал-лейтенанта Бенова Геннадия Матвеевича. Для меня назначение Бенова на эту должность было приятной новостью. Геннадий Матвеевич лично отправлял меня в Афганистан, обещал прежнее место службы в благодатном Прикарпатском Военном Округе, да и вообще он нам, молодым начальникам

политотделов был как отец родной. Офицеры передали мне от него поздравления с возвращением на Родину и благодарность за честно выполненный долг. Потом они предложили мне служить в 280 овп на о. Сахалине, т.к. в Бердичеве мое место занято, и нигде больше соответствующих вакансий нет. Такая постановка вопроса была для меня новой большой неожиданностью. Во-первых: я восемь лет прослужил на Дальнем Востоке в самых тяжелых Среднебелеском и Шимановском гарнизонах, во-вторых: моя семья с несовершеннолетними детьми только недавно начала жить в нормальных условиях в нормальном городе, в-третьих: мне Бенов гарантировал возвращение на прежнее место. Офицеры с видимым понижением тона отнеслись к моим возражениям, но в свою очередь сообщили, что во-первых: нельзя оставлять свой полк в сложной обстановке, во-вторых: меня просят об этом лично начальник политуправления ВВС генерал-лейтенант Бенов Г.М., в третьих: тебя и твои заслуги не забудут, если правильно отнесешься к просьбе. В это же время командующему Шканакину дали согласие на службу на Сахалине Игнатов и Манько. Они вместе с московскими полковниками взяли

меня в оборот: « Давай вместе еще послужим в родном полку!» Доводы московских инспекторов и боевых товарищей сыграли большую роль в моей дальнейшей судьбе. На Сахалин, так на Сахалин.

После этого судьбоносного построения мы все поехали или вернее пошли в поселок Мары, где был один единственный телефонный переговорный пункт с тремя кабинками. Мы договорились с руководителем узла связи, что каждому из нас будет выделяться три минуты на разговор и не более. Я связался с женой и за три минуты узнал, что она и дети, слава Богу, здоровы. Обрадовал их тем, что вернулся на Родину живым и здоровым и, что мы летим на Сахалин. Жена просто заинтересовалась: найдётся ли там, на острове какое-либо жильё, хоть каморка. Конечно, я заверил, что найдётся. Тогда она меня успокоила, сказав чтобы я ни о чем не переживал, и мы будем вместе. Я поблагодарил её за понимание и попросил сообщить всем родным о моем возвращении. Наши три минуты закончились, а мое настроение несколько поднялось.

На следующий день командование авиационного военного гарнизона Мары-2 и представители местных советских и пар-

тийных органов организовали для нас митинг, посвященный нашему благополучному возвращению на территорию СССР. Митинг он и есть митинг, на нем говорятся правильные слова и все участники понимают, что их надо сказать.

Наш полк был укомплектован по меркам военного времени. В эскадрильях Ми-8 и Ми-24 насчитывалось по тридцать экипажей. Эскадрилья на Ми-6 перегоняла вертолеты в назначенные командованием части на материке, а л.с. возвращался в свои гарнизоны. Итак, на остров Сахалин должны перелететь 60 экипажей. Аэродромы промежуточных посадок не могли обеспечить одновременно такое количество авиатехники, лётных экипажей заправкой, размещением и питанием. Полк разделялся на две группы по 30 вертолетов. Первая группа летит по установленному маршруту. После её ухода с очередного аэродрома на него перелетает другая группа. Первую группу ведет командир полка Игнатов Е. И., вторую группу ведет начальник политотдела, т.е. я. Доразведчиком погоды для первой группы назначается Манько А.Н., а второй Вилков Н. Лететь должны только днем, в простых метеорологических условиях в плотных боевых порядках на

эшелонах ниже нижнего, установленного для всех одиночных бортов.

Перед группой вертолетов летел самолет – лидер Ил-76 с передовой командой. Передовую команду возглавлял начальник штаба полка подполковник Эрфан Тиберий Тиберьевич, а в составе находились офицеры штаба, политотдела, тыла и связи.

За четыре дня активной подготовки мы склеили огромное количество полетных карт, проложили маршрут, составили схемы захода на посадку, связи на промежуточных аэродромах. Всё и все готовы. Игнатов докладывает Шканакину, тот в Москву. Добро получено. Накануне вылета с разрешения командования на аэродром приехали на грузовых автомашинах и тракторах с прицепами местные колхозники, которые привезли огромное количество дынь и арбузов. Грузовые кабины вертолетов заполнились прекрасными ароматными дынями стоимостью 10 коп. за килограмм и очень сладкими арбузами 6 коп. за килограмм. Оркестров и провожающих, слава Богу, не было. Счастливого полета, братцы – афганцы!

Перелет был уникальным. За 20 календарных дней полк перелетел из Маров в Леонидова

на о. Сахалин, покрыв расстояние 9000 км., проведя в воздухе 37 часов.

10.08.1988 г. Мары-2 – Каган – Чирчик – Джамбул. 5 час.10 мин.

11.08.1988 г. Джамбул – Фрунзе – Талды – Курган – Аягуз. 4 часа 40 мин.

12.08.1988 г. Аягуз – Семипалатинск – Барнаул 3 часа 00 мин.

13.08.1988 г. Барнаул – Кемерово 1 часа 15 мин.

14.08.1988 г. Кемерово – Ачинск – Канск 3 часа 05 мин.

17.08.1988 г. Канск – Братск 1 час. 40 мин.

19.08.1988 г. Братск – Белая 1 час 45 мин.

20.08.1988 г. Белая – Бада – Домна 3 часа 25 мин.

22.08.1988 г. Домна – Нерчинск – Могоча 2 часа 30 мин.

23.08.1988 г. Могоча – Магдагачи 1 час.50 мин

25.08.1988г. Магдагачи – Средне – Белая – Хабаровск(Гаровка) 3 часа 55 мин.

26.08.1988 г. Хабаровск – Комсомольск на Амуре (Хурба) – Николаевск на Амуре 2 ч. 55

30.08.1988 г. Николаевск на Амуре – Леонидово (о. Сахалин) 2 часа 10 мин.

За время перелета на наших вертолетах не было ни одного

серьезного отказа, что говорит об отличной технике и высоком качестве её обслуживания авиационными специалистами.

Никто из офицеров и прапорщиков не допустил даже минимальных нарушений воинской дисциплины, не опоздал, не заболел.

Прошло со времени того перелета почти три десятка лет, но и сейчас я с теплотой вспоминаю наш воинский коллектив, сплоченный войной, её трудностями, огромной физической и моральной нагрузкой, которую люди вместе испытывали, не сетуя и не жалуясь. На родной земле, на её гражданских и военных аэродромах нас встречали радушно, но, к сожалению не везде.

В Джамбуле командир полка, однокурсник по училищу Н. Гончаров и его заместитель В. Загородский встретили нас очень доброжелательно, накормили и разместили на отдых, оперативно обеспечили заправкой топливом. Было по всему видно, что они действительно рады за нас, за наше возвращение на Родину. Утром, буквально с первыми лучами солнца мы получили «добро» на дальнейший перелет. Спасибо, мужики!

В Нерчинске тоже однокурсники – командир О. Баринов, начальник политотдела Э. Ав-

раменко отнесли к братьям – вертолетчикам удивительно недружелюбно, даже враждебно. Лётному составу для отдыха предложили металлический ангар с бетонным полом, на который уложили рядами матрасы и одеяла. В этих условиях наши ребята должны были отдыхать двое суток и встречать праздник – День ВВС. Во второй декаде августа в Нерчинске заморозки ночами бывают, но наш народ и при этом не роптал. А вот старший инспектор-лётчик полковник Георгий Будейкин терпеть не стал, не получив понимания со стороны местного командования, он доложил об этом в Москву. Дежурный генерал с ЦКП ВВС отчитал командира полка за плохую организацию встречи боевого полка и рекомендовал исправиться. На этом могла быть поставлена точка. Могла быть, но не была поставлена. Командир полка просто проявил безразличие к нашим проблемам, а подполковник Э. Авраменко стал буквально следить за командованием нашего полка, докладывать члену военного совета ВВС ЗабВО о безобразиях, чинимых командованием. Можно предполагать, что старший политработник раскусил наветы и никак на них не отреагировал.

Совсем другое дело Магдагачи и Средне-Белая. Встреча боевого полка была организована там очень достойно. Командир полка полковник Гаранин, тоже однокурсник, встречал полк на аэродроме с оркестром, который по его личной просьбе выделили артиллеристы. Сама встреча боевых товарищей, размещение, питание было продумано не ради похвалы, а по уму и по совести. Начальник авиации Магдагачинской десантно-штурмовой бригады полковник Стрельцов Николай Леонидович вместе с Гараниным лично встречал экипажи на аэродроме. Когда мой вертолёт подлетал к Средне-Белой, в которой я прослужил семь своих самых молодых лет, навстречу летел Ми-8 полковника Стрельцова Н.Л. Николай Леонидович развернул вертолёт, приземлился на аэродроме и пришёл к моему вертолёту пожать руку и обнять. Он был моим командиром полка в Шимановске в мои капитанские годы. Пять минут мы с ним поговорили и снова расстались, т.к. в этот день у каждого из нас была своя дорога.

Под Хабаровском, на аэродроме Гаровка нас как будто не ждали. При подходе к зоне аэродрома нужно было связываться по радио и получать разрешение еще у трех аэродромов. На

одном из них проводились массовые прыжки с парашютом, нас никто не предупредил об этом, а прыжки не прекратили. Связи с РП Гаровки не было. Вернее, сама связь была, но полетом нашим никто не руководил. Солдат-связист отвечал по радио, что руководителя нет на месте. Чудом проскочили наши вертолеты между опускающимися со всех сторон маршрута парашютистами. Мой вертолёт уже подлетал к ближней ПРС. Даю команду всем занять дистанцию для посадки и проверить выпуск шасси. В эфире раздаётся грозный и зычный голос РП, который ругается на то, что моя группа заходит на посадку без его разрешения. Отвечаю, что разберемся потом, а сейчас дай условия посадки, и, в конце концов, разрешение на посадку. Он скороговоркой выдает необходимые данные и разрешает посадку на ВПП. Этот голос ни с каким другим не спутаешь, он принадлежит командиру полка полковнику Владимиру Крысь. Володя мне хорошо знаком т.к. мы из одного курсантского учебного звена, в котором провели более четырех лет. Приземляю вертолёт в конце ВПП, разворачиваю его на 180 градусов, (и) управляю посадкой и заруливанием своей группы. К моему вертолету

подъезжает уазик, из которого выходит Крысь, и подходит к открытой двери командирской кабины. Выбираюсь из вертолета. Здороваемся и начинаем яростно ругаться. Быстро успокаиваю грозного командира, предложив ему прослушать магнитофонную запись на КДП и с моего вертолета. Бывший ротный запеваля, а ныне командир полка, закончив торжество нашей встречи, сел в автомобиль и уехал. Больше мы его, слава богу, не видели. Далее заправка, ужин и отдых. Полк родной для меня, т.к. в нем я начинал службу и становился лётчиком. Знакомых с лейтенантских пор в полку осталось немало, но общения ни с кем не получилось, так как, кроме Крыся нас никто не встречал, а потом уже и поздно было. Надо было проверить, как люди размещены на отдых и самому отдохнуть перед дальнейшим перелетом.

В Николаевске на Амуре мы застряли из-за нелётной погоды. Мощный циклон обрушился на устье Амура и Татарский пролив. Проливной дождь и штормовой ветер, казалось, не закончатся никогда. Мы расположились в казарме отдельной воздухоплавательной эскадрильи, командир которой делал все возможное для нашего удобства. Нам оставалось совер-

шить один последний перелет с материка на остров, а дальше в отпуск к семьям, к родным. После афганской жары мечталось о российской прохладе, после щитовых модулей, казарм и брезентовых палаток хотелось домашнего уюта. Томительное ожидание разрешения на перелёт затянулось на четверо суток.

30 августа 1988 года КП Первой Особой Дальневосточной Краснознаменной Воздушной Армии разрешило нашей группе перелет на о. Сахалин. Ура!

Погода продолжала оставаться очень сложной, на языке авиационных синоптиков стоял жёсткий минимум погоды. С аэродрома визуально было видно, что окружающие сопки закрыты облаками, а при дожде, который почти не прекращался, видимость составляла 1,5-1 км. Некоторые молодые лётчики подготовки к полётам в таких условиях не имели, а опытные давно не летали. Ну, не зимовать же в Николаевске. Посоветовались, решили лететь, но после доразведки погоды. Вилков улетел по маршруту на Ми-8 и через два часа и десять минут доложил, что приземлился в Леонидово и что пролететь можно.

Взлетели все. По правилам группового полета крайний борт полковника Михайлиди В.Р. докладывает по радио, что все в

воздухе. Боевой порядок плотный. Ведомые непроизвольно прижимаются к ведущим, т.к. полетная видимость плохая. Потоки дождя заливают стекла кабины. Клочья облаков возникают повсюду, иногда они провисают до самой воды. Лететь ниже страшновато. Под нами совсем близко высокие волны многоводного широкого Амура сталкиваясь с соленой водой бурного Татарского пролива, как бы останавливаются. Взгляду лётчиков не за что уцепиться. Сверху на вертолёт давит сплошная пелена низкой облачности, снизу свинцово-однотонная вода, а с боков сплошная пелена дождя. Михайлиди командует ведомым экипажам держаться поближе к ведущим, а ведущим держать по радиовысотомерам высоту 50 м. Оказывается, ведомые вертолеты периодически попадают в облака, а это грозит потерей визуальной связи между бортами. Доворачиваю вертолет поближе к правому берегу Амура, который кое-как всё-таки просматривается. Высокие сопки, сплошь покрытые зелеными кронами деревьев, круто обрываются в холодные воды. Некоторое время летим вдоль берега, неуклонно и быстро приближаясь к самому узкому месту пролива, называемому Погиби, где ширина всего

12 км. Историки пишут в своих исследованиях, что название этого места пролива возникло потому, что в дореволюционной России Сахалинские каторжники пытались бежать на материк на утлых лодочках или плотах и массово гибли. Наша ревущая мощными двигателями, вертолётная армада выскакивает из устья Амура на простор залива. Мы прижимаемся к самым гребням волн и идеально выдерживаем параметры полета. Из белесой пелены дождя, как на проявляемой фотографии, прорисовывается многочисленная группа рыболовных шхун, стоящих на якорях. На мачтах, качающихся на волнах суденышек, трепещутся белые флаги с красным кругом в центре. Вот так номер, мы выскочили на японских рыбаков, наверняка изрядно напугав их. Через несколько минут полета в поле зрения появились крутые берега острова, о скалы которого разбивались волны сильного прибоя. Облачность подняла над сопками Сахалина свое покрывало, и мы смогли поднырнуть под него и выскочить в долину, протянувшуюся между хребтами с севера на юг.

Два часа полета над красивым и суровым островом. Облачность поднялась и стала значительно выше полета, дождь

прекратился совсем. Вертолеты рассредоточились для более свободного полета, лётчики явно повеселели и стали переговариваться по радио, подшучивая друг над другом. В эфире появился очень родной и близкий голос командира Игнатова. Он сообщал необходимую информацию о погоде и порядке построения маршрута для захода и посадки и вдруг неожиданно попросил меня довернуть вправо от маршрута и пройти над военным гарнизоном, где мы будем располагаться. Командир говорит просто: «Володя, покажи им!»

Мы умеем летать красиво, сомкнули боевые порядки, строго выдерживаем строй. Чёткой и строгой колонной проходим над служебной территорией и жилым городком дивизии и окрестными населёнными пунктами. Наверное, с земли это выглядит страшновато. Вертолёт, закопченные выхлопными газами, пятнистые с многочисленными подвесками, ревущие мощными двигателями. Знай наших! Вертолётчики – афганцы сюда совсем прилетели. Мы отдельный вертолётный полк, отвоевавший своё, будем теперь Родину на Сахалине защищать! Занимаем дистанции и интервалы для посадки, шасси выпускаем и сыпемся роем на ВПП,

ничего подобного ещё не выдававшую. Всё добрались, прилетели. Мы теперь дома.

Командир мотострелковой дивизии полковник Хлопцев Владимир Васильевич встретил нас прекрасно в отличие от некоторых авиационных командиров и начальников. Он и его подчинённые нас встретили, напоили, накормили, спать всех уложили. Поклон комдиву Хлопцеву и всем тем военным и гражданским руководителям и простым советским людям, которые встречая нас, проявляли себя людьми с большой буквы.

ВЕРТОЛЁТЫ НАД САХАЛИНОМ

280 отдельный вертолётный полк и части обеспечения за четыре недели августа 1988 года полностью перебазировались на новое место. Вертолёты воздушным эшелоном без серьезных поломок, лётных инцидентов, перелетели с юга Афганистана на о. Сахалин. Автомобили с людьми и имуществом по дорогам Афганистана проехали от Кандагара до Кушки, а дальше по железной дороге на платформах на Дальний Восток. Эшелоны с людьми, техникой и различным оборудованием прибыли на железнодорожную станцию Леонидово уже в сентябре. Часть

эшелонов шла с юга Узбекистана из Кушки, а другая с запада Белоруссии из Пружан. Из морского порта Ванино железнодорожные составы на паромовых переправах переправлялись на остров в порт Холмске, где перестраивались на узкую железнодорожную колею Сахалина, а потом отправлялись дальше по назначению. Перебазирование вертолётного полка с частями обеспечения на такое расстояние за такой короткий срок было уникальным. После прибытия на новое место, части были незамедлительно готовы приступить к выполнению новых боевых задач. Структура вертолётного полка, частей обеспечения и система управления показала себя эффективной и совершенной.

Военнослужащие всех категорий проявили высокую дисциплину и организованность, компетентность и профессионализм. Жалоб на условия, требований отдыха никто не высказывал и никто не ныл. Солдаты, прапорщики, офицеры безукоризненно выполнили требования военной присяги: «...стойко переносить тяготы и лишения военной службы».

В августе – сентябре 1988 года наши воинские части и их основа – вертолётный полк представляли собой идеальную структуру, готовую совершенно

автономно выполнять любые боевые задачи для которых предназначены военные вертолётчики.

Первоначальное обустройство прошло быстро. Вертолёты размещались на стоянках и рулётных дорожках аэродрома Леонидово, который являлся запасным для самолётов морской авиации Тихоокеанского Военного Морского Флота.

Мотострелковая дивизия приготовила спальные места для офицеров в одной из казарм, а солдатам установили палатки.

Питание организовали для офицеров в небольшой военоторговской столовой гарнизона, а для солдат в столовой мотострелкового полка.

Многие офицеры выросли душой в замечательный воинский коллектив и остались служить в нашем полку. Некоторые просто и конкретно заявляли, что желают служить под руководством действующего командования полка. Хорошие лётчики, рассчитывали на повышение по службе. Многих привлекала замечательная уникальная природа острова, повышенное денежное довольствие, которое увеличивалось каждые полгода прослуженные на острове. Срок службы на острове ограничивался пятью годами, а потом обязательная замена во внутренние

военные округа или группы советских войск за границей. Для офицеров, занимающих наземные должности, продолжительность службы исчислялся как один прослуженный год за полтора года, что было важным для военной пенсии и денежных надбавок за выслугу лет. Офицеры, принявшие решение остаться в полку задерживались на несколько дней для решения вопроса назначения на конкретную должность, потом убывали в отпуск.

Многие офицеры и все прапорщики вернулись в свои части, из которой отправлялись в Афганистан. Освободившиеся вакансии заполнялись офицерами, присланными к нам из других частей. Новые люди, влившись в наш полк, перестраивались на единый лад характеризующийся сплоченностью, взаимной доброжелательностью и взаимовыручкой. Те, кто покидал совсем наш полк, сдав нехитрое служебное имущество, получали проездные документы, кое-какие деньги и на военных Ан-12 и Ан-26 улетали на материк в Хабаровск, а оттуда самолётами Аэрофлота в разные города Советского Союза.

Завершив основные организационные дела, командир полка и первый заместитель убывали в отпуск. После его окончания

они собирались прибыть на новое место службы уже с семьями. Временное исполнение обязанностей командира полка возлагалось на заместителя полётной подготовке подполковника Н. Вилкова. До передачи дел и должности оставались на месте начальник штаба подполковник Т. Эрфан и командир авиационно – технической базы В. Кафтаев. Мне тоже нужно собираться в отпуск. Заместителя начальника политотдела подполковника В. Березкина я отпустил в отпуск еще из гарнизона Мары, теперь он уже отдохнул и прибыл со свежими силами и в новом звании. Перед убытием в отпуск, я позвонил об этом члену Военного совета Воздушной Армии генерал-майору Сафронову Вадиму Васильевичу. Ответ был совершенно для меня неожиданным, отпуск отменяется, пока генерал не прилетит сам в наш гарнизон и не увидит все своими глазами. Как же так, я дольше всех в отпуске не был, на 3-4 месяца дольше других начальников в Афганистане провёл. Но генерал был неумолим и утешил меня только тем, что постарается прилететь на Сахалин как можно быстрее. Он действительно прилетел через несколько дней на попутном Ан-12 с одним из своих помощников и начальни-

ком отдела армейской авиации полковником Козеевым Юрием Дмитриевичем. Общался генерал очень просто без начальственного тона и малейшего высокомерия, по-человечески располагая к себе. Сразу же в день прилёта мы вместе с ним и Козеевым Ю.Д. объехали немногочисленные объекты, поговорили с людьми. Нерешенных задач, совершенно очевидно, было много, но по большинству из них уже существовали проекты или планы их разрешения. Начальник отдела полковник Козеев Ю.Д., который встречал нас при прилёте, знал наши проблемы и помогал, чем мог в организаторских делах. Мы вместе с ним показывали члену военного совета казарму, стоянки вертолётов, автопарк и столовую. Рассказывали, советовались, в чем-то просили помощи, вместе выслушивали жалобы офицеров и солдат. После знакомства с нашим неустроенным и разбросанным в нескольких местах гарнизоном, зашли в столовую обедать. Во время обеда мы переговаривались обо всем увиденном. Генерал Сафронов В.В. получил вполне благоприятное впечатление об обустройстве и моральном состоянии наших людей, авиационной и специальной техники. Он сказал об этом и немного похвалил меня

за знание обстановки и проделанную организаторскую работу с людьми и по размещению партийного учёта. В ходе общения Юрий Дмитриевич Козеев вдруг поднял разговор о моём личном поведении. Член военного совета должен знать, что начальник политотдела полка позволяет себе гулять в ресторане города Поронайска с подчинёнными. Это нехорошо, нельзя проявлять панибратство и пить водку с подчинёнными. О моём поведении полковник проинформировал капитана комендант Леонидовского гарнизона.

Меня это не просто задело и обидело, а скорее взбесило. Я ещё не был в городе, не знаю ничего про ресторан, так как на это совсем не было времени. За возвращение на Родину ещё и рюмки не поднял. Как и командир, и другие заместители, мы работали сутками, не до ресторанов пока. А вот информация капитана – коменданта, которого я и в глаза не видел, доводится до моего начальника. В довольно резкой форме говорю это полковнику Козееву.

Генерал миролюбиво успокаивает меня, советует Юрию Дмитриевичу сначала разобратся. Меня убеждает не горячиться, встретиться с начальником гарнизона и комендантом и поговорить с ними спокойно о

ложной информации. Вечером я провожаю Вадима Васильевича в гарнизонную гостиницу, он интересуется, что буду делать вечером. Говорю, что сегодня по телевизору будет показан кинофильм Комиссар, пролежавший на полках несколько десятилетий и наконец выпущенный на экраны. Я читал одноимённый роман Василия Гроссмана «Комиссар или в Бердичеве» и поэтому хочу посмотреть кинофильм. Мой политический начальник высокого ранга по отечески сказал: «Ничего интересного. Весь фильм будет рожать Мордюкова, которая играет комиссара. Я так лучше буду смотреть Рабыню Изауру, это гораздо интереснее».

Как-то аполитично рассуждал, товарищ генерал. Придя в свой гостиничный номер, я всё-таки смотрю «Комиссара». Тоска конечно, но знать надо.

Утром при встрече Вадим Васильевич снисходительно посмеялся надо мной и моим охладевшим впечатлением о фильме.

Скоро в Хабаровск должен улететь самолёт, поэтому мы с генералом и полковником Козеевым Ю.Д. поехали на аэродром. До вылета было ещё какое-то время. Мы ходили по заросшей мелкоколесьем территории, прилегающей к аэродрому.

Среди мелких берёзок и осин из травы там-сям выглядывали шляпки белых грибов. Их было много, искать совсем не сложно. Генералу очень хотелось привезти немного грибов домой, а ещё больше найти их и срезать самому. Вадим Васильевич был уже не молод, зрение подводило, поэтому никак не мог увидеть грибы в траве. Без всякого подобострастия, я помогал ему найти грибы и показывал, а он срезал. Мне было приятно это делать потому, что за короткое время без «пуда соли» мне стало понятно, что он глубоко порядочный и сильный человек. Члену военного совета Воздушной Армии – начальнику политического отдела генерал-майору Сафронову Вадиму Васильевичу за его ненавязчивое умение не принуждать, а убеждать, я позавидовал в душе. У меня самого так не всегда получается. В отпуск меня, он всё равно не отпустил до возвращения командира полка.

Работы было много. Каждый вечер нужно было провожать людей на единственный проходящий поезд. Уезжали офицеры и прапорщики, передавшие другим авиационное имущество и технику, отпускники, уволенные в запас солдаты и сержанты. Военнослужащие срочной службы, подлежащие увольне-

нию в запас по окончании срока военной службы и те, которым служить оставалось ещё полгода, в соответствии с приказом Министра обороны увольнялись в одно время. Надо обязательно встретиться с командиром мотострелковой дивизии полковником Владимиром Васильевичем Хлопцевым. Полковник вполне соответствовал своей должности командира обособленного по географическому расположению мотострелкового соединения. Высокая ответственность за обороноспособность частей на передовых Дальневосточных рубежах, за подчинённых всех категорий и их семьи накладывала на него необходимость не только твёрдости и строгости, но еще и высокой нравственности и личного примера в поведении и общении с подчинёнными. Изолированность островом от внешнего мира накладывала необходимость особой сплоченности и военных и членов их семей. Эта задача успешно выполнялась командиром. Люди уважали командира и с удовольствием служили под его началом. Мы вместе обсудили текущие проблемы совместного размещения наших воинских частей, несения караульной и внутренней службы, питания солдат и сержантов. Начальник тыла дивизии выделил из резер-

ва несколько квартир в многоэтажных домах для размещения руководящего состава наших частей. После обсуждения неотложных вопросов командир дивизии вызвал к себе в кабинет коменданта гарнизона и спросил, откуда у него данные про моё посещение ресторана в Поронайске. Его интересовало ещё и что в этом плохого, если это так. Комендант сослался на информацию от кого-то из лётчиков. Владимир Васильевич, спокойно, без нажима поставил коменданта на место и порекомендовал сначала всё выяснять, потом докладывать ему лично или начальнику штаба. Мы теперь вместе с лётчиками служим в одном гарнизоне на одном острове, разбираться в большинстве вопросов будем вместе, не вынося сор из избы. Эта тема после нашего разговора была окончательно закрыта. Отношения командования дивизии и вертолётного полка сложились вполне добрые и дружеские. Новый 1989 год мы встречали семьями вместе. Это было хорошо и приятно нам, уставшим от скитаний и неустроенности.

Вернувшись в части после отпусков, люди привезли с собой жён и детей. Многие семьи получили квартиры в посёлке Ново-Александровское являв-

шемся пригородом Южно-Сахалинска, где сдавались в эксплуатацию новые жилые дома для военных. Офицеры ездили на поезде домой на выходные, а потом возвращались на службу в Леонидово. Были с нашей стороны попытки выполнять перевозки людей туда и обратно на вертолётах Ми-8, но это мероприятие было сопряжено с известными в авиации, проблемами и не прижилось в дальнейшем. Энергичные и закалённые жизнью лётчики и техники находили выход и из более сложных ситуаций, поэтому не унывали. Получив хорошие квартиры в столице острова – Южно-Сахалинске, они не стали мотаться туда – сюда на поездах. Офицеры сами договорились с руководством города Поронайска и заняли квартиры в жилых домах, спланированных к сносу из-за ветхости. Двухэтажные деревянные дома, построенные еще в 1945 – 1946 году, были отключены от всех коммуникаций, а прежние жильцы переехали в новые благоустроенные дома. Наши мужики своими руками быстро сделали ремонт в квартирах, подключили коммуникации и заселились в дома, которые местные жители называли «афганскими трущобами». Офицеры снимали квартиры и в самом посёлке Леонидово в

фанзах, построенных японцами до войны. Заместитель командира одной из эскадрилий по ИАС (инженерно-авиационная служба) снял у лесников сторожку в тайге, куда и заселился с семьёй. Он купил мотоцикл с коляской, ездил на нём на службу и возил двоих детей в школу даже зимой в морозы.

Житейские невзгоды никак не выделялись людьми в серьёзные проблемы. Не помню ни одной просьбы о переводе в другие части. Стремлением всех были настоящая, а не показная, военная служба, полёты, естественное продвижение по службе. Спустя многие годы хочется вспомнить строки известного стихотворения В. Маяковского: «Гвозди бы делать из этих людей. Не было б в мире крепче гвоздей!»

Мы обустроивались на новом месте. Отрабатывали и утверждали документацию, необходимую для службы, жизнедеятельности и выполнения полётов. Не было классов подготовки к полётам, штабных помещений, технических помещений для службы ИАС. Всё делалось и оформлялось в одной небольшой казарме, она же штаб, она же общежитие, секретная часть, партийный учёт. По субботам все офицеры и члены семей выходили на субботники,

на которых приводили в порядок жилую территорию.

6 декабря 1988 года полк приступил к полётам днём, а уже 12 января 1989 года ночью. Летать сразу стали интенсивно во всех разрешённых лётными наставлениями и инструкциями условиях. Стрелять и бомбить было негде, так как ещё не имели своего полигона, но систематически выполнялись фотострельбы и тактические бомбометания. Мы осваивали полёты над морем и летали на практический потолок. Интересными были и просто полёты по маршруту. Взлет, выход на исходный пункт маршрута, который расположен на берегу холодного Охотского моря. Правый разворот, полёт с южным курсом к первому поворотному пункту маршрута вдоль берега моря, снова разворот. Летим через горный хребёт к Татарскому проливу. Горы здесь красивые, покрытые хвойными лесами. Над обнаженными вершинами гор всегда изрядная ветровая болтанка. Вот и Татарский пролив с его свинцового цвета волнами и белыми гребнями-бурунами. Над проливом несутся облака, подгоняемые свирепым ветром. С высоты вертолётного полёта хорошо видно, как высокие волны разбиваются о прибрежные скалы. Жуть! Новый

разворот, теперь летим вдоль гор. Полёт выше гор на пятьсот метров даёт возможность видеть одновременно слева пролив, впереди горные хребты, справа море. Ширина острова в районе залива Терпения всего 25-50 км. Стрелка АРК (автоматический радиокompас) выводит вертолёт на приводную радиостанцию аэродрома. По командам руководителя полётов поэтапно снижаемся и заходим на посадку. Сегодня отлетались. Здесь летать не то, что в Афганистане. По нам не стреляют и не надо на всё через прицел смотреть. Дисциплина полёта другая, несравненно выше.

Нет, не налетались наши ребята в Афганистане, не измотались ещё до предела морально и физически. Летать, летать и летать – на том стоит, и стоять будет наша военная авиация. Молодёжь жадно впитывает в себя опыт полётов. Вчерашние лётчики-операторы, старшие лейтенанты, теперь стали командирами экипажей, капитанами. Старшие лётчики и просто командиры экипажей стали командирами звеньев, а то и выше, майоров получили, сами уже учат некоторым видам полётов. Наш прославленный полк живёт активной жизнью.

В выходные никто не скучал. Жёнам военных, недавно при-

бывшим на остров, интересно побывать в магазинах и базарах окрестных городов, в которых достаточно много дефицитных товаров, в т.ч. японских. Впрочем, на Сахалине с любыми товарами гораздо лучше дела обстояли, чем на материке. Морепродукты представлены в большом ассортименте, а солёная лососёвая икра на развес недорого из деревянных бочонков накладывается покупателю в тару любого объёма.

Нескончаемое развлечение длится всю долгую суровую зиму на льду залива Терпения. Штормы частенько ломают лёд, и уносит его при отливе в открытое море, однако всего за одну – две ночи новый вырастет. Рыба подо льдом кишит. И стар и млад ловят замечательную рыбу корюшку. Попадает частенько навага, камбала и большеголовые колючие морские бычки.

Военный люд организованно выезжает на такую замечательную рыбалку. Приказом по воинской части для выезда на организованную рыбалку назначают старшего группы, водителя и служебную машину с утеплённой будкой и печкой-буржуйкой. Многие выезжают рыбачить с жёнами и детьми. Машины въезжают на крепкий лёд залива и останавливаются

в местах, где собирается больше рыбаков. Народ высыпает из машины на лёд, бурит лунки, запускает в них снасти. Начинается торжество ловли рыбы. Удочки самодельные и довольно примитивные из обтёсанной палки – рукоятки с привязанной к ней толстой леской и тяжёлым грузилом. К леске привязано около десятка рыболовных крючков. В качестве наживки используются небольшие кусочки разноцветного поролон или кусочки кальмара. Опускаешь удочку в лунку и легонечко подёргиваешь. Поклёвки следуют одна за другой, сколько раз дёрнулась удочка, столько рыбин попало. Вытащил снасть на лёд, только успевай снимать рыбу с крючков. У каждой лунки через непродолжительное время начинает быстро расти кучка корюшки.

Опытные местные рыбаки ловят главным образом корюшку-зубаря, она крупная с селёдку размером. Новички, т.е. мы, ловим пока корюшку – малоротку или по народному чику, которая по размерам с хорошую четверть. Обе разновидности рыбы пахнут свежим огурцом, очень вкусные в любом виде,

Весной, как только залив начнёт освобождаться ото льда, в него и устье реки Поронай пойдёт первая красная рыба. Рыба-

кам снова есть чем заниматься. Впрочем, на замечательном, богатом разнообразием природы, острове Сахалине круглый год для рыбаков и охотников есть много возможностей для их любимых занятий.

Остров наши ребята полюбили. Офицеры, назначенные в наш полк из других частей для доукомплектования, через непродолжительное время слились с нашим воинским коллективом, приняв его традиции и негласные правила.

ПРОЩАЙ, НАШ ПОЛК БОЕВОЙ

280-й ОВП слева замполит полка
Фролкин В.А., в центре у Боевого знамени
командир полка Игнатов Е.И.,
Манько А.Н.

Нас беспокоила неустроенность всех структур полка и частей обеспечения, жизни офицеров и их семей, солдат и сержантов срочной службы. Командир полка регулярно обращался к командующему воздушной армии, задавая вопросы, на которые не было от-

вета. В это время в стране шла подготовка к очередному съезду КПСС, проводились партийные конференции различных уровней. Мы были очень решительны, смелы и энергичны, мы хотели справедливости по отношению к боевому полку, нам воинам – афганцам. Партийная конференция 280 отдельного боевого вертолётного полка и частей обеспечения обратилась за правдой к партийной конференции Первой Краснознаменной Воздушной Армии и партийной конференции Военно Воздушных Сил. В обращении коммунисты перечислили заслуги полка, тяготы и лишения, выпавшие на долю наших людей, про условия в Кандагаре, потери товарищей, выполненный нами уникальный перелёт, про условия жизнедеятельности в которых мы оказались на Сахалине. Лётчики, штурманы, инженеры и техники, специалисты тыла и связи всегда готовы выполнить любое задание КПСС и Советского Правительства, но мы хотим, что бы нам были созданы нормальные условия для службы и жизни. Это обращение – крик души большого воинского коллектива реально дошёл до партийной конференции ВВС.

Снова возник вопрос несправедливости по отношению к воинам, прошедшим через

афганскую войну. Притчей во языцах стало выражение некоторых чиновников и военачальников: «Я вас туда не посылал».

Возмущение воинов – афганцев вызвало выступление академика Андрея. Сахарова на съезде народных депутатов Верховного Совета СССР. Он откуда-то получил информацию о том, что наших десантников окружённых в бою душманами, расстреляли с вертолётов, что бы они не попали в плен. Академик поверил в это и со свойственной ему горячностью возмущался с трибуны съезда. В ходе прямой трансляции съезда чудовищная ложь разносилась на весь мир. Мне позвонил по телефону Евгений Иванович Игнатов. Мы слушали этот бред, и не хватало у нас слов и эмоций для выражения возмущения. В рядах наших братьев советских офицеров – вертолётчиков не могло найтись такого человека, который мог бы выполнить такую чудовищную работу. Не было в то время военачальника любого ранга, способного отдать такой преступный приказ. Наоборот, при ранении или заболевании одного отдельно взятого бойца на блок-посту или на заставе за ним летели четыре вертолёта на борту которых 10 офицеров рисковали своими жизнями. Делегаты съезда не поверили

Сахарову, возмутились и стали топтать ногами и свистеть. Мы смотрели прямую трансляцию по телевизору и на глазах наших были слёзы, о чём мы с моим боевым командиром, не стесняясь, сказали друг другу.

Я написал обращение к академику Андрею Сахарову, в котором выразил своё возмущение – отповедь. Военный журналист полковник Александр Михайлович Олейник помог мне опубликовать обращение в газете «Комсомольская Правда».

К празднику Победы в полк доставили боевые ордена. Долго они шли до нас. Некоторые лётчики, получили одновременно по два боевых ордена или орден и медаль. Никто из офицеров без наград не остался. Солдаты, непосредственно не воевавшие, получили медали «От благодарного Афганского народа». Награды воодушевили людей, прибавили гордости и просто обрадовали. Конечно, ребята отметили это событие. Собрались офицеры неподалёку от жилого городка, на берегу небольшой речки. Ордена опустили в стаканы с водкой, которая выпивалась до дна а награда прикручивались на китель. Третий тост, ставшей неизменной традицией за память о погибших товарищах.

Игнатову, Манько, Фролкину на военном совете в Хабаровске, командующий Воздушной Армии вручил ордена «Боевого Красного Знамени».

После окончания военного совета командование полка и командиры частей обеспечения приглашены в комнату совещаний. Командующий в присутствии членов военного совета сообщил, что наше обращение было услышано командованием ВВС и Генеральным Штабом Вооружённых Сил СССР. Судьба 280 отдельного вертолётного полка с его славной сорокалетней историей, награждённого вымпелом Министра обороны «За мужество и воинскую доблесть», Почётным знаменем Туркестанского военного округа, была решена: «Расформировать до конца июня 1989 года».

Для рассмотрения и частичного решения множественных проблем, возникающих при расформировании воинских частей, к нам прибыла группа, состоящая из офицеров различных структур из штаба армии, во главе с генерал-майором Этингером Павлом Игоревичем заместителем командующего ВА по боевой подготовке

Нам повезло с генералом, хорошо понимающим самое главное. Люди прошедшие через множественные испытания

достойны уважительного отношения к себе и своим семьям. К ним нужно относиться с пониманием, вникать в их элементарные нужды и просьбы. Павел Игоревич спокойно и доброжелательно беседовал с каждым офицером, интересовался семейным положением, наличием квартиры на острове или материке. Изучив все параметры служебной деятельности и семейные обстоятельства военнослужащих, генерал спрашивал пожелания о прохождении дальнейшей военной службы. По возможности, пожелания учитывались, а если они и возможности военной службы не совпадали, об этом нашим военнослужащим давалось разъяснение. Этингер был достойным представителем поколения советских авиационных генералов, понимающих проблемы офицерского бытия в отдалённых гарнизонах, поколения начальников, умеющих глубоко по-человечески вникать в сущность. Генерал вызывал у всех офицеров чувство глубокого уважения к себе.

Значительная часть личного состава и авиационной техники оставалась на острове в распоряжении другого вертолётного полка, штаб которого размещался на материке в Приморье. Часть лётного и инженерно-тех-

нического состава уходила во вновь формируемую отдельную эскадрилью в Прибалтику. Излишние, сверхштатные вертолёты передавались в другие части Дальневосточного Военного округа.

В первых числах июня 1989 г. командир полка полковник Игнатов Евгений Иванович и начальник штаба подполковник Копчунов полетели на военном самолёте в Хабаровск, где сдали боевое знамя полка, часть документов, печати и штампы. В это время инженеры и техники передавали из одной части в другую вертолёты, автомобильную специальную технику. Я работал над партийными документами, подписывал открепительные талоны для постановки

коммунистов на партийный учёт в других политотделах. Печальное это дело расформировывать боевой полк, с которым сроднился и в котором оставил частичку души. Игнатов и Фролкин назначались в город Торжок, где были должностные вакансии, а Манько оставался на Сахалине. За две недели до окончательного расформирования полка я позвонил по телефону генералу Сафронову В.В., доложил ему о завершении работы политотдела и расформировании полка. Он разрешил мне убыть в очередной отпуск и к новому месту службы. Вадим Васильевич посетовал, что не может мне предложить достойную должность в своём подчинении и выразил уверенность, что я всё равно не пропаду. Тепло попрощались. Полка уже не было ни юридически ни фактически, поэтому я простился с близкими мне офицерами и убыл к семье решать неотложные семейные проблемы.

Торжественный марш полка 9 мая 1989 г. Сахалин, п. Леонидово. Во главе полковник Е. Игнатов, подполковники А. Манько, В. Фролкин

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Воспоминаниях о 280 Обвп нет места приукрашиванию или неправде. В описываемое мною время полком можно было гордиться. Главным достоянием являлись замечательные люди, которых воспитала Родина на советских традициях, военная авиационная среда и воинский коллектив. Сами боевые будни афганской войны уже являлись воспитывающим фактором. Немалую роль сыграла работа первичных партийных и комсомольских организаций. Не принято было в военной авиации щёлкать каблуками, проявлять показное чиновничество. Взаимное уважение начальников и подчинённых являлось результатом совместного переживания тягот и лишений, совместного выполнения опасных полётов, умения выслушивать друг от друга правду. В нашем полку было это взаимное уважение командиров – лётчиков и подчинённых – лётчиков. В полной мере это относится и к инженерно-техническому составу.

Остался богатый боевой опыт, и горечь от тяжёлых ошибок своих и чужих. Можно было не допустить гибели экипажа

и пассажиров вертолёт Ми-8 майора Вахрушева. Не хотели лётчики такого исхода, они жить хотели, но не справились с управлением и погибли. Значит, не смогли, потому что не умели, а контроля необходимого со стороны командиров не хватило. Правильно ругался строгий командарм Борис Всеволодович Громов и требовал учить лётчиков летать в экстремальных условиях войны, а не гробить людей. На войне всё или почти всё списывают на неё. Это понятно, но это неверно. Во все времена существовала порочная практика сбагривания в другие части негодных офицеров, слабых лётчиков. Не прикрывали бы сами себе глаза от правды во все времена, больше было бы порядка и меньше потерь. Об этом много говорят в кулуарах и почти никогда открыто. Прошло много лет с той войны, после неё почти без перерывов запольхали другие войны. Многие из бывших афганцев хлебнули военного лиха в Абхазии и Приднестровье, первой и второй Чечне, Осетии. Уже давно не летаю ни я сам, ни мои боевые товарищи. Опыт живёт в нас, в нашей памяти, в воспоминаниях, мемуарах, в песнях и стихах, картинах и кинофильмах. Очень хотелось бы, что бы он, пусть избирательно, применялся в учёбе и реальных дей-

ствиях современных вертолётчиков. Боюсь, что их современное поколение не знает много из того, что знаем и умеем мы, вертолётчики-ветераны афганской войны.

Не являюсь писателем, не претендую на художественную ценность книги, но надеюсь, что она заинтересует и пригодится читателям, особенно военным лётчикам.

Ушли из жизни очень сильные лётчики, не расставаясь с любимым делом. По разным причинам ушли из жизни и другие близкие по истории полка люди, но не должны они уходить из памяти поколений. Не должны забываться, потому что они люди, отдавшие жизнь за нашу Россию, а значит за нас живых и за будущее страны.

6 июня 1991 года генерал-майор Этингер Павел Игоревич погиб в авиационной катастрофе при выполнении учебно-тренировочного полёта на самолёте Су-27.

17 июня 1998 г. генерал-майор Воробьёв Борис Алексеевич погиб в авиационной катастрофе при выполнении исследовательского полёта в Торжке на вертолёте Ка-50

В 1995 году подполковник Купрышкин Владимир Владимирович погиб в Испании при тушении лесных пожаров на вертолёте Ми-8.

НОЧЬ ПОД КАНДАГАРОМ

*Посвящается 25 летию
вывода Советских войск из
Афганистана*

*Впервые опубликован в
газете «Торжокская неделя»
12 февраля 2014 г. Рассказ
основан на реальных
событиях.*

Взвод назначили в боевое охранение. Четыре боевые машины БМП-2 выдвинулись из боевых порядков десантно-штурмового батальона и расположились на небольших возвышениях и обрывистом берегу сухой реки.

Боевая группа из состава мотострелковой бригады целый месяц проводила операцию по противодействию переброске оружия и боеприпасов из Пакистана в горные районы Афганистана.

Десантно-штурмовой и горный батальоны расположились на стыке Дашти Марго, что в переводе на русский язык означает «Пустыня смерти» и южных отрогов Гиндукуша.

Экипаж БМП с бортовым номером 22 на время нахождения

в боевом охранении был усилен двумя стрелками, которые постоянно находились в распоряжении командира боевой машины. Стрелки – Витёк и Борька, оба родом из под города Горького, прослужили всего по полгода, в Афган прибыли пару месяцев назад, а на боевых были впервой. Ребята старательные, но еще не обстрелянные, наивные и доверчивые.

Механик-водитель Славка прослужил уже год, половину срока в Афгане, а значит числился опытным бойцом. Родом он был из Челябинска, где до армии работал на танковом заводе, а поэтому хорошо знал и любил свою бронированную машину.

Стрелок-наводчик Саня, этот родом из Калининской области, дембель. После операции готовился отбыть на родину, форма и альбом дембельский полностью готовы.

Командиром этого грозного войска был Саня Удалов, сержант-сверхсрочник. В Афганистане отслужил всю срочную службу и год еще сверху. Был он неторопливым и уверенным в себе мужиком, с крепким внутренним стержнем, который окружающие его люди интуитивно ощущали, а подчинённые беспрекословно выполняли его поручения.

Он был родом из деревни с окраины Калининской области. Ребята в деревне рано привыкали к физическому труду, помогали родителям управляться по хозяйству. Санька охотно помогал отцу плотничать, столярничать, чинить трактор и другую технику. Нелёгкий деревенский быт закалял мальчишек, делает неприхотливыми в еде и крепкими физически. Эти качества, воспитанные в сельском мальчишке давали много преимуществ в армейской службе и особенно на войне.

День был банным. После обеда по банному графику мылся их взвод. Сержант остался у машины, а бойцы со старшиной роты пошагали к банной палатке. Под окрики грозного прапорщика из хозвзвода, ребята помылись быстро и в чистом белье расслабленные от горячего душа, вернулись к своей поцарапанной, местами помятой БМПшке.

Удалов пошел в баню перед самым ужином вместе с другом Серёгой, тоже сверхсрочником из их же взвода. Друзья договорились вечером после ужина посидеть вдвоём и выпить самогонки припасённой заранее. Они и местечко присмотрели. Между их машинами была небольшая лощинка, где и экипажи рядом и начальство не разглядит.

С наслаждением помывшись в горячем душе и потеряв грубыми мочалками другу другу спины, Санька и Серёга, балдея от чистого собственного тела и свежестиранного белья, не спеша дошли до 22-й Сашкиной бронемашины. Присели на пустые ящики от снарядов, закурили, помолчали, отдыхая от дневной суеты.

– Слушай, Серёга, скоро ротный будет обход охранения делать, как он от тебя уйдёт, сразу иди на место. Не забудь химкомплект захватить, кружки, тушёнка тоже с тебя, ну а я – остальное.

– Лады, Сань!

Предвкушая выпивку и неспешную беседу с другом Сергей пошагал к своей БМП под двадцать третьим номером. Красный диск солнца приблизился к зубчатым вершинам гор, на закате, стало прохладно. В долинах предгорий и под обрывом сухой реки сгущались семерки.

Из расположения боевой группы доносились звуки жизнедеятельности большой массы военных людей. Закончилось движение боевой и специальной техники, перестали рычать двигатели. В холодеющем воздухе были слышны негромкие команды офицеров, обходящих перед ночью свои подразделения, у столовой прапорщик-

начпрод поругивался с дежурным по столовой.

День заканчивался спокойно, как и другие дни этой операции.

– С лёгким паром, мужики!

К машине подошел командир роты капитан Шумилов.

– Спасибо! Товарищ капитан – отозвался Саня.

– Пужинали?

– Нет пока. Два бойца пошли с котелками, придут, поедим.

– Смотри внимательнее ночью, Удалов. Уж больно гладко операция заканчивается. Бойцы расслабились, а духи народ коварный. Да что тебе говорить, никак три года воюешь.

– Не, товарищ капитан. Два с половиной, полгода первых в учебке был.

– Тоже круто, два с половиной. Я вот только один год, а уже на весь этот пейзаж глаза не глядят. Ты, Удалов, после операции в отпуск собирайся, хватит духов пугать. Ты их так замучил, что за всю операцию никого и не видели на расстоянии выстрела.

Санька промолчал, ему не хотелось говорить ни про отпуск, ни про дальнейшую службу.

– Ну всё, несите службу!

Офицер пожал сержанту руку и двинулся по берегу сухой реки к Серёгиной БМПшке №23.

Из столовой вернулись Витёк и Борька с харчами. Экипаж расположился на ящиках из под снарядов вокруг самодельного стола, сколоченного Сашей из тех же ящиков.

– Вы, мужики, останьтесь, а мы с Серёгой в овражке перекурим да за жизнь потолкуем. Стемнеет в машине ложитесь спать и не курите по темноте. Я за обстановкой посеку, а в 24.00 Витька заступит и дальше как договорились. Саня – земля с 4.00 до 6.00, он всё равно плохо спать обязан перед дембелем.

Санька вытащил из машины вещмешок, в который засветло положил полбуханки хлеба, банку рыбных консервов, жестяную банку с соком и заветную фляжку с самогоном. Самогон Саня купил по случаю у водителя КАМАЗа – наливника.

Солнца уже не было над горизонтом, но чёрная афганская ночь ещё не вступила в свои права.

Саня, осторожно обходя валуны, подошёл к небольшой лощинке находящейся в десятке метров от БМП и почти посередине между двумя соседними машинами.

В сторону предгорий местность была открытая, изрезанная неглубокими промоинами от ручьев, наполняющихся водой зимой в сезон дождей. Сза-

ди на фоне гаснущего небосклона виднелся силуэт его боевой машины.

Серёга уже хозяйничал. На большом плоском валуне он расстелил газету, поставил кружки, открыл банку с тушёнкой и соком.

– Сань, я уже заждался, есть после баньки хочется, а выпить ещё больше чем есть.

– Спешка, Серёга, нужна, когда в бане вода кончается – хмыкнул Санька. Он не спеша достал из вещмешка свои скромные припасы, на почётное место импровизированного стола поместил фляжку с самогоном.

Присели на разостланные на каменной земле химкомплекты. Саня разлил по кружкам пахучую жидкость.

– Ну что, братуха, за пехоту! – чокаясь о кружку приятеля, негромко сказал Саня.

– За пехоту! – вторил ему Серёга.

Выпили, не спеша закусили хлебом с размазанной по нему тушенкой. Не мешкая выпили по второй за неизбежность дембеля.

– Сань! А ты чего в отпуск не ходишь, мужики говорят, что и после окончания срочной службы домой не летал?

– Мне некуда летать и не к кому, – глухо ответил Саня. Давай по третьей выпьем за тех, кого нет.

Сверхсрочники накрылись одной накидкой из химкомплекта, легли на землю головами к лагерю и закурили пахучие сигареты «Прима».

– Сань, а ты что детдомовский, почему ездить-то некуда?

Жадно затянувшись сигаретой несколько раз подряд, Санька ответил очень тихо, отделяя одно слово от другого:

– Были отец и мамка и сестрёнка, а теперь нет никого. В деревне мы жили, родители в совхозе работали, своё хозяйство было, корова, поросёнок, куры. Всё в общем-то как и положено в сельской местности. Я уже в армии служил, мама в письме написала, что совхоз совсем разваливается, заработков совсем нет, живём только за счёт подсобного хозяйства.

Потом узнал уже из письма от друга. Отец долго искал работу в городе, ну и в конце концов нашёл. Комнату в заводском общежитии на семью дали. Стали в город перебираться, живность распродали, дом совхозный был, его просто сдали. Загрузили кое-какие вещи в старенький Москвич, он у нас очень давно был куплен, да и поехали в город жить. На железнодорожном переезде под поезд попали. Там поезда два раза в сутки ходят, вот отец видно рискнул проскочить, да не успел, а может

сигнализация не сработала, а она часто барахла. В общем тепловоз на большой скорости от «Москвича» с моими всеми ничего не оставил. Я тогда, как и сейчас на боевых был, узнал обо всем через месяц после случившегося. У меня уже дембель должен быть, мне сразу предложили первым же самолётом в Союз лететь. А куда? Ни дома, ни родных, переночевать и то негде. Комбат по моей просьбе поговорил с командиром бригады и меня оставили на сверхсрочную.

Давай, Серёга, наливай, а то у меня что-то глаза намокли.

Саня выбросил погасший окурочек и потянулся за кружкой.

Афганская ночь давно вступила в свои права и после непродолжительных сумерек наступила непроглядная тьма. Совершенно чёрное небо с крупными яркими звёздами создавали впечатление нереальности окружающего мира.

В то время, пока сверхсрочники курили под накидками, на небосводе показалась огромная луна, освещающая мертвенным светом пространство на границе каменистой чёрно-серой пустыни Дашти Марго и мелких отрогов гор Гиндукуша, спускающихся к ней. В свете луны чётко просматривались силуэты боевых машин.

Давай ещё по одной, да пойду у машины подежурю, – проговорил Саня и потянулся кружкой к товарищу.

Сзади сержантов Сани и Сергея от крутой излучины сухой реки раздался резкий, разрывающий ночную тишину грохот и почти сразу ослепительное пламя вырвалось из башни Санькиной БМП, раздался сильный звук взрыва.

– Пацаны!!!

Санька орал и карабкался по осыпающемуся склону ложбины к горящей машине.

Серёга сдёрнул друга за ногу на дно ложбины и лёг на его голову всем телом.

Теперь уже от страшного грохота расколосось, казалось, само небо. Кругом падали обломки и капли горячей солярки, гулко ухали взрывающиеся снаряды и хлопали патроны боекомплекта. С соседних постов и БМП застучали пулемёты. Бойцы охранения наугад стреляли по направлению к излучине реки. Светящиеся трассы сходились на каменистом обрыве и рикошетом уходили вверх.

Беспорядочная стрельба быстро закончилась.

Санька с Серёгой поднялись на ноги и выбрались из ложбины.

Машины не было. После взрыва боекомплекта остались

обгорелые ведущие катки и нижняя бронеплита. Чадили и медленно гасли островки горящего масла и соляры.

Пацаны, пацаны, пацаны! – кричал Санька, пересохшими губами, но изо рта вырывался чуть слышный шепот. Он не слышал криков ротного прибывшего к остаткам машины и пытавшегося отозвать его от опасного места. Они с Серёгой оглохли от взрыва боекомплекта и шатались от контузии. Сверкнула яркая вспышка от взорвавшейся гранаты. Санькину руку и щеку пронзила острая боль. Он очумело посмотрел на руку. Безымянный палец отсекло осколком гранаты и осколком же пробил щеку. Рука болела, но эту боль затмевало чувство ужаса от сознания того, что его пацанов больше нет, и почти ничего от них не осталось, кроме тех небольших фрагментов, которые мозг не хотел воспринимать.

Ночь казалась бесконечно длинной. Луна ушла с небосвода, устав освещать своим бледным неживым светом каменистую долину сухой реки, обезображенную воюющими друг с другом людьми.

Он сидел в грузовой кабине восьмёрки, так все называют транспортно – боевой вертолёт Ми-8. Подташнивало от конту-

зии и саднило левую, забинтованную прапорщиком – медбратом руку. Слышал окружающие звуки как бы сквозь вату и напутствия друга Серёги об отдыхе и дембеле не доходили до сознания.

Сержант Александр Удалов первый раз в жизни сидел в вертолёт. Рядом с ним стоял небольшой фанерный ящик, на котором шариковой ручкой были написаны фамилии его бойцов. Четверо бойцов были в этом обшарпанном ящике обитом металлической лентой.

Напротив Сани сидел капитан – начальник разведки бригады, его было хорошо видно потому, что в вертолёт по толчку горели синие фонарики. Капитан был оживлён, ёрзал на сиденье, крутил головой, заговаривал с бортовым техником вертолэта, который что-то проверял, поправлял, включал и выключал какие-то выключатели. Оказывается капитану дали долгожданный отпуск и он рвался на аэродром что бы поскорее улететь в Союз.

В вертолёт поднялся по лесенке лётчик в очень чистом, почти белом комбинезоне и новых кроссовках. Он кивнул капитану и Саньке, досадливо крикнул, увидев ящик с фамилиями бойцов, на своём лётном языке поговорил о чём-то со штурманом.

Ну что, мужики, в полёте не курить и по салону не ходить. Полетим напрямик через пустыню, долетим минут за тридцать. Я сегодня майора получил, отметить надо.

Лётчик надел на голову тяжёлый зелёный шлем и шагнул в пилотскую кабину в которой мигали и переливались разными цветами многочисленные табло, приборы и лампочки.

Сильно завыл пусковой двигатель и через минуту загудели основные двигатели, зашуршали лопасти, набирая обороты.

Из пилотской кабины вышел оживлённый бортовой техник, выскочил на улицу в темноту и через несколько секунд забрался обратно втащив за собой лесенку. Он с шумом закрыл сдвижную дверь, крикнул: «Ну, погна-ли, мужики, не робейте!»

Юркнув в пилотскую кабину, бортовой техник захлопнул за собой её дверь.

Двигатели загудели сильнее, вертолёт мелко подрагивая и чуть покачиваясь, стал отрываться от земли.

Саня, баюкая на груди раненую руку, с любопытством смотрел в круглый блистер грузовой кабины. Было видно, как загорелись впереди снизу две мощные фары, луч одной из них медленно пополз вперед, а другой наоборот вниз под брю-

хо вертолэта. Вокруг в свете фар бесновалась пыль, мелкие камушки пощёлкивали по обшивке и стёклам взлетающей машины. Вертолёт наклонился и наращивая скорость понёсся сквозь пыль вперед и вверх.

Рёв двигателей, работающих на предельной мощности, и шум винта пересилил чужой, посторонний звук. Что это – не успели осознать ни пассажиры, ни опытный экипаж. Это был невыносимый шум от адской огненной силы разрывающей металл вертолэта. Это был голос агонии умирающего, некогда сильного, умного и прекрасного творения рук человеческих – вертолэта Ми-8.

Взрыва не было. Бортовой техник в последние доли секунды своей жизни перед ударом о землю выключил двигатели.

Поседевший за последние сутки сержант сверхсрочной службы Александр Удалов, 21 года от роду был без сознания. Вся его одежда насквозь пропитана авиационным керосином, хлеставшим из разорванных топливных баков. Обеими руками – здоровой и раненой он мёртвой хваткой держался за ящик с останками ребят. В мешанине из дюрала, трубопроводов, жгутов с проводами, керосина и масла он был жив и даже не ранен. Прапорщик –

медбрат привёл сержанта в чувство нашатырным спиртом, после этого с трудом отцепил его руки от ящика и снял всю одежду, пропитанную ядовитым, обжигающим плоть керосином. Совершенно голого бойца положили его на носилки и бегом перетаскивали в другой вертолёт.

На рассвете в бригадный госпиталь привезли тела погибших лётчиков не успевших отметить новое воинское звание командира экипажа. С ними доставили капитана – разведчика, которому уже никогда не бывать в отпуске. Последним доставили фанерный ящик искорёженный и залитый керосином и маслом, в котором уместились пацаны из Горького, Калинина и Челябинска. На своих ногах в госпиталь вошел сержант сверхсрочник Александр Удалов с отсеченной фалангой на безымянном пальце левой руки и намазанной йодом щекой.

Через три дня сержант Удалов самовольно покинул госпиталь и уехал на попутной броне в район боевых действий. Теперь надо было воевать и за его пацанов.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФРОЛКИНА
НА ВСТРЕЧЕ ВЫПУСКНИКОВ В Г. СЫЗРАНИ
13.08.2016 г.**

«Мужики! Мы счастливые люди! Мы очень счастливые люди! Мы жили в прекрасное время. Мы были и остаёмся романтиками, влюблёнными в небо. Небо выбрали нас. Мы гордились тем, что носили авиационную форму. Мы очень любили и любим авиационный флаг с теплыми яркими лучами солнца на фоне голубого чистого неба. Никто из нас не думал о должностях и деньгах, нам только хотелось летать в военной авиации. Мы пронесли через всю свою жизнь любовь к военной авиации и нашей великой Родине. Многие из нас стали элитой не только армии, но и всего Российского общества. Об этом говорят высокие государственные награды и достигнутые военные и гражданские посты многих наших выпускников. К сожалению, каждый третий из наших ребят ушёл из жизни, мы помним их всех поименно и будем помнить, пока живы сами.

Горжусь тем, что отношусь к нашему поколению.

Честь имею!

СОДЕРЖАНИЕ

Полковник Фролкин Владимир Александрович.....	4
Комиссар.....	9
Предисловие.....	12
НЕБО ВЫБРАЛО НАС.....	14
Когда закончатся войны?.....	16
Курсантские годы	24
Песня курсантов Сызранцев.....	26
Абитура – поступление в Сызранское лётное училище.....	28
Курс молодого бойца	32
Присяга.....	33
Курсантская жизнь	34
Спорт	36
Прыжки с парашютом	37
Юбилейная медаль 50 - лет Вооружённых Сил СССР.....	39
Пьяный поезд	44
А у солдата выходной идёт солдат по улице	46
Курсант Кулибин Нефёдов	47
Художник Виктор Хохрин	48
Служба мёдом не казалась	49
Полёты на вертолётах	51
Отпуск	59
Четвёртый курс г. Пугачёв	59
Город Пугачёв	61
«Голубой карантин»	66
Выпуск из училища	67
УДАВ ИЛИ (НАД ГИНДУКУШЕМ И РЕГИСТАНОМ)	68
Чирчик, 1038 Центр подготовки лётного состава Армейской авиации	70
Встреча с Кабулом	73
Конференция по боевому применению	76
Кандагар.....	79
Командир Халитов	89
Несправедливость.....	90
Первый боевой вылет	92
Колонна в горах	95
Свободная охота	98
Фарахруд	101
Исчезающий аэродром	108
Политработа в боевой обстановке	109
Партийное собрание	114
Дисциплина и есть дисциплина	115
Генерал армии Варенников	119
Афганский генерал Исмаил-Хан	122

Штурмовик.....	123
Пьяный полёт.....	125
Семь дней без войны	127
Новый год по-афгански	130
Охотники за караванами	133
Комбат Горатенков	136
На стрельбище	139
Нашего полку прибыло	140
Генерал-майор Вячеслав Улезько	142
Командир полка Игнатов Евгений Иванович	150
Советский солдат	154
Ночной обстрел	156
Надоело воевать	158
Комбриг Никулин	161
Мой дом	164
Штурман, курс	164
Боевые потери.....	168
«За вас, за нас и за спецназ!»	172
Полковник Анатолий Филипёнок	180
Полковник Александр Руцкой	183
Караван	185
Рафкат	192
Караванный путь	195
Подготовка к выводу войск	203
Долгий путь домой	208
Журналисты	211
Генерал Захаров	213
Последний боевой	215
Мы уходим	220
Прощайте горы	225
Полёт на родину	228
Новая боевая задача	231
Вертолёты над Сахалином.....	240
Прощай, наш полк боевой	249
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	253
Ночь под Кандагаром (рассказ).....	254
Выступление Владимира Александровича Фролкина на встрече выпускников в г. Сызрани 13.08.2016 г.....	262
СОДЕРЖАНИЕ.....	264

БИБЛИОТЕКА ЛЁТЧИКА

Фролкин Владимир Александрович

Небо выбрало нас

*Дизайн, вёрстка В. Алексеев
Художник В. Романов
Корректоры:
Мочалова Валентина Александровна;
Ткачева Светлана Викторовна.*

Подписано в печать 23.02.2018

Формат 72x104/8. Бумага мелованная,
глянцевая 100 гр /м².

Гарнитура «Regular».

Печать офсетная, 266 с.

Усл. печ. л. 66,5

Тираж 500 экз.

Заказ № 189.

Отпечатано

ISBN

Замечания и предложения просьба присылать по адресу:

frolkin.50@mail.ru